

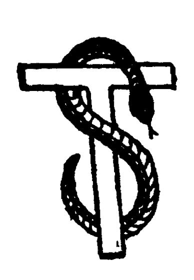
ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 октября.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
—
1910

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи".

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные" (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

Редакція.

СОДЕРЖАНІЕ

октябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

		стран.
1.	Біографія доктора Т. Паскаля (съ портрет.), Д. Курмъ .	1
2.	Рѣчь доктора Т. Паскаля, пер. М. В.	13
3.	Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ, Т. Паскаля, пер. А. Г. (продолженіе)	18
4.	Мистики, Р. Штейнера, пер. Е. П. (продолженіе) . . .	27
5.	Бхагавадъ-Гита (продолженіе), пер. И. М. и Alba . . .	41
6.	Мистика и поэзія звука, П. Батюшковъ	46
7.	Книга проф. Джемса, П. У.	53
8.	Общеніе съ міромъ духовъ, д-ръ Ф. Гартманъ, пер. Д. Странденъ (окончаніе)	62
9.	Обозрѣніе теософической литературы, Alba	84
10.	Хроника теософическаго движенія	90
11.	Изъ газетъ и журналовъ, Н. Т.	93
12.	Научное обозрѣніе, М. К.	95
13.	Письмо изъ Англіи, Дана (продолженіе слѣдуетъ) . .	97
14.	Отдѣлъ духовныхъ исканій. Слабая сторона нынѣшнихъ христіанъ, Т.	108
15.	Отзывы о книгахъ	112

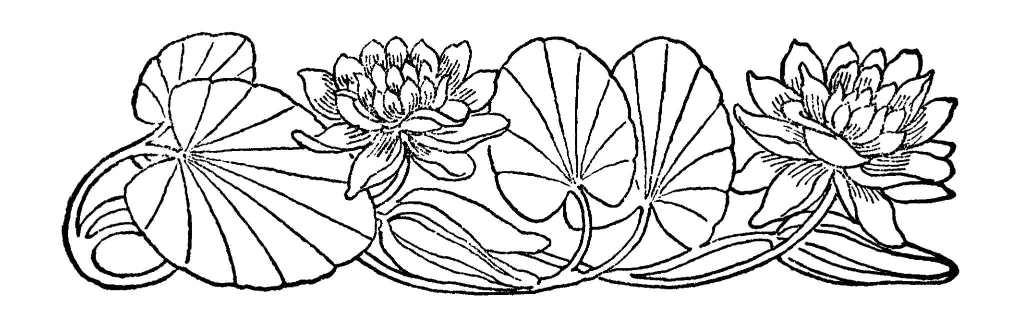
SOMMAIRE.

Pages.

1. Biographie du docteur Th. Pascal (avec portrait), par D. Courmes 1
2. Discours, prononcé par le dr. Th. Pascal, trad. de M. V. . 13
3. La sagesse antique à travers les âges, par le dr. Th. Pascal, trad. par A. G. (Suite) 18
4. Les Mystiques, par le dr. R. Steiner, trad. par E. P. (Suite) . 27
5. Bhagavad-Gita, (Suite) trad. par I. M. et Alba 41
6. Le mysticisme et la poèsie du son, par P. Batuchkoff. . . 46
7. Le livre du prof. James, par P. Ou. 53
8. De la communion avec le monde des esprits, par le d. Fr. Hartmann, trad. par D. Stranden (fin) 62
9. Revue de la littérature théosophique, par Alba 84
10. Chronique du mouvement théosophique 90
11. Revue des journaux, par N. T. 93
12. Revue scientifique, par. M. K. 95
13. Lettre d'Angleterre, par Dana. 97
14. A la recherche de l'Esprit. Le côté faiple des chrétiens modernes, par. T. 108
15. Notes bibliographiques 112

Докторъ Теофилъ Паскаль.

Біографія доктора Т. Паскаля.

Эти страницы представляютъ собою лишь набросокъ жизни мыслителя-теософа, только что покинувшаго видимую арену земли, писателя, творенія котораго въ теченіе 17 лѣтъ печатались въ Теософическомъ Обозрѣніи (во Франціи), а рѣчи — въ теченіе еще болѣе продолжительнаго времени приносили свѣтъ и бодрость многимъ сердцамъ. Эти страницы написаны рукою друга, знавшаго д-ра Паскаля около тридцати лѣтъ, изъ которыхъ половина протекла въ совмѣстной теософической работѣ при полномъ согласіи во взглядахъ.

Докторъ Теофилъ Паскаль родился 11 мая 1860 года въ Вилькрозѣ, маленькомъ мѣстечкѣ департамента Варъ, на югѣ Франціи; дѣтство его протекло въ деревнѣ. Ему было уже болѣе 16 лѣтъ, когда его родственникъ, священникъ изъ Тулона, призвалъ его къ себѣ и, обративъ вниманіе на выдающіяся способности юноши, помогъ ему приготовиться къ экзаменамъ. Паскаль принялся такъ успѣшно за работу, что въ скоромъ времени получилъ аттестатъ зрѣлости и поступилъ въ морскую медицинскую школу въ Тулонѣ.

Въ 1882 году онъ окончилъ ее первымъ ученикомъ, съ чиномъ морского фельдшера. Вскорѣ за тѣмъ онъ получилъ въ Ліонѣ званіе младшаго врача на эскадрѣ Средиземнаго моря; въ этой должности онъ совершилъ нѣсколько недалекихъ плаваній, но хотя начальство и больные очень цѣнили д-ра Паскаля, онъ не долго продолжалъ морскую службу. Въ 1886 г. онъ женился, вышелъ въ отставку и сдѣлался частнымъ врачемъ-гомеопатомъ въ Тулонѣ. Приблизительно въ то же время онъ началъ заниматься теософіей.

Въ 1881 г., когда д-ръ Паскаль былъ еще студентомъ и посѣщалъ морской госпиталь въ Тулонѣ, ему пришлось однажды дежурить у кровати больного лейтенанта, повредившаго себѣ руку во время трудныхъ военныхъ дѣйствій, закончившихся кораблекрушеніемъ на берегахъ южной Америки. Этотъ больной былъ Д. А. Курмъ, уже тогда состоявшій членомъ Теософическаго Общества. Такова была встрѣча этихъ двухъ друзей, которымъ суждено было вновь свидѣться нѣсколько лѣтъ спустя и долго работать вмѣстѣ на нивѣ теософіи; впрочемъ, о ней не было сказано ни слова на этотъ разъ.

Въ 1887 г. они вторично встрѣтились въ Тулонѣ и тогда о теософіи впервые заговорилъ Д. А. Курмъ, состоявшій въ то время въ чинѣ капитана I-го ранга. Почва оказалась очень благопріятной; молодой врачъ уже интересовался человѣческимъ магнетизмомъ, первыя же свѣдѣнія о теософіи его всецѣло захватили. Онъ съ такимъ рвеніемъ принялся изучать ее, что скоро перегналъ своего учителя, къ которому онъ впрочемъ навсегда сохранилъ большую признательность, дѣлавшую честь ему, д-ру Паскалю, ибо Курмъ никогда не считалъ себя чѣмъ-либо инымъ, какъ орудіемъ Тѣхъ, которые, обладая знаніемъ, часто пользуются наипростѣйшими двигателями для того, чтобы вызвать къ дѣятельности болѣе сложные.

Вступивъ въ 1891 г. въ Теософическое Общество, д-ръ Паскаль со слѣдующаго же года приступилъ къ своему цѣнному сотрудничеству въ Revue théosoph. francaise, сотрудничеству, хотя и длившемуся 17 лѣтъ, все же слишкомъ рано прекратившемуся вслѣдствіе утраты здоровья и жизни писателя.

Въ то время главный теософическій французскій журналъ находился въ рукахъ Arthur Arnould при ближайшемъ сотрудничествѣ Emile Coulomb (Amaravella); подъ ихъ эгидой д-ръ Паскаль познакомилъ насъ съ интересными теософическими данными, оказавшими огромное нравственное вліяніе на французскую публику. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

Въ 1892 г. появился рядъ статей „о человѣкѣ", вошедшихъ затѣмъ въ составъ извѣстной книги „Семь началъ человѣка", изданной въ 1895 г.

Въ 1893 г. появились статьи о психическихъ силахъ, о паденіи ангеловъ и человѣка.

Въ 1894 г.—статьи о „перевоплощеніи", вошедшія въ слѣдующемъ году въ составъ его книги того же названія.

Въ 1895 г.—интересныя статьи о кама-маназическихъ элементаляхъ.

Въ 1896 г.—по смерти Arthur Arnould (въ концѣ предыдущаго года) руководство Теософическимъ Обозрѣніемъ переходитъ въ руки д-ра Паскаля и коменданта Курма, отказавшагося ради этой цѣли отъ дѣйствительной службы во флотѣ. Въ томъ году д-ромъ Паскаль написанъ рядъ статей о формахъ мысли.

Въ 1897 г. появляются статьи на разныя темы и A. B. C. Теософіи (азбука).

Въ 1898 г. печатаются статьи о христіанствѣ и о доисторическихъ расахъ.

Къ этому времени здоровье д-ра Паскаль сильно пошатнулось; нервное разстройство заставило его прекратить всякую работу. Хотя старше годами и тоже больной, Курмъ взялся продолжать одинъ руководство Обозрѣнія, въ то время какъ A. Besant увезла Паскаля въ Индію для возстановленія его силъ въ тишинѣ этой страны. Оттуда онъ прислалъ нѣсколько статей объ „Укротителяхъ огня“ и о томъ, „что укрощаетъ огонь“.

Въ 1899 г. д-ръ Паскаль вернулся во Францію; онъ достаточно оправился, чтобы быть въ состояніи дать Обозрѣнію многочисленныя статьи; главныя изъ нихъ озаглавлены слѣдующимъ образомъ: Богъ, Вселенная и человѣкъ, сомнѣніе и увѣренность. Въ это же время появилась его новая книга: Теософія въ нѣсколькихъ главахъ. Къ тому времени д-ръ Паскаль рѣшилъ разстаться съ тѣмъ небольшимъ провинціальнымъ городомъ, въ которомъ онъ пользовался уже медицинской извѣстностью, и переселиться въ Парижъ, надѣясь обезпечить тамъ свою семью (жену и дочь), а главное для того, чтобы лучше служить теософіи въ столицѣ своей родины. Это была огромная жертва съ его стороны, такъ какъ легко было предвидѣть какъ матеріальныя невзгоды, такъ и нравственныя затрудненія всякаго рода, ожидавшія его.

Въ 1900 г. появились статьи о „древней соціологіи“, „о двойственности состояній сознанія“, „о проблемѣ неравенства общественныхъ положеній“ и рядъ замѣчательныхъ статей, читанныхъ въ Aula (большомъ залѣ) Женевскаго университета, напечатанныхъ въ Теософическомъ Обозрѣніи (впослѣдствіи отдѣльнымъ томомъ) и вызвавшихъ критику со стороны нѣкоторыхъ представителей университетской науки. На эти возраженія д-ръ Паскаль выступилъ съ отвѣтомъ.

Въ январѣ 1900 г. была основана французская секція Теософическаго Общества, т. е. французскіе теософическіе элементы правильно съорганизовались. Съ любовью и довѣріемъ французскіе теософы предложили д-ру Паскаль занять должность главнаго секретаря; въ этой должности онъ ежегодно бывалъ переизбираемъ вплоть до того момента, когда состояніе его здоровья вынудило его отказаться отъ нея.

Въ это время, по случаю всемірной Парижской выставки, молодая, едва образовавшаяся секція, попыталась воспользоваться довольно благопріятными внѣшними условіями, чтобы впервые осуществить объединеніе теософовъ правильнымъ созывомъ своихъ сочленовъ всѣхъ странъ на международный теософическій съѣздъ. Этотъ съѣздъ открылся 24 іюня въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ основателя Общества: H. S. Olcott и M-me Besant, въ качествѣ главнаго руководителя. На немъ присутствовали индусскіе и нѣкоторые иностранные теософы, между прочимъ, генералъ-секретарь Нидерландской секціи, а также большинство французскихъ членовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе съѣзды стали собираться періодически, ихъ нумерація какъ бы исключила этотъ первый конгрессъ 1900 г.; но мы считаемъ не лишнимъ напомнить о немъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что д-ръ Паскаль дѣятельно способствовалъ этому событію.

Въ 1901 г. появляются статьи „о теософіи и ея ученіи“, „объ отношеніи теософіи къ наукамъ, философіямъ и религіямъ“, „о паденіи человѣка и его восхожденіи“, „о законѣ перевоплощенія“. Отдѣльнымъ изданіемъ появляется „Опытъ человѣческой эволюціи“, суть котораго, хотя и измѣненная, встрѣчается въ предъидущей книгѣ „о перевоплощеніи“. Изданіе это разошлось полностью.

Въ 1902 г. публика познакомилась съ многочисленными и содержательными статьями „о великихъ руководителяхъ человѣчества“, „о теософіи нашихъ дней“ и присутствовала на цѣломъ рядѣ чтеній въ залѣ Географическаго Общества въ Парижѣ. Послѣднія тоже были изданы впослѣдствіи отдѣльной книгой.

Столь напряженная работа послѣ болѣзни 1898 г. и при вообще сравнительно слабомъ здоровьѣ д-ра Паскаль была внезапно прервана въ іюлѣ 1902 г. воспаленіемъ мозга. Это произошло въ Лондонѣ, на общемъ собраніи британской секціи. Окруженный въ столицѣ Англіи, а затѣмъ въ Парижѣ, усердными просвѣщенными и дружескими заботами врачей и товарищей обѣихъ странъ, дорогой больной довольно скоро оправился отъ очень опаснаго удара.

Уже въ 1903 году мы опять находимъ въ Теософическомъ Обозрѣніи цѣлый рядъ прекраснѣйшихъ статей д-ра Паскаля о законахъ судьбы, изданныхъ отдѣльно въ слѣдующемъ году. Въ слѣдующіе годы, т. е. въ 1904, 1905, 1906, 1907 идетъ подготовленіе къ длинной и интересной работѣ „о сознаніи", по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ его видахъ, которая послужила матеріаломъ для отчета, читаннаго въ Амстердамѣ на I-мъ теософическомъ конгрессѣ, получившемъ названіе европейскаго (въ 1904 г.), затѣмъ на второмъ, собравшемся въ Парижѣ, и на третьемъ въ 1906 г. Затѣмъ д-ръ Паскаль прочелъ еще цѣлый курсъ лекціи въ помѣщеніи Теософическаго Общества въ Парижѣ, напечатанныхъ въ 18 и 19 годахъ французскаго Теософическаго Обозрѣнія; затѣмъ появляются еще другія крупныя работы, изъ которыхъ отмѣчаемъ прекрасную лекцію „о братствѣ, разсматриваемомъ съ высшей точки зрѣнія". Эта лекція появилась въ 1905 г., въ Обозрѣніи, а затѣмъ отдѣльной книжечкой. Не смотря на суровое предостереженіе 1902 г., д-ръ Паскаль и не подумалъ ослабить напряженность своей работы, вслѣдствіе чего физическое его здоровье стало постепенно и глубоко разрушаться. Нѣкоторые нервные центры имѣющіе отношеніе къ рѣчи, оказались впервые задѣтыми въ 1906 г., въ годъ теософическаго конгресса въ Парижѣ, на которомъ д-ръ Паскаль еще занималъ мѣсто рядомъ съ предсѣдателемъ—основателемъ (вскорѣ затѣмъ скончавшимся), съ представителями другихъ секцій и его коллегами. При такихъ обстоятельствахъ д-ръ Паскаль поручилъ изъ рукъ самого предсѣдателя-основателя медаль Subba Rao, выдаваемую M. S. T. тѣмъ лицамъ, которыя наиболѣе отличились своими полезными теософическими трудами.

Въ 1907 г. д-ръ Паскаль отправился на ежегодный теософическій конгрессъ въ Германію, въ Мюнхенъ, открывшійся подъ предсѣдательствомъ M-me Besant, но ему пришлось покинуть его раньше конца. Этимъ событіемъ закончилась его активная теософическая дѣятельность, ибо съ августа мѣсяца того же года ему пришлось таки воспользоваться давно требуемымъ отдыхомъ, хотя спеціальное леченіе быть можетъ лучше укрѣпило бы или хоть удлинило бы остатокъ его жизненной нити. Такъ прошелъ конецъ 1907 года, на дачѣ, на берегу моря, на югѣ Франціи, но физическое здоровье паціента, увы, не улучшалось.

По возвращеніи своемъ въ Парижъ, въ мартѣ 1908 г., д-ръ Паскаль хотѣлъ подать въ отставку, такъ какъ онъ не признавалъ себя способнымъ продолжать активное служеніе. Его товарищи

дали ему закончить установленный срокъ и на послѣднемъ общемъ засѣданіи наградили его званіемъ почетнаго генеральнаго секретаря, выразивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ самую сердечную благодарность. Въ то же время, его бережно подвергли дѣйствію спеціальнаго леченія, отсутствіе котораго до тѣхъ поръ вѣроятно и ухудшало его состояніе; однако деликатность д-ра Паскаль была причиной того, что леченіе было вскорѣ прервано и вновь замѣнено простымъ пребываніемъ на дачѣ, съ семьей, недалеко отъ Парижа. Такъ какъ легкое улучшеніе, вызванное леченіемъ въ Neuilly, исчезло по возвращеніи больного изъ Фонтенбло, а состояніе здоровья сильно ухудшилось, то въ концѣ 1908 г. его жена, окружавшая его все время своими преданными и исключительными заботами, сама помѣстила его въ концѣ 1909 г., при горячемъ содѣйствіи секціи, въ спеціальную парижскую лечебницу, гдѣ вскорѣ и закончилось его физическое существованіе. Это событіе произошло 18 апрѣля 1909 г., а тѣло д-ра Паскаля было предано сожженію три дня спустя.

* * *

Теперь разсмотримъ всю жизнь д-ра Паскаль и постараемся извлечь изъ нея уроки, которыми она была полна. Въ этой очень скромной по своимъ кармическимъ возможностямъ личности больше всего поражаетъ возвышенность интеллектуальныхъ и нравственныхъ проявленій индивидуальности. Съ самой ранней молодости д-ръ Паскаль отличался живымъ и глубокимъ умомъ, отнюдь не направленнымъ на внѣшнее, на блескъ вещей, а на ихъ сущность; умомъ, охватывавшимъ немедленно всѣ стороны самыхъ трудныхъ философскихъ вопросовъ, дабы синтетизировать ихъ; онъ имѣлъ даръ отвлеченнаго соображенія, не теряя изъ виду положительное. Таковъ признакъ настоящаго метафизика или человѣка, очень подвинутаго на пути. Отсюда вытекала чудесная способность схватывать теософическія положенія, какъ уже пережитыя, а также выражать ихъ въ рѣчи, приспособленной къ современнымъ западнымъ умамъ, въ ясномъ, точномъ и часто даже изящномъ стилѣ. Поэтому, не говоря уже о его медицинскихъ трудахъ, появившихся за 20 лѣтъ его врачебной практики, теософическія писанія д-ра Паскаль внесли важный вкладъ въ теософическую литературу эпохи и ихъ появленіе на страницахъ французскаго Теософическаго Обозрѣнія, Lotus bleu, произвело тѣмъ больше впечатлѣнія и принесло тѣмъ больше добра, что Франція была поставлена въ менѣе благопріятныя, чѣмъ дру-

гія страны, условія. Таково еще и ея настоящее положеніе. Дѣйствительно, британской секціи выпало на долю большое счастье, которое можетъ вызвать желаніе такихъ же условій, но не зависть, ибо все имѣетъ свои причины на землѣ; англійскій языкъ, съ самаго начала движенія, употреблялся главными теософическими дѣятелями: H. P. B., H. Olcott, A. P. Sinnet, A. Besant, C. W. Leadbeater. Въ этомъ мірѣ, гдѣ, какъ бы онъ ни былъ матеріаленъ, нѣтъ мѣста случайности, такое выгодное преимущество, для просвѣщенія людей одного вѣроисповѣданія, несомнѣнно указываетъ, вмѣстѣ съ причинами, имѣющими корни въ прошломъ, на преднамѣренный планъ по отношенію къ настоящему и будущему, и вѣроятно намѣреніе облегчить распространеніе теософическаго ученія преимущественнымъ употребленіемъ наиболѣе распространеннаго на земномъ шарѣ языка. Англійскій языкъ великолѣпно достигаетъ этой цѣли: онъ такъ простъ, что можетъ быть изученъ для чтенія людьми, даже неимѣвшими о немъ раньше ни малѣйшаго представленія; такъ и въ началѣ христіанской эры языкъ Римлянъ способствовалъ первоначально наибольшему распространенію христіанства до извѣстныхъ въ то время предѣльныхъ границъ вселенной. Важный фактъ единства и простоты языка первыхъ теософическихъ учителей, конечно, сильно способствовалъ быстрому распространенію теософическаго ученія. Кромѣ того, такъ какъ великіе Учители мудрости, истинные творцы теософическаго движенія не посылали иныхъ руководителей, кромѣ переименованныхъ, то выходило, что второстепенная роль, выпадавшая на долю другихъ націй и принятая по большей части со смиреніемъ, не лишеннымъ извѣстной заслуги, заключалась въ томъ, чтобы переводить на другіе языки первоначальныя данныя, изложенныя на англійскомъ языкѣ, истолковывать ихъ, примѣнять и по возможности развивать, по степени интуиціи лучшихъ учениковъ. Эта роль во Франціи выпала на долю д-ра Паскаль и на этой почвѣ онъ былъ выдающимся, полезнымъ дѣятелемъ, ибо если французскіе теософы всегда пили отъ самого источники, питаемаго учениками великихъ Учителей (что ихъ всегда удерживало на прямой линіи истиннаго теософическаго духа, не допуская никакихъ отклоненій въ сторону), тѣмъ не менѣе они были рады имѣть въ одномъ изъ своихъ братьевъ столь яснаго и компетентнаго толкователя самыхъ различныхъ граней великаго теософическаго ученія.

Первый генеральный секретарь французской секціи, званіе котораго не отдѣлимо отъ званія перваго французскаго теософическаго наставника, былъ прекраснымъ писателемъ; между тѣмъ

онъ не пренебрегалъ ради того ни одною изъ обязанностей, налагаемыхъ на него его положеніемъ, и какъ бы тяжелы онѣ ни были, онъ исполнялъ ихъ всѣ, какъ могъ лучше. Административную работу, трудъ лектора и профессора д-ръ Паскаль несъ много лѣтъ, постояннымъ напряженіемъ своей личности, своего слова и пера. Въ центрѣ Парижа онъ читалъ многочисленные и очень посѣщаемые курсы и лекціи, читалъ онъ и въ провинціальныхъ городахъ, напримѣръ въ Ниццѣ, Тулонѣ, Марсели, Ліонѣ, Нанси, Бордо и Женевѣ. Въ то время онъ руководилъ самой сокровенной работой французской эзотерической секціи, приложивъ къ этой особой задачѣ яркій и рѣдкій духовный талантъ, безъ котораго ничто не можетъ удасться въ этомъ направленіи. Потому мы не ошибемся, если скажемъ, что д-ръ Паскаль фактически явился первымъ великимъ осуществителемъ теософической идеи во Франціи, ибо его книги, его статьи, помѣщаемыя въ Обозрѣніи, и его непрерывная личная дѣятельность въ теченіе многихъ лѣтъ распространили теософическое ученіе въ странѣ, дали возможность его оцѣнить, внушили къ нему любовь и преданность.

Сколькимъ страждущимъ душамъ онъ принесъ помощь и поддержку утѣшительнымъ ученіемъ теософіи! Ихъ несомнѣнно легіонъ и ихъ благодарность не преминетъ вознестись, какъ дымъ чистаго ѳиміама, положеннаго на пылающій огонь истиннаго жертвоприношенія.

Все это лишь слабый очеркъ того, что сдѣлалъ д-ръ Паскаль для Франціи въ смыслѣ теософіи, но сознаніе его заслугъ живетъ въ сердцѣ его должниковъ, которые жалѣютъ лишь о томъ, что не умѣютъ лучше выразить свое чувство. Все же проявленія его существуютъ. Мы уже говорили о почетной медали, которая дана была д-ру Паскаль на теософическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1906 г. предсѣдателемъ Теософическаго Общества полковникомъ H. S. Olcott. Въ 1907 г., когда леченіе воздухомъ на югѣ Франціи оказалось безрезультатнымъ и когда рѣчь зашла о болѣе спеціальномъ и очень дорогомъ леченіи, любящіе его коллеги пожелали взять всѣ расходы на себя, но по иниціативѣ M. Blech, замѣстителя генеральнаго секретаря, это обязательство взяла на себя секція.

Дѣло въ томъ, что въ Обществѣ, подобномъ Теософическому, одинъ изъ учителей котораго сказалъ, что неблагодарность такое растеніе, которое не растетъ въ ихъ саду, признательность за оказанныя услуги является только естественнымъ воздаяніемъ, въ особенности когда она касается высшаго изъ служеній, служенія

расширить, если не открыть доступъ къ вѣчному, духовному. Такова именно дѣятельность д-ра Паскаль во Франціи, т. к. онъ приносилъ ей въ жертву самые насущные интересы, свой покой, свое здоровье, свою жизнь.

Вотъ что мы читаемъ въ Theosophist'ѣ въ апрѣльскомъ номерѣ 1908 года (перепечатка изъ французскаго Теософическаго Обозрѣнія).

„Всѣ теософы Европы съ печалью узнаютъ, что вслѣдствіе плохого здоровья д-ру Паскаль пришлось въ послѣдніе годы отказаться отъ своей должности. Съ самаго начала теософическаго движенія во Франціи и гораздо раньше учрежденія отдѣльной секціи въ этой странѣ, д-ръ Паскаль переутомился въ тяжелой и непрестанной работѣ. Онъ добровольно отказался отъ всякихъ удобствъ, комфорта, покоя. Онъ постоянно работалъ съ перваго утренняго часа до поздняго вечера.

Личными занятіями, семьей, всѣмъ онъ жертвовалъ для святого дѣла. Въ 1902 г. болѣзнь внезапно сшибла его съ ногъ и хотя онъ энергично противодѣйствовалъ, силы больше не возстановлялись. Наконецъ, чувствуя, что нѣтъ надежды на возвратъ здоровья и что оставаться при такихъ условіяхъ генеральнымъ секретаремъ скорѣе вредило бы любимому дѣлу, д-ръ Паскаль смирился и отказался отъ должности, дабы его замѣнили болѣе молодые и сильные. Это большая утрата, но и большой примѣръ, достойный подражанія.

Какъ предсѣдатель Теософическаго Общества, я могу лишь сожалѣть объ уходѣ товарища, на лояльность и преданность котораго я всегда могла положиться, каковы бы ни были обстоятельства и значительность затрудненій. Пусть тѣ, которыхъ онъ любилъ, окажутъ ему ту единственную милость, которая ему дорога, продолжать здѣсь свое служеніе, затѣмъ по ту сторону и затѣмъ снова здѣсь.

Присоединитесь ко мнѣ, читатели теософы, въ пожеланіяхъ мира и свѣта тому благородному піонеру, этому ветерану труда на нивѣ мудрости“.

A. Besant.

Затѣмъ, на съѣздѣ 1908 г. въ Адіарѣ, въ Индіи Общій Совѣтъ Теософическаго Общества, высшій административный органъ нашего общества, состоящій изъ генеральныхъ секретарей всѣхъ секцій, казначея, вице-предсѣдателя и самого предсѣдателя, издалъ слѣдующее постановленіе:

„Общій Совѣтъ Теософическаго Общества шлетъ дружескій привѣтъ, пожеланія покоя и мира д-ру Паскаль, который такъ долго служилъ главной опорой Теософическаго Общества во Франціи".

Наконецъ, 27 декабря 1908 г., на первомъ засѣданіи Общаго съѣзда было постановлено слѣдующее:

„Общій Совѣтъ Теософическаго Общества, въ своемъ засѣданіи конца 1909 г., вспоминая долгую преданность д-ра Паскалч теософическому дѣлу, шлетъ ему дружескій привѣтъ и молится о томъ, дабы рука Учителя, которому онъ служилъ, простерлась надъ нимъ".

Съ своей стороны, какъ мы это уже отмѣтили, Теософическое Общество во Франціи присвоило д-ру Паскаль званіе почетнаго генеральнаго секретаря (Общее собраніе 1907 г.). На послѣднемъ дѣловомъ собраніи то же Теософическое Общество во Франціи вновь единогласно выразило д-ру Паскаль свою неизмѣнную и глубокую привязанность по поводу его болѣзни.

Мѣсяцъ спустя, 18 апрѣля 1909 г., жизнь окончательно покинула физическую оболочку д-ра Паскаль и такъ окончилось это сравнительно короткое (д-ру Паскаль было всего 49 лѣтъ), но столь богатое для другихъ существованіе.

Въ послѣднемъ прибавленіи къ нашему номеру уже сообщалось читателямъ Обозрѣнія о кончинѣ д-ра Паскаль, нашего дорогого сотрудника въ руководствѣ этого же Обозрѣнія (съ 1896 г.), перваго генеральнаго секретаря Теософическаго Общества во Франція (съ 1900 г.) и почетнаго секретаря (съ 1908 г.). Мы знаемъ, что болѣзнь постигла нашего друга уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что ему пришлось мало по малу отказаться отъ всякой работы. Послѣдніе мѣсяцы онъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ онъ пользовался отличнымъ уходомъ и былъ окруженъ дружеской заботой ближнихъ и теософовъ. 15 апрѣля д-ра Паскаль, который съ нѣкоторыхъ поръ какъ бы наслаждался въ саду нѣжностью первыхъ весеннихъ дней, не всталъ съ постели; онъ лежалъ съ закрытыми глазами, какъ бы въ дремотѣ; затѣмъ наступилъ родъ комы, въ теченіе которой вѣроятно происходило медленное развоплощеніе. Съ утра слѣдующаго дня (18-го) сердце перестало биться и этимъ закончился переходъ его личности съ плана физическаго на потусторонній, высшій. Покойный при жизни еще выразилъ желаніе быть преданнымъ сожженію вслѣдъ за испытаніемъ флуоресциномъ, устанавливающимъ мнимую смерть. Объ этомъ опытѣ онъ самъ упоминалъ въ декабрѣ прошлаго года. Это испытаніе установило смерть. Черезъ три дня

послѣ кончины предали тѣло сожженію 21 апрѣля, въ 3 часа пополудни, въ Парижскомъ крематоріи, помѣщающемся въ сѣверо-восточной части Pere Lachaise. Многочисленная, взволнованная публика безшумно тѣснилась позади вдовы и дочери покойнаго въ большомъ внутреннемъ залѣ, отдѣлка котораго только что закончилась. Все то были мѣстные и пріѣзжіе теософы, а также комитетъ и генеральный секретарь французскаго Теософическаго Общества.

Ровно въ 3 часа гробъ поставили на возвышеніе, находящееся въ залѣ, и отдѣлили завѣсой отъ публики. Согласно обычаю, трое друзей покойнаго были приглашены присутствовать при введеніи гроба въ сжигательную печь, а затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, по праву долгой 30-лѣтней дружбы, комендантъ Курмъ взошелъ на трибуну и произнесъ слѣдующее слово:

Братья и сестры!

По желанію нашего усопшаго брата сюда не принесены ни вѣнки, ни цвѣты и не будетъ рѣчей. А то, конечно, многіе голоса раздались бы здѣсь, чтобы выразить чувства признательности и любви, которыя мы испытываемъ къ другу, освободившаяся душа котораго еще болѣе живая, болѣе свободная, чѣмъ раньше, находится здѣсь съ нами. Но этотъ запретъ не касается чисто теософическаго чтенія, а потому пока огонь закончитъ свое разрушающее и освободительное дѣйствіе, мы можемъ соединить наши мысли въ тихомъ чтеніи. Чтеніе мое будетъ имѣть отношеніе къ этому освобождающему процессу. „Воскресеніе тѣлъ, это ничто иное, какъ ученіе главнаго современнаго руководителя теософическаго движенія, A. Besant, о перевоплощеніи и о новомъ тѣлѣ, которое должно замѣнить то смертное, которому суждено сгнить въ землѣ или разсѣяться въ пространствѣ подъ вліяніемъ огня“. Эта статья помѣщена въ Revue theosophique francaise (декабрь 1906 г.); она удивительно подходитъ къ чтенію во время сжиганія смертныхъ останковъ спиритуалиста.

Когда чтеніе окончилось, сжиганіе было почти закончено; оно продолжалось приблизительно 50 минутъ; вскорѣ появилась погребальная урна изъ бѣлаго камня, въ которой были заключены останки тѣла усопшаго. Покрытая сукномъ, поставленная на носилки и сопровождаемая всѣми присутствующими, эта урна была отнесена въ Columbarium. Это строеніе представляетъ собою крытую сводчатую галлерею, помѣщающуюся вблизи крематорія,

на внутренней стѣнѣ которой находятся углубленія для урнъ, еще не имѣющія опредѣленнаго назначенія. Сюда же была поставлена урна съ пепломъ нашего брата и друга; затѣмъ присутствующіе еще разъ выразили свое сочувствіе вдовѣ и дочери усопшаго и этимъ закончилась эта потрясающая въ своей простотѣ церемонія.

Май 1909 г. Revue theosophique

Д. Курмъ.

Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій.

Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто.

И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.

Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.

Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится.

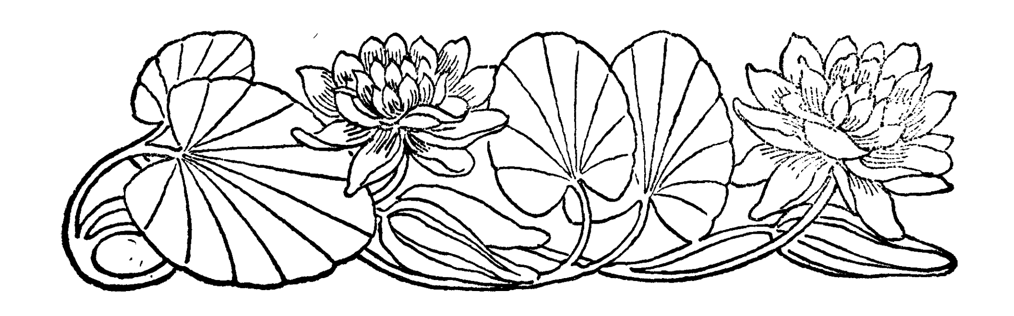
Ибо мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ; когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ, а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое.

Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ.

А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше.

(Первое посланіе Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ, гл. XIII, 1—13).

Рѣчь доктора Теоф. Паскаля *).

Всѣ міровыя существа суть Клѣтки Божьяго тѣла.

Мы живемъ въ вѣчномъ бытіи, обнаруживаемся Божественной сущностью.

Божественное „Я“—Логосъ Единъ.

Эти неопровержимыя истины должны бы служить маякомъ нашимъ мыслямъ, нашему поведенію.

Позвольте мнѣ вкратцѣ указать вамъ эти истины: размышленіе и примѣненіе ихъ дадутъ вамъ возможность лучше уяснить ихъ себѣ.

Тѣло ничто иное какъ Божественная сущность, болѣе или менѣе сгущенное вещество, сообразно плотности міра, въ которомъ они живутъ.

Таково мнѣніе Ведантійскаго ученія (ученія Веды), къ которому въ нашъ вѣкъ присоединяется ученіе философовъ, напр. Гюстава Лебона.

Божественная сущность, проявляясь, обнаруживается двумя противоположными вибраціями—положительной, называемой силой, и отрицательной, именуемой веществомъ.

Итакъ, Божественная сущность создаетъ жизнь и вещество всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ міровыхъ тѣлъ.

Совокупность тѣлъ міровыхъ существъ и міровыхъ свѣтилъ есть, повторяю, ничто иное, какъ сгущенное вещество, Божественная сущность, изъ различныхъ формъ которой эволюція создастъ

---

*) Послѣдняя рѣчь, произнесенная Т. Паскалемъ въ помѣщеніи Парижскаго Теософическаго Общества,—незадолго до его кончины.

со временемъ совершенныя тѣла, т. е. превосходныя орудія іерархической мудрости.

Постараемся понять эту истину.

Тѣла существъ живутъ въ Божьемъ тѣлѣ, во вселенной. Они суть Божественныя орудія, обнаруживающія дѣйствія Всевышняго—дѣйствія болѣе или менѣе гармоническія, сообразно совершенству орудія.

Аналогія разъяснитъ намъ эту истину.

Напримѣръ: мозговой центръ составленъ изъ многихъ клѣтокъ различныхъ функцій: однѣ изъ этихъ клѣтокъ служатъ орудіемъ мышленія, т. е. мысли, воображенія, сужденія и т. д.; другія клѣтки выражаютъ всякія эмоціи и волю, иныя даютъ организму жизнь и движеніе.

Итакъ, одинъ нервный центръ содержитъ въ себѣ одномъ всѣ необходимые элементы для правильнаго функціонированія сознанія.

Этотъ центръ соединенъ съ соотвѣтственными центрами, находящимися въ невидимыхъ тѣлахъ изъ болѣе утонченнаго вещества, а послѣднія соединяютъ физическій мозговой центръ съ Божественной искрой—монадой—сутью человѣка.

Совокупность нервныхъ физическихъ центровъ человѣка, соединеніе съ аналогичными центрами высшихъ тѣлъ составляютъ совершенное орудіе для выраженія различныхъ сторонъ человѣческаго духа.

Два различныхъ „Я“ въ человѣкѣ управляютъ этимъ сложнымъ духомъ:

1) Конкретное, эгоистическое „Я“, необходимое для несовершеннаго періода первоначальной человѣческой эволюціи. „Я“, которому надлежитъ быть на стражѣ въ мірахъ манифестацій.

2) Высшее „Я“ духовный руководитель внутренняго человѣка, ошибочно называемый современными психологами подсознательнымъ—безсознательное „Я“.

Это высшее „Я“ управляетъ индивидуальной жизнью человѣка въ сферахъ духовныхъ, въ мірахъ внѣ манифестаціи, откуда происходитъ „познаніе закона“, интуиція правды, лжи и голосъ совѣсти.

Это высшее „Я“ съ прогрессивной эволюціей духовнаго человѣка соединяется съ закономъ, т. е. волею Всевышняго. Одновременно съ эволюціей духовнаго человѣка развивается также и конкретное его существо. Развитіе это сказывается въ прогрессивномъ его познаніи міра манифестацій. Конкретное существо

становится послушнымъ рабомъ духовнаго „Я“ и соединяется съ нимъ. Совершенство въ существѣ есть ничто иное, какъ согласіе между конкретнымъ и высшимъ „Я“. Абсолютное и постоянное единеніе этихъ двухъ различныхъ „Я“ создаетъ изъ земного человѣка орудіе высшаго закона, открываетъ ему царствіе Божіе.

Нѣкоторыя избранныя существа, напримѣръ мистическій учитель, олицетворяютъ познаніе нѣсколькихъ личностей или вѣрнѣе коллективнаго братства.

Прибѣгнемъ къ высшему нашему воображенію, выраженному въ конкретныхъ картинахъ, чтобы хотя немного понять эту глубокую мысль.

Вообразимъ себѣ этого мистическаго учителя, окруженнымъ чрезвычайно субтильной и необъятной атмосферой.

Вообразимъ себѣ эту атмосферу способной по своей эластичности отзываться въ синхроническомъ совершенствѣ на всѣ чувства и понятія братства, съ которымъ учитель связанъ и которое составляетъ какъ бы дополнительное его тѣло, но снабженное личными органами и свойствами.

Учитель представляетъ собою синтезъ жизни коллективнаго братства. Онъ чувствуетъ его познанія, нужды, ощущенія, впечатлѣнія, испытанія, вдохновляетъ его дѣйствія и помогаетъ ему всякій разъ, когда онъ находитъ это полезнымъ и возможнымъ, не касаясь однако индивидуальной свободы каждаго изъ братьевъ.

Иныя высшія существа также связаны со всѣмъ человѣчествомъ: они ощущаютъ борьбу и нужды этого человѣчества и съ разрѣшенія Всевышняго руководятъ людьми и ихъ мірскими поступками.

Эти Существа всегда одиноки, т. к. дѣятельность ихъ требуетъ напряженнаго вниманія. Они изображаютъ какъ бы центръ познаній и дѣйствій всѣхъ существъ. Они суть агенты Кармы. Они вездѣсущи, живя какъ бы одновременно въ небесной атмосферѣ и глубинахъ планеты.

Еще выше ихъ—солнечный Логосъ.

Душа радужнаго свѣтила содержитъ въ своей магнетической атмосферѣ все твореніе солнечной системы: всѣ атомы, всѣ существа, всѣ царства, а въ самыхъ субтильныхъ стихіяхъ его ауры (сіянія) вращаются высшія тѣла человѣчества.

Великій Богъ силой своей даруетъ жизнь всему міру, онъ познаетъ все и божественнымъ вліяніемъ своимъ направляетъ во время на путь истины всѣ созданныя имъ существа.

Наконецъ, въ еще болѣе разряженной атмосферѣ, совокупляющей въ себѣ атмосферы всѣхъ солнечныхъ системъ, въ самой

возвышенной сущности, гдѣ пребываетъ Всевышній Богъ, Единый, Великій, Вѣчный, тамъ всѣ мы живемъ, движемся и развиваемся.

Кромѣ того духъ нашъ, наши монады суть ничто иное, какъ центры этого непонятнаго божественнаго „Я“.

Вернемся къ этой глубокой истинѣ и вникнемъ въ суть ея.

Отвлеченное Божественное „Я“ по природѣ всюду единородное—одновременно безконечное и дифференціальное.

Какъ безконечное, оно есть душа вселенной; какъ дифференціальное, оно воплощаетъ искру Божью въ самомъ ничтожномъ атомѣ.

Можно сравнить Божественную сущность, причину бытія съ электрической силой.

Электрическая сила проявляетъ себя всюду, гдѣ встрѣчаетъ подходящую для себя среду, но дѣйствія ея различны: свѣтъ, звукъ, механическое движеніе и т. д. суть видимыя и ощутительныя ея проявленія.

Всѣ эти проявленія различны, но сила, обнаруживающая ихъ, едина.

Нельзя сказать, чтобы сила эта дѣйствовала непосредственно, но въ аппаратахъ, ею оживленныхъ, она причина всѣхъ дѣйствій.

Богъ—Всевышняя Сущность, тоже единая сила, оживляющая всѣ творенія свои, т. е. тѣла міра.

Непостижимый разумъ Его, просвѣщая іерархическихъ строителей, медленно создаетъ міровыя тѣла; въ продолженіи эволюціи онъ совершенствуетъ ихъ, а когда эти Божественныя орудія, тѣла существъ, становятся совершенны, они проявляютъ лишь качества, дающія міру гармонію.

Богъ распространяетъ законъ свой, т. е. волю свою, посредствомъ іерархіи освобожденныхъ существъ. Онъ этимъ способомъ послѣдовательно создаетъ въ низшихъ тѣлахъ существъ инстинкты и автоматизмъ, затѣмъ, съ усовершенствованіемъ своихъ орудій, интуицію и разумъ.

Такимъ образомъ, Господь вдохновляетъ и направляетъ человѣчество на путь истины и правды.

Наконецъ Богъ освобождяетъ насъ отъ матеріи, т. е. отъ невѣжества, и міровая эволюція окончена. Вотъ тѣ великія истины, правильное пониманіе которыхъ измѣнитъ сперва наши мысли и дѣйствія, превратитъ насъ наконецъ въ людей совершенныхъ. Да соединится мысль наша съ этими истинами, да проникнется ими разумъ нашъ, да отразитъ ихъ всегда и всюду жизнь наша, т. е. малѣйшія наши дѣйствія, и неустанно будемъ помнить великую истину: что слово безъ дѣлъ мертво есть.

Повторю вкратцѣ сказанное мною:

Богъ, Причина всѣхъ Причинъ, Вездѣсущъ.

Во всей вселенной Онъ проявляется какъ Божественная Всевышняя Сущность.

Всякое существо есть Божественное орудіе; постепенно Господь совершенствуетъ эти орудія.

Приложимъ всѣ наши старанія, чтобы полюбить эту конкретированную матерію, Божественную сущность, полюбимъ ее во всѣхъ проявленіяхъ ея, даже въ самыхъ несовершенныхъ.

Постараемся слѣдовать закону: законъ ведетъ къ цѣли.

Постараемся обуять эгоистичное, несправедливое, алчное „Я": оно есть темная завѣса, прикрывающая истину.

Протянемъ другъ другу руки помощи: всѣ мы братья, всѣ мы едины; станемъ дружны, крѣпки въ любви и вѣрѣ, несмотря на наши временные слабости и недостатки.

Всѣ мы Божія орудія, которыхъ Господь непрестанно совершенствуетъ, дабы и въ будущемъ орудія эти обнаруживали лишь Божественныя качества, безъ единой погрѣшности.

Духовное „Я" содѣйствуетъ совершенству своего орудія, а учитель „золотымъ своимъ свѣтомъ" ускоряетъ это совершенствованіе въ ученикѣ, который жаждетъ найти Бога.

Преклонимся передъ вездѣсущей, всюду проникающей, всезнающей Божественной сущностью, полной силы и любви. Проникнемся глубочайшимъ благоговѣніемъ передъ Богомъ Единымъ, проникнемся къ Нему любовью чистой, но не для всемогущей славы или силы Его, не для помощи, которую онъ можетъ даровать намъ, а лишь для испытанія всепоглащающаго чувства любви къ Богу Единому.

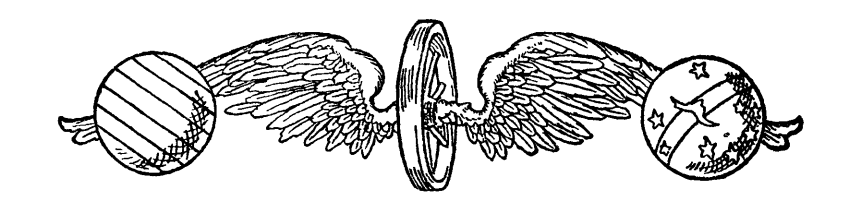
Станемъ всѣ мы самоотвержены, солидарны.

Когда все человѣчество достигнетъ счастья, тогда только индивидуумъ познаетъ блаженство. Наше личное благо связано съ благомъ всѣхъ тѣхъ общихъ орудій Единаго Бога, который управляетъ міромъ и присутствуетъ невидимымъ въ сердцахъ всѣхъ существъ.

Вотъ великій путь, ведущій къ Всемогущему.

Долгій, трудный, но доступный человѣку при настойчивомъ и постоянномъ усиліи.

Переводъ **М. В.**

Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ.

Д-ра **Теофиля Паскаль.**

*(Продолженіе *).*

Путь ученичества.

Подъ словомъ „Посвященіе“ я не разумѣю тѣ пародіи, какими нѣкоторыя оккультныя общества профанируютъ великое дѣло; я хочу говорить объ истинномъ *посвященіи*, составляющемъ особый этапъ въ человѣческой эволюціи. Здѣсь мнѣ необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе, чтобы показать, какой характеръ оно имѣетъ въ дѣйствительности.

Человѣкъ—т. е. разумное сознаніе, „я“—зарождается сначала въ чувственномъ тѣлѣ, „въ стойлѣ для животныхъ“, какъ говоритъ христіанскій символъ. Дѣйствительно, самосознаніе пробуждается среди бьющихъ на него ощущеній. Затѣмъ сознательность начинаетъ постепенно увеличиваться, вначалѣ показывая индивиду его обособленность отъ другихъ существъ; подъ конецъ та же сознательность становится синтетической, и человѣкъ познаетъ, что онъ не что иное, какъ частица Великаго Цѣлаго, которая не можетъ быть отдѣлена отъ другихъ такихъ же частицъ.

Когда человѣкъ пойметъ эту истину вполнѣ своимъ *разумомъ*, тогда онъ идетъ дальше и начинаетъ понимать ее *сердцемъ*, т. е. чувствуетъ ее, тогда часъ перваго Великаго Посвященія пробилъ для него. Человѣкъ пробуждается для новаго душевнаго состоянія; передъ нимъ раскрывается Великая Тайна, которая

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 9, стр. 11.

хотя и постижима болѣе или менѣе для разума, но для чувства доступна только черезъ посредство Посвященія.

Это и есть пробужденіе къ Божественной Жизни, новое рожденіе, о которомъ говорилъ Христосъ, отвѣчая Никодиму на его вопросъ: „Какъ же ты, законникъ, не знаешь этого!“ Это — второе рожденіе, на которое указываютъ св. Писанія Индусовъ.

Человѣкъ начинаетъ сознавать во всемъ Божественную Жизнь и ея отличительную черту—любовь; онъ чувствуетъ эту жизнь въ себѣ и въ другихъ, онъ чувствуетъ, что его душа есть лучъ Божественнаго Солнца, оживляющаго всѣ формы и образы.

Никто не можетъ пробудить ученика къ Божественной Жизни, кромѣ Великаго Существа, Сверхчеловѣка, прошедшаго уже путь святости и соединившагося съ Богомъ вполнѣ.

Духовное тѣло ученика, т. е. тѣло способное дать ощущеніе Божественной Жизни, теперь пробуждено къ сознательной жизни и оно можетъ стать тѣмъ „малымъ дитятей“, о которомъ говоритъ христіанскій символъ, вернуться къ той „невинности“, о которой упоминается во всѣхъ мистическихъ описаніяхъ посвященія; объ этомъ я буду говорить подробнѣе въ послѣдней лекціи, сегодня же я упомяну лишь о первыхъ шагахъ его дѣтства.

Человѣкъ, который способенъ пробудиться въ своемъ духовномъ тѣлѣ, уже понимаетъ, что онъ не долженъ отождествлять себя ни съ тѣломъ физическимъ, ни съ тѣломъ чувственнымъ; онъ знаетъ также, что онъ не одно съ своимъ разумомъ, которымъ онъ научился управлять по своему желанію, надъ которымъ онъ—сталъ господиномъ. Онъ уже на порогѣ сознанія, что есть другое тѣло, способное быть проводникомъ Божественной Жизни, которая согрѣваетъ сердца всѣхъ существъ; онъ знаетъ, что и эти существа будутъ также пробуждены, хотя и позднѣе, къ той же самой Жизни, и будутъ также чувствовать себя лучами великаго духовнаго Солнца, частицами вселенской жизни и тогда появляется тотъ, кто руководилъ имъ на пути искуса и пробуждаетъ его къ божественной жизни. Ученика осѣняетъ Свѣтъ, вселенная становится для него совсѣмъ иной, неизреченный миръ охватываетъ его....

Но ослѣпительный свѣтъ исчезаетъ, остается только небольшое пламя, тотъ божественный свѣтильникъ, горящій въ сердцѣ ученика, свѣтъ котораго и поведетъ его съ этихъ поръ ускоренно къ цѣли.

Онъ спасенъ.

Спасеніе и есть пробужденіе сознанія въ духовномъ тѣлѣ.

Это духовное тѣло начинаетъ дѣйствовать; человѣкъ перешагнулъ черезъ границу притяженія матеріи и вступилъ въ сферу притяженія духа. Съ этихъ поръ онъ принадлежитъ къ духовному очагу, онъ вошелъ „въ теченіе, ведущее въ Нирвану“, какъ говорятъ Индусы.

Отнынѣ всякое *сомнѣнье* исчезаетъ. Посвященный знаетъ, что единая Жизнь проникаетъ всю вселенную, творя эволюцію, и черезъ длинный рядъ воплощеній поднимая души по ступенямъ лѣстницы, ведущей къ Богу. Онъ знаетъ теперь, что всѣ поднимутся на вершину, что настанетъ день, когда *всѣ* будутъ спасены. Въ этомъ онъ не можетъ болѣе сомнѣваться: онъ это видитъ, онъ это знаетъ.

У него нѣтъ болѣе *суевѣрія*. Прежде онъ могъ вѣрить въ дѣйствительность религіозныхъ обрядовъ, какъ таковыхъ, въ большую или меньшую дѣйствительность религіозныхъ воздѣйствій. Теперь же онъ знаетъ, что религія и обряды только проводники единой дѣйствующей въ мірѣ Силы, Божественной Силы, и если сердце призываетъ ее, она поднимаетъ его на небо, между тѣмъ какъ, твердя слова обряда или религіи, человѣкъ остается все же прикованнымъ къ землѣ.

Съ этого времени для ученика существуетъ только одно желаніе: слѣдовать за Учителемъ, за Посвятителемъ, пробудившимъ его къ жизни, за Гуру, какъ называютъ Индусы того „руководителя“, всегда скрытаго и въ то же время близкаго, который помогалъ ученику на тропѣ искуса, и котораго послѣдній узнаетъ въ видѣніи прошлаго, какъ сверхчеловѣка, сіяющаго любовью, силой и мудростью.

Таковъ обѣтъ послушанія.

Съ этихъ поръ человѣкъ желаетъ только одного: чувствовать вполнѣ божественную Жизнь, и помогать всѣмъ существамъ всюду и вездѣ. Онъ знаетъ, что всюду нужна помощь и онъ готовъ итти туда, куда его пошлетъ Учитель. Поэтому въ Индіи говорятъ, что онъ становится „бездомнымъ“.

Онъ все болѣе пріобрѣтаетъ увѣренность во всемірномъ Единствѣ, Вселенная представляется ему деревомъ, корень котораго—Богъ, стволъ—Логосъ, вѣтви—духовная Іерархія, исходящая отъ Бога, листья—люди. Сокъ въ этомъ деревѣ общій, какъ для

ствола, такъ и для листьевъ; и онъ становится хилымъ или укрѣпляющимъ, смотря по тому, *что* въ него вносится листьями. Единство человѣчества полное: мы помогаемъ другъ другу или итти впередъ, или падать. Думать, что можно, не умирая, отдѣлиться отъ общей совокупности и оставить для одного себя весь получаемый сокъ—это значитъ впасть въ роковую ошибку „обособленія“, въ грѣхъ противъ Духа Святого; не хотѣть вносить въ общую жизнь полученный сокъ, сжимая каналъ, по которому мы его получили,—значитъ удаляться отъ общаго жизненнаго потока; листъ, не находящійся въ общеніи съ вѣткой, высыхаетъ и отпадаетъ, ибо „грѣхъ противъ Духа Святого непростителенъ“!

Ученикъ узнаетъ окончательно, что законъ солидарности неумолимъ, онъ узнаетъ, что всякое пріобрѣтенное качество входитъ въ общій потокъ, какъ новая сила, распредѣляющаяся по общему, включающему всѣхъ, организму, и отъ нея каждый членъ послѣдняго становится болѣе сильнымъ и болѣе мудрымъ.

И узнавъ эту истину, онъ начинаетъ стремиться къ совершенству, чтобы внести это совершенство въ жизнь всѣхъ. И возможно ли что либо сохранять для себя, когда знаешь, что душа—божественная сущность, и что она въ то же время—душа всѣхъ существъ?

Таковъ истинный *обѣтъ бѣдности*, обѣтъ, корни котораго такъ глубоки, что никто, кромѣ Посвященнаго, не можетъ выполнить его.

И въ то же время для ученика раскрывается Великій Законъ.

Внизу—онъ видѣлъ ужасную „борьбу за существованіе“, но вверху ему открылся законъ божественности человѣка; побѣда сильнѣйшаго перешла въ побѣду лучшаго, законъ силы уступилъ мѣсто закону жертвы.

* * *

Когда посвященный достигъ этой ступени, онъ уже готовъ для новаго шага, для новаго Посвященія. Учитель появляется снова, направляетъ его и тогда происходитъ новый высшій обрядъ Посвященія; жизнь является передъ нимъ въ новомъ, болѣе сложномъ и великомъ видѣ. Его научили чувствовать *единство всего*, но онъ не представлялъ себѣ всей его глубины; теперь ему позволено проникнуть глубже въ божественныя воды; на мистическомъ языкѣ христіанъ это означаетъ: „благословеніе Отца“. Посвященный уже обладаетъ до извѣстной степени силой и могуще-

ствомъ, но теперь онъ ихъ долженъ развить въ совершенствѣ и стать способнымъ дѣйствовать во всѣхъ мірахъ.

Это—моментъ, когда сила и могущество желательны; ранѣе они могли бы служить злу, но теперь Посвященный долженъ ихъ развивать. „Тогда", говоритъ восточный символизмъ, „онъ строитъ себѣ хижину", онъ уединяется. Въ прежнія времена посвященный дѣйствительно уединялся, теперь же методы во многихъ случаяхъ измѣнены.

Когда Посвященный разовьетъ въ себѣ эти силы, онъ подвергается искушенію,—вспомните искушеніе Христа,—искушенію вознестись надъ другими и употребить свои силы для себя. Но „для себя" перестаетъ уже привлекать, когда знаешь, что „я самъ" и другіе—одно.

Когда испытаніе выдержано, ученикъ посылается въ міръ, чтобы помогать ему.

Но это еще не послѣдняя ступень: позднѣе дается третье посвященіе, потомъ четвертое и наконецъ даруется *освобожденіе*.

Все это будетъ изложено полнѣе въ слѣдующей лекціи.

Таковъ путь ученика; весь онъ недоступенъ для насъ по своей высотѣ. Но первыя ступени пути испытанія доступны для всѣхъ насъ, и мы можемъ пріобрѣсти, ступая по нимъ, тѣ прекрасныя качества, которыхъ недостаетъ человѣчеству, и которыя могли бы сдѣлать изъ общественнаго тѣла вполнѣ совершенную братскую общину.

Доказательства.

Я уже упомянулъ, что практическая сторона Древней Мудрости даетъ намъ двѣ важныя вещи: новыя линіи поведенья и, кромѣ того, личное подтвержденіе неоспоримой реальности теософическаго ученія.

Для Посвященнаго всѣ эти доказательства дѣйствительно существуютъ. Много людей желаютъ получить ихъ тотчасъ же, но это только потому, что они не отдаютъ себѣ отчета, при какихъ условіяхъ возможно ихъ пріобрѣтеніе.

Мы знаемъ и понимаемъ только то, что можемъ чувствовать, полагаться же на слова другихъ не даетъ увѣренности; это—болѣе или менѣе слѣпая вѣра.

Нужно почувствовать самому. Но это возможно только тогда, когда у человѣка уже имѣется чувство, способное вибрировать въ унисонъ съ познаваемымъ предметомъ. Слѣпой, напримѣръ,

находится среди всѣхъ яркихъ вибрацій вселенной, а между тѣмъ онъ ихъ не сознаетъ, онѣ не существуютъ для него; и если онъ слѣпой отъ рожденія, онъ не въ состояніи понять свѣта, онъ долженъ опираться на свидѣтельства другихъ, чтобы повѣрить въ его существованіе. Тоже самое и относительно глухого: всѣ громкія вибраціи міра окружаютъ его, но онъ ихъ не знаетъ, ибо чувство, позволяющее вибрировать въ унисонъ съ ними, отсутствуетъ въ немъ.

Къ тому же чувства развиты у людей не вполнѣ и не въ одинаковой степени. Пропустите свѣтящійся лучъ черезъ призму и получивъ солнечный спектръ, увеличьте его такъ, чтобы стало удобнѣе наблюдать его. Пригласите потомъ нѣсколько лицъ и попросите каждое изъ нихъ замѣтить мѣсто, гдѣ для него начинается фіолетовый цвѣтъ и гдѣ оканчивается красный; вы увидите, что отмѣченныя границы будутъ очень различны, что ясно доказываетъ на различное развитіе зрѣнія у всѣхъ собравшихся. Къ этому можно прибавить: если размѣры физическихъ чувствъ не одинаковы у людей, то размѣры ихъ внутреннихъ чувствъ еще болѣе различны, ибо и по разуму, и по любви и волѣ мы различаемся чрезвычайно сильно.

Изъ этого вы можете заключить, что все, что мы можемъ узнать путемъ столь ограниченныхъ физическихъ чувствъ о внутренней жизни вещей, существъ и вселенной очень незначительно.

* * *

Но, скажете вы, быть можетъ, намъ нужны доказательства тѣхъ ученій, какія даетъ теософія, и которыя полнѣе объясняютъ міръ, чѣмъ всѣ другія извѣстныя теоріи и системы. Что же нужно сдѣлать, чтобъ ихъ получить? Для этого существуетъ только одинъ путь, который я старался показать вамъ.

Но развѣ нѣтъ средствъ для болѣе быстраго развитія этихъ силъ?

До извѣстной степени это возможно. Можно ускорить эволюцію физическихъ чувствъ зрѣнія и слуха, но при этомъ развивается не истинная суть человѣка; эта истинная суть растетъ постепенно и ея силы единства и высшей интуиціи—которыя, однѣ даютъ самыя важныя доказательства—развиваются въ немъ лишь медленно.

Возможно ли сдѣлать, чтобъ зародышъ внезапно сталъ зрѣлымъ человѣкомъ? Можно ли уничтожить ступени развитія, какія должно пройти физическое тѣло?

Можно допустить, что существуетъ нѣсколько способовъ развитія физическихъ и сверхфизическихъ чувствъ, но при этомъ обыкновенно умалчиваютъ, что необходимая для этого тренировка очень опасна, какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны.

Такъ напримѣръ, чтобъ развить чувство сверхфизическаго зрѣнія, надо производить въ мозгу очень утомительныя сверхвибраціи; утомительныя потому, что онѣ въ настоящій моментъ эволюціи ненормальны. Нервная клѣточка можетъ производить на нашей ступени развитія только извѣстное число колебаній въ секунду; если же ее заставляютъ колебаться чрезмѣрно, получается приливъ крови, производящій большій или меньшій вредъ, и если не остановиться во время, произойдетъ воспаленіе, могущее повести къ сумасшествію и даже къ смерти. Не думайте, что это преувеличеніе, я самъ имѣлъ тому доказательства.

Есть еще и другая опасность; обладаніе хотя бы зародышемъ сверхфизическаго зрѣнія, какъ бы онъ не былъ незначителенъ, представляетъ очень тяжелое бремя для нашихъ слабыхъ плечъ. Человѣкъ, обладающій сверхфизическимъ зрѣніемъ — зрѣніемъ другого міра—имѣетъ возможность не рѣдко предвидѣть событія, которыя произойдутъ черезъ извѣстный промежутокъ времени, и если эти событія представляютъ собою несчастія, касающіяся лично его или дорогихъ для него существъ, думаете ли вы, что онъ будетъ достаточно сильнымъ и невозмутимымъ, чтобъ перенести тяжесть такого предвидѣнья?

Не полагаете ли вы, что онъ станетъ умолять Провидѣніе закрыть преждевременно открывшуюся ему дверь?

Природа скрываетъ отъ насъ знаніе прошлаго, будущаго и многихъ другихъ тайнъ, потому что мы не въ силахъ еще перенести ихъ.

Но есть еще и другія опасности.

Въ рукахъ человѣка, недостигшаго необходимой ступени нравственности, эти силы будутъ употребляться только въ его личную пользу или, что еще болѣе печально, будутъ направляться противъ того, кто будетъ для него помѣхой.

Поэтому избѣгайте развивать такія силы въ себѣ и считайте тѣхъ, кто вамъ совѣтуетъ дѣлать это, невѣждами.

***

Но вы, можетъ быть, скажете: „дайте намъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя доказательства, относительно того, что мы стоимъ на вѣрной дорогѣ и идемъ къ цѣли.

Мы имѣемъ внутри и вокругъ себя всѣ нужныя доказательства. Богъ не дожидается просьбы человѣка и даетъ ихъ на каждомъ шагу. Новыя доказательства являются каждый разъ, какъ только пробуждается какая либо новая струна въ душевномъ мiрѣ человѣка; немедленно, въ отвѣтъ на производимую ею гармонiю отвѣчаетъ соотвѣтствующая гармонiя, звучащая во вселенной. Когда разумъ, сердце и любовь достаточно развиты, нельзя уже сомнѣваться, что Божественная Любовь управляетъ мiромъ и что цѣль будетъ достигнута *всѣми*. Природа является великимъ и постояннымъ доказательствомъ тому, но слѣпые сердцемъ не могутъ этого видѣть. Существуютъ люди великаго разума, которые по недостатку этихъ основныхъ свойствъ, обнаруживаемыхъ интуицiей, находятъ, что вселенная—это прекрасное выраженiе разума, любви и могущества—есть только результатъ случая и сцѣпленiя слѣпой, безсознательной матерiи. Невозможно заставить прозрѣть слѣпого; никакое доказательство не существуетъ для человѣка, недостигшаго необходимой степени эволюцiи, и желать раскрыть передъ такимъ человѣкомъ иныя доказательства, чѣмъ тѣ, какiя онъ можетъ понять, было бы попыткой поступить лучше Бога, и такая попытка можетъ повести только къ неудачѣ и вреду.

Посмотрите на эти любопытныя комиссiи ученыхъ, которые, не смотря на свой умъ и искренность, подписывали послѣ нѣкоторыхъ опытовъ, произведенныхъ медiумами, протоколы, свидѣтельствовавшiе о видѣнныхъ ими фактахъ, чтобы черезъ нѣкоторое время, съ такою же искренностью утверждать, что были жертвами галлюцинацiи... Всѣ эти факты не имѣютъ для нихъ никакой цѣны и ихъ собственная подпись на протоколахъ не въ состоянiи убѣдить ихъ!

Это—одни; а другiе также искренно заявляли объ обманѣ, даже и тогда, когда всякiй обманъ былъ невозможенъ.

Въ народѣ эти медiумическiя явленiя порождаютъ самое плохое изъ всѣхъ суевѣрiй: вѣру въ вмѣшательство нечистой силы.

Въ другой категорiи людей доказательство сверхнормальныхъ силъ возбуждаетъ желанiе овладѣть ими, т. е. приводятъ людей къ эгоизму, тогда какъ силы эти должны бы служить не иначе, какъ на помощь человѣчеству.

Не удивляйтесь поэтому, что мудрецы запрещаютъ своимъ ученикамъ доказывать чтобы то ни было чудесами; доказательство должно быть въ сердцѣ и оно придетъ само собою, когда чело-

вѣкъ будетъ этого достоинъ, когда онъ выростетъ и вступитъ на путь святости.

Будемъ же терпѣливо слѣдовать природѣ. Будемъ помогать окружающимъ, будемъ двигать колесо эволюціи и прогресса, не заботясь о доказательствахъ, которыя могли бы причинить въ настоящее время только гибель и несчастье. И если вамъ скажутъ, что существуютъ школы, дающія „посвященіе“ и обѣщающія силы, которыя Богъ даруетъ лишь достигшимъ божественныхъ свойствъ—не вѣрьте имъ. Тайны, которыя можно открыть, полны опасности всякаго рода. Это все равно, какъ если бы мы показали ребенку какъ повернуть колесо и рычагъ, приводящій въ движеніе автомобиль; мы этимъ не научимъ ребенка управлять автомобилемъ и если онъ съ этимъ знаніемъ захочетъ управлять машиной, онъ погубитъ и себя и другихъ.

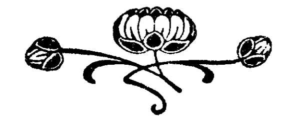
Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно—если желающій овладѣть такими знаніями обладаетъ соотвѣтствующими свойствами—получить нѣкоторыя явленія, какъ напримѣръ: вызываніе духовъ и другіе столь же опасные феномены, но это поведетъ васъ неминуемо къ колдовству, одержимости или сумашествію, а иногда и къ смерти.

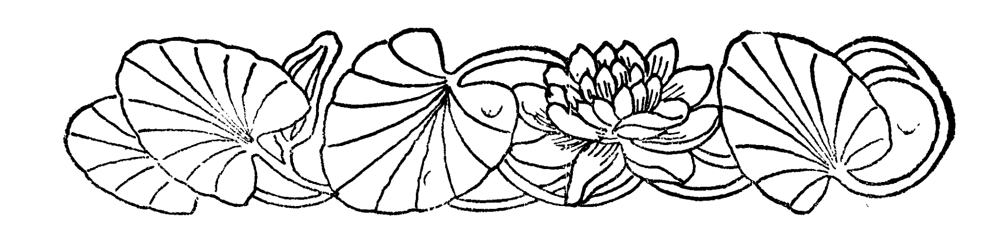
И не думайте, что я преувеличиваю; не думайте, что я хочу кого либо опровергнуть; я люблю всѣхъ ищущихъ истину, каковъ бы не былъ ихъ путь, но я долженъ быть искреннимъ и мой прямой долгъ—указать вамъ на опасность.

Если кто либо предложитъ вамъ пріобрѣсти мудрость раньше добродѣтели и обѣщаетъ вамъ могущество ранѣе чѣмъ вы достигнете совершенства,—будьте увѣрены, что онъ или обманываетъ васъ, или что передъ вами--полнѣйшій невѣжда.

Перев. А. Г.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мистики.

Д-ра Штейнера.

*(Продолженіе *).*

Агриппа фонъ-Неттесгеймъ и Теофрастъ Парацельсъ.

Корнеліусъ Агриппа (1487—1535) и Парацельсъ (1493—1541 г.) шли по пути, на который указываетъ міровоззрѣніе Николая Кузанскаго. Они углубляются въ природу и стремятся всѣми способами, которые были доступны въ ихъ время, изслѣдовать ея законы и притомъ какъ можно разностороннѣе. Въ естествознаніи они видѣли истинное обоснованіе для всѣхъ видовъ высшаго познаванія. Высшее познаваніе они стремились развить самостоятельно, исходя изъ естественной науки, возрождая послѣднюю въ духѣ, одухотворяя ее.

Агриппа фонъ-Неттесгеймъ велъ жизнь, богатую впечатлѣніями; онъ происходилъ изъ знатнаго рода, имѣвшаго свое мѣстожительство въ Кёльнѣ, гдѣ онъ и родился. Онъ съ раннихъ лѣтъ изучалъ медицину и законовѣдѣніе и стремился пролить свѣтъ на явленія природы тѣмъ способомъ, который былъ обычнымъ въ ту эпоху, когда пріобрѣтаемыя знанія относильно явленій природы сохранялись тщательно въ тайнѣ. Съ этой цѣлью, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Парижъ, Италію и Англію, а также посѣщалъ знаменитаго въ тѣ времена настоятеля Тритгейма Спонгеймскаго въ Вюрцбургѣ. Онъ преподавалъ въ разныя времена въ учебныхъ заведеніяхъ и состоялъ на службѣ у знатныхъ людей, которые пользовались его естественно-научными и государственными познаніями. Если біографы рисуютъ его не всегда безкорыстнымъ и утверждаютъ, что подъ видомъ тайныхъ наукъ, онъ стремился пріобрѣсти лично для себя богатство,—то рядомъ съ этимъ не слѣдуетъ забывать ту несомнѣнную, неутомимую жажду, съ ко-

---

*) „Вѣстникъ Теософіи", 1910 г., № 9.

торой онъ стремился охватить всю сумму знаній, доступныхъ для его времени; мало того, онъ стремился углубить это знаніе въ смыслѣ высшаго міропознаванія. Ясно выступаетъ у него стремленіе пріобрѣсти—съ одной стороны—твердую точку опоры для естественныхъ наукъ, а съ другой—возвыситься до духовнаго познаванія. Такое стремленіе можетъ быть только у того, кто уже нашелъ путь къ обоимъ видамъ познаванія. Такъ же вѣрно, какъ то, что естественная наука должна въ концѣ концовъ перейти въ область духа, если она хочетъ возвыситься до высшаго міропониманія, такъ же вѣрно и то, что вначалѣ она должна оставаться въ предѣлахъ присущей ей области, если она желаетъ стать истинной основой для высшей ступени сознанія. „Духовное въ природѣ“ видимо только для духа. Несомнѣнно, что въ этомъ смыслѣ природа духовна, но такъ же несомнѣнно и то, что въ природѣ нѣтъ ничего непосредственно духовнаго, что было бы достаточно нашимъ физическимъ чувствамъ. Нѣтъ ничего духовнаго, что могло бы явиться нашему зрѣнію, какъ таковое. Мы *не* должны искать въ природѣ непосредственно духовнаго. Мы дѣлаемъ это, когда явленіе внѣшняго міра мыслимъ какъ нѣчто духовное, когда мы, напримѣръ, приписываемъ растенію душу, аналогичную до извѣстной степени человѣческой душѣ. То же самое мы дѣлаемъ, когда приписываемъ самому духу пространственное или временное бытіе, когда мы говоримъ о человѣческой душѣ, что она продолжаетъ жить безъ тѣла, но такимъ способомъ, который близокъ къ тѣлесному. Или когда мы думаемъ, что благодаря тѣмъ или другимъ внѣшнимъ приспособленіямъ возможно увидѣть духъ умершаго. Спиритизмъ, дѣлая эту ошибку, доказываетъ, что онъ не достигъ до истиннаго пониманія духа, такъ какъ онъ стремится воспринимать его въ грубо-чувственномъ смыслѣ. И такимъ путемъ исчезаетъ истинное пониманіе, какъ чувственнаго, такъ и духовнаго. Спиритизмъ лишаетъ одухотворенности то обычное, что происходитъ постоянно передъ нашими глазами, чтобы вступить въ непосредственное общеніе съ изумительнымъ и необыкновеннымъ, какъ съ явленіемъ по преимуществу духовнымъ. Онъ не понимаетъ того, что понятно для человѣка, дѣйствительно живущаго въ духѣ, который во всемъ самомъ обыденномъ, напримѣръ въ столкновеніи двухъ эластическихъ шаровъ, видитъ нѣчто разумное, то, что можно назвать „разумомъ въ природѣ“, во всѣхъ простыхъ вещахъ, а вовсе не въ однихъ явленіяхъ, поражающихъ своей необычайностью и естественная взаимная связь которыхъ трудно уловима. Спиритизмъ спускаетъ духъ въ низшую сферу.

Вмѣсто того, чтобы объяснять происходящее въ пространствѣ и воспринимаемое физическими органами чувствъ такими силами и сущностями, которыя также доступны пространственному и чувственному воспріятію, спиритъ выводитъ на сцену „духовъ“, которыхъ онъ, такимъ образомъ, спускаетъ до уровня чувственнаго воспріятія. Такому способу мышленія не хватаетъ способности духовнаго воспріятія, не хватаетъ умѣнья взирать на духовное духовнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, потребность въ духовныхъ воспріятіяхъ и удовлетворяется чувственнымъ образомъ. Духъ не показываетъ такимъ людямъ ничего духовнаго, поэтому они и ищутъ познать его помощью своихъ физическихъ чувствъ. Подобно тому, какъ они видятъ облака, проносящіяся въ воздухѣ, такъ же хотѣлось бы имъ видѣть и проносящихся духовъ.

Агриппа боролся за истинное природовѣдѣніе, которое бы объясняло явленія природы не посредствомъ духовъ, бродящихъ по чувственному міру, а видѣло бы въ природѣ только одно природное, въ духѣ же—только одно духовное.

Но понять направленіе Агриппы безошибочно невозможно, если мы будемъ сравнивать его природовѣдѣніе съ наукой позднѣйшихъ вѣковъ, которая имѣетъ дѣло съ совершенно инымъ полемъ опыта. При такомъ сравненіи легко могло бы показаться, что онъ относитъ къ непосредственному духовному воздѣйствію то, что въ дѣйствительности основано на естественныхъ взаимодѣйствіяхъ или на ошибочномъ опытѣ. Такую невѣрную оцѣнку видимъ мы у Мориса Каррьера, который, хотя и безъ недоброжелательства, но все же говоритъ: „Агриппа даетъ большой перечень вещей, которыя принадлежатъ Солнцу, Лунѣ, планетамъ или неподвижнымъ звѣздамъ и которыя находятся подъ ихъ вліяніемъ; напримѣръ, родственнымъ солнцу является огонь, кровь, лавръ, золото, хризолитъ, они способны сообщить солнечные дары: мужество, веселость, свѣтъ... Животныя обладаютъ естественнымъ смысломъ, который приближаетъ ихъ болѣе, чѣмъ человѣческій разумъ, къ духу пророчества... На людей можетъ быть наложенъ зарокъ любви и ненависти, болѣзни и здоровья. Такъ, на воровъ накладывается зарокъ, чтобы они не воровали въ опредѣленномъ мѣстѣ, на купцовъ—чтобы они не торговали, на корабли и мельницы—чтобы они не двигались, на молнію—чтобы она ударяла въ иныя мѣста. Это дѣлается посредствомъ напитковъ, втираній мазями, посредствомъ изображеній, колецъ и другихъ чаръ; кровь гіенъ или василисковъ считается подходящей для такихъ цѣлей; при этомъ вспоминается шекспировскій котелъ вѣдьмы. Нѣтъ,

котелъ этотъ не можетъ вспоминаться, если мы будемъ понимать Агриппу правильно. Са̂мо собой разумѣется, что онъ вѣрилъ въ тѣ факты, въ которыхъ никто изъ его современниковъ не сомнѣвался. Но вѣдь это точно такъ же дѣлаемъ и мы. Вѣдь несомнѣнно, что будущія столѣтія выбросятъ многое, что мы признаемъ неоспоримыми фактами, въ складочное мѣсто „слѣпыхъ“ суевѣрій... Несомнѣнно и то, что въ нашемъ фактическомъ знаніи происходитъ движеніе впередъ. Какъ только былъ открытъ „фактъ“ шарообразнаго строенія земли, всѣ прежнія предположенія были изгнаны въ область „суевѣрія“. То же самое происходило съ различными истинами астрономіи, біологіи и др. Ученіе о естественномъ происхожденіи вселенной по сравненію съ прежними гипотезами о сотвореніи міра было такимъ же шагомъ впередъ, какъ признаніе шарообразности земли по сравненію съ предыдущими гипотезами относительно ея формы. И все же я совершенно увѣренъ, что въ нашихъ ученѣйшихъ естественно-научныхъ произведеніяхъ скрываются такіе „факты“, которые въ будущемъ будутъ такъ же непріемлемы, какъ для насъ непріемлемы нѣкоторыя положенія Агриппы и Парацельса. Совсѣмъ не въ томъ дѣло, *что* они считали „фактами“, дѣло въ томъ, въ какомъ духѣ они толковали эти факты.

Во времена Агриппы очень немногіе въ состояніи были понимать его „естественную“ магію, которая искала въ природѣ природное, и въ духовномъ духовное; въ его времена люди были приверженцами „сверхъестественной“ магіи, которая духовное искала въ чувственномъ мірѣ, и съ которой Агриппа боролся. Этимъ объясняется совѣтъ, данный ему настоятелемъ Спонгеймскимъ, не передавать своихъ воззрѣній иначе, какъ втайнѣ и притомъ немногимъ избраннымъ, которые въ состояніи подняться до его идей относительно природы и духа, такъ какъ „вѣдь быкамъ даютъ только сѣно, а не сахаръ, который даютъ пѣвчимъ птицамъ“. Возможно, что настоятелю и самъ Агриппа обязанъ своей вѣрной точкой зрѣнія. Тритеміусъ въ своей „Steganographie“ обрушивается съ скрытой ироніей на тотъ способъ мысли, который смѣшиваетъ природу съ духомъ. Онъ говоритъ въ своей книгѣ, повидимому, объ однихъ только сверхъестественныхъ явленіяхъ. Кто ее читаетъ безъ внутренняго пониманія, тотъ можетъ думать, что авторъ говоритъ о заклинаніяхъ духовъ, о ихъ полетахъ по воздуху и т. д. Но если пропустить нѣкоторыя слова и буквы текста, то останутся—какъ это доказано Вольфгангомъ Гейделемъ въ 1676 г.— лишь такія буквы, которыя, соединенныя въ слова, изображаютъ

вполнѣ естественные факты. Напримѣръ, въ одномъ случаѣ изъ заклинательной формулы нужно отбросить первое и послѣднее слово, а изъ остальныхъ вычеркнуть второе, четвертое, шестое и т. д. Затѣмъ, изъ оставшихся словъ нужно снова выкинуть первую, третью, пятую и т. д. буквы, все остальное нужно сложить въ слова и тогда заклинательная формула превращается въ совершенно естественное сообщеніе.

Насколько Агриппѣ было трудно освободиться изъ-подъ вліянія господствовавшихъ въ его время суевѣрій и подняться до болѣе чистыхъ воззрѣній, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, обстоятельство, что написанную уже въ 1510 г. *Philosophia Occulta* (Тайная Философія) онъ счелъ возможнымъ опубликовать только въ 1531 г., такъ какъ самъ считалъ ее незрѣлой. Далѣе, о томъ же говоритъ его произведеніе *De vanitate scientiarum* (О тщеславіи наукъ), въ которой онъ съ горечью жалуется на проявленія ученыхъ своего времени. Онъ выражаетъ въ этомъ сочиненіи совершенно ясно, что самъ освободился лишь съ большимъ трудомъ отъ безумія, съ которымъ люди его времени стремились въ внѣшнихъ явленіяхъ видѣть непосредственныя духовныя явленія, въ видимыхъ фактахъ—пророческія указанія на будущее и т. д. Агриппа признавалъ три ступени, ведущія къ высшему познаванію. Первой ступенью онъ признавалъ физическій міръ со всѣми его веществами, со всѣми физическими, химическими и другими силами, поскольку онѣ познаются нашими органами чувствъ. Онъ называетъ природу, разсматриваемую на этой ступени, элементарной. На второй ступени онъ видитъ міръ, какъ цѣлое въ его естественной связи и съ его порядкомъ, по которому все складывается по размѣру, числу, вѣсу, гармоніи и т. д. Первая ступень соединяетъ ближайшее съ ближайшимъ, она ищетъ причины каждаго явленія въ непосредственно окружающей его средѣ. Вторая ступень разсматриваетъ отдѣльныя явленія въ связи со всей вселенной. Она проводитъ ту мысль, что каждая вещь находится подъ вліяніемъ всѣхъ остальныхъ вещей вселенной. На этой ступени вселенная является какъ великая гармонія, въ которой все отдѣльное входитъ, какъ ея часть. Міръ, разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, Агриппа опредѣляетъ какъ астральный или небесный. Третья ступень познаванія та, на которой духъ—путемъ самоуглубленія—взираетъ непосредственно на духовное, на Первосущность міра. Агриппа обозначаетъ эту ступень, какъ „духовно-душевный міръ".

Воззрѣнія, которыя Агриппа развиваетъ на міръ и на отношеніе къ нему человѣка, выступаютъ въ твореніяхъ Парацельса,

только въ болѣе усовершенствованной формѣ. Поэтому лучше знакомиться съ ними въ произведеніяхъ послѣдняго.

Парацельсъ опредѣлилъ себя самъ, подписавъ подъ своимъ портретомъ; „Никто не будетъ рабомъ другого, кто можетъ оставаться наединѣ самъ съ собой". Все его отношеніе къ познаванію опредѣляется этими словами. Онъ возвращается вездѣ къ глубочайшимъ основамъ естествознанія, чтобы затѣмъ собственными силами подниматься къ высочайшимъ областямъ познаванія. Какъ врачъ, онъ не принимаетъ подобно своимъ современникамъ того, что утверждалось тогдашними авторитетами, напримѣръ, Галленомъ или Авиценной, онъ хочетъ самъ, непосредственно, читать *книгу природы*. „Врачъ долженъ пройти черезъ экзаменъ природы, которая и есть весь міръ и все ея начало. И все, чему его научаетъ природа, долженъ онъ приказывать своей мудрости, и ничего не искать въ своей мудрости, а только въ свѣтѣ природы". Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы со всѣхъ сторонъ изучить природу и ея воздѣйствія. Съ этой цѣлью онъ предпринимаетъ путешествіе въ Швецію, Венгрію, Испанію, Португалію и на Востокъ. Онъ имѣетъ право сказать про себя: „Я гонялся за искусствомъ съ опасностью для моей жизни и не стыдился учиться у сельскихъ священниковъ, палачей и цирюльниковъ. Мое ученіе подвергалось пробѣ—сильнѣйшей, чѣмъ серебро—въ бѣдности, войнахъ и въ бѣдствіяхъ". Все переданное древними авторитетами не имѣло для него никакого значенія. Онъ вѣрилъ въ истинность лишь такого воззрѣнія, которое складывалось въ немъ самомъ, и въ такія наблюденія надъ природой, которыя затѣмъ претворялись въ высшее познаваніе. Это самостоятельное творчество вложило въ его уста слѣдующее гордое изреченіе: „Кто хочетъ идти за истиной, тотъ иди въ мою монархію... За мной, а не я за вами Авиценна, Разесъ, Галенъ, Мезуръ! За мной, а не я за вами, вы изъ Парижа, изъ Монпелье, изъ Швабіи, изъ Мейсена, изъ Кёльна, изъ Вѣны и отовсюду по теченію Дуная и Рейна; вы, острова въ морѣ, ты—Италія, ты—Далмація, ты—Аѳины. Ты—Грекъ, Арабъ, Израиль! всѣ за мной, а не я за вами! Мнѣ принадлежитъ монархія!"

Парацельса можно всегда узнать по его суровой внѣшней сторонѣ, которая нерѣдко скрываетъ за шуткой глубокую серьезность. Онъ самъ говоритъ о себѣ: „Отъ природы я сотканъ не изъ тонкой ткани и выращенъ не на фигахъ и пшеничныхъ булкахъ, а на сырѣ, молокѣ и овсяномъ хлѣбѣ; поэтому я достаточно грубъ для опрятненькихъ и деликатненькихъ, ибо воспитанные въ

мягкихъ одеждахъ и мы, взрощенные въ еловыхъ шишкахъ, понять другъ друга никакъ не можемъ. Если я хочу быть самъ для себя милъ, я долженъ прослыть за грубаго. Какъ могу я не казаться страннымъ для того, кто никогда не ходилъ въ лучахъ солнца?“

Гёте выразилъ отношеніе человѣка къ природѣ (въ своей книгѣ о Винкельманѣ) въ такихъ прекрасныхъ выраженіяхъ: „Когда здоровая природа человѣка дѣйствуетъ, какъ нѣчто цѣльное, когда онъ чувствуетъ себя частью большого, прекраснаго и достойнаго цѣлаго, если гармоническое пріятное самочувствіе доставляетъ ему чистый, свободный восторгъ: тогда вселенная—если бы она могла ощущать себя, какъ приблизившуюся къ своей цѣли—возликовала бы и *испытала бы восторгъ, взирая на вершину своего собственнаго бытія къ своей сущности*“. Ощущеніемъ, выраженнымъ въ приведенныхъ словахъ, Парацельсъ былъ глубоко проникнутъ. Именно изъ этого ощущенія образуется для него загадка человѣка. Посмотримъ, какъ это совершается въ духѣ Парацельса. Въ началѣ для человѣческаго воспріятія закрытъ тотъ путь, которымъ природа шествовала, чтобы создать свою вершину. Она достигла этой вершины; но вершина эта не говоритъ: я чувствую себя, какъ вся природа; вершина эта говоритъ: я чувствую себя, какъ этотъ единичный человѣкъ. То, что въ дѣйствительности есть дѣло всего міра, то чувствуетъ себя, какъ оторванное, одинокое, само по себѣ стоящее существо. Да, въ этомъ сказывается истинная сущность человѣка, что онъ долженъ чувствовать себя какъ нѣчто особое, тогда какъ въ дѣйствительности онъ есть завершеніе Природы. И если это—противорѣчіе, то человѣкъ можетъ быть названъ воплощеннымъ противорѣчіемъ. Человѣкъ—весь міръ, но лишь въ своемъ родѣ. Онъ чувствуетъ свое единозвучіе съ міромъ, какъ двойственность. Онъ—то же что и міръ; но онъ есть повтореніе міра и онъ повторяетъ его, какъ единичное существо. Это и есть то противоположеніе, которое Парацельсъ ощущаетъ какъ микрокосмъ (человѣкъ) и макрокосмъ (вселенная). Человѣкъ для него—цѣлый міръ въ маломъ видѣ. Такое отношеніе человѣка къ міру вызывается его разумомъ. Разумъ связанъ съ единичнымъ существомъ, съ единичнымъ организмомъ. Организмъ этотъ принадлежитъ всею своею сутью великому потоку вселенной. Онъ лишь часть этого потока и способенъ существовать лишь въ взаимодѣйствіи со всѣми остальными частями. Разумъ же является результатомъ этого отдѣльнаго организма. Въ началѣ онъ видитъ свою связь лишь съ этимъ организмомъ.

Онъ какъ бы вызываетъ этотъ организмъ изъ материнской почвы, откуда онъ выросъ. Такъ Парацельсъ видитъ глубокую связь между человѣкомъ и вселенной, связь, заключенную въ естественной основѣ бытія и сокрытую разумомъ. Разумъ, ведущій насъ къ высшему познаванію тѣмъ, что служитъ посредникомъ между нами и знаніемъ и возрождаетъ это знаніе на высшей ступени,—этотъ разумъ имѣетъ для насъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что скрываетъ отъ насъ самихъ нашу собственную связь съ остальнымъ міромъ. Такимъ образомъ для Парацельса человѣческая природа распадается на три члена: 1) на чувственно-тѣлесную или физическій организмъ, который является намъ какъ естественное существо среди другихъ естественныхъ существъ и который вполнѣ сходенъ со всѣми остальными существами; 2) на нашу скрытую природу, которая является звеномъ въ міровой цѣпи, и, слѣдовательно, не завершена внутри нашего организма, а высылаетъ дѣйствія своихъ силъ изъ себя и получаетъ таковыя отъ остального міра; 3) на нашу высшую природу, нашъ духъ, который можетъ жить лишь духовнымъ образомъ. Первый членъ человѣческой природы названъ Парацельсомъ *элементарнымъ тѣломъ*; второй—*эфирно-небеснымъ* или *астральнымъ*, третій членъ онъ называетъ *душою*.

Такимъ образомъ въ „астральныхъ" явленіяхъ Парацельсъ видитъ промежуточную ступень между чисто тѣлесными и собственно душевными явленіями. Они станутъ только тогда видимыми, когда разумъ, скрывающій естественную основу нашего бытія, прекратитъ свою дѣятельность. Простѣйшее выраженіе этой области мы имѣемъ въ мірѣ сновидѣній. Картины, проносящіяся вокругъ насъ во снѣ, съ ихъ удивительной полной значенія связью съ обстоятельствами окружающей среды и съ состояніями нашего собственнаго, внутренняго міра,—являются продуктами нашей естественной основы, затемненными болѣе яркимъ свѣтомъ души. Когда около моей кровати опрокидываютъ стулъ и мнѣ снится цѣлая драма, кончающаяся дуэлью и выстрѣломъ одного изъ противниковъ; или, когда у меня возникаетъ сердцебіеніе и я вижу во снѣ топящуюся печь,—такъ проявляются естественныя воздѣйствія, полныя смысла и значенія, обнаруживающія цѣлую жизнь, которая лежитъ между чисто органическими функціями и создаваемыми умомъ при ясномъ бодрствующемъ сознаніи понятіями. Къ этой области примыкаютъ всѣ явленія гипнотизма и внушенія. Не видимъ-ли мы въ явленіяхъ внушенія воздѣйствія человѣка на человѣка, которыя указываютъ на связь всѣхъ ра-

зумныхъ существъ, которая скрыта отъ насъ. Отсюда раскрывается возможность получить представленіе о томъ, что Парацельсъ называетъ „Астральнымъ тѣломъ“. Это—сумма естественныхъ воздѣйствій, подъ вліяніемъ которыхъ мы находимся, которыя исходятъ изъ насъ помимо нашей души и все же не могутъ быть отнесены въ область чисто физическихъ явленій. Что Парацельсъ относитъ къ этой области такіе факты, въ которыхъ мы нынѣ сомнѣваемся, это идетъ изъ причинъ, которыя мы выше уже старались выяснить *).

На основаніи такого воззрѣнія на человѣческую природу, Парацельсъ раздѣлялъ ее на семь членовъ. Это тоже самое подраздѣленіе, которое мы встрѣчаемъ въ мудрости древнихъ Египтянъ, у Нео-Платониковъ и въ Каббалѣ. Прежде всего, человѣкъ—физически тѣлесное существо и подлежитъ тѣмъ-же законамъ, которымъ подчинено и всякое физическое тѣло. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи его можно разсматривать какъ тѣло *элементарное*. Тѣлесно физическіе законы расчленяются въ немъ въ *органическій* жизненный процессъ. Парацельсъ обозначаетъ органическую закономѣрность какъ „Archaeus“ или Spiritus Vitae“; органическое повышается до уровня духа подобныхъ явленій, которыя однако еще не духъ. Ихъ онъ называетъ „Астральными явленіями. Изъ „Астральной“ дѣйствительности возникаютъ функціи „животнаго разума“. Человѣкъ есть существо чувственное. Онъ соединяетъ чувственныя впечатлѣнія по закону чувствъ посредствомъ своего разума. Такимъ образомъ въ немъ оживаетъ „разумная душа“. Онъ углубляется въ свое собственное духовное творчество, онъ познаетъ духъ какъ таковой, и, благодаря этому, онъ поднимается до ступени „духовной души“. Въ концѣ концовъ онъ познаетъ, что въ этой духовной душѣ возможно пережить глубочайшую основу мірового бытія; духовная душа перестаетъ быть индивидуальной, обособленной. Возникаетъ познаваніе, о которомъ говоритъ Экхартъ, когда человѣкъ чувствуетъ, что въ немъ говоритъ уже не онъ самъ, а Первосущность. Тогда возникаетъ то состояніе, при которомъ Міровой Духъ созерцаетъ себя въ человѣкѣ. Парацельсъ выразилъ это состояніе въ такихъ словахъ: „вотъ то великое, надъ чѣмъ вы должны задуматься: нѣтъ ничего ни на небѣ, ни на землѣ, чего не было бы въ человѣкѣ; и *Богъ*, пребывающій на небѣ, пребываетъ и въ человѣкѣ“.

---

*) См. стр. 30.

Своими семью основными членами человѣческой природы Парацельсъ хочетъ выразить ничто иное, какъ факты внѣшняго и внутренняго переживанія. Но онъ этимъ вовсе не уничтожаетъ то единство, которое лишь для человѣческаго пониманія является какъ множественность, раздѣленная на семь членовъ. Для того и существуетъ высшее познаваніе, чтобы находить и указывать единство во всемъ, что, благодаря тѣлесной и духовной организаціи человѣка, является послѣднему при его непосредственныхъ переживаніяхъ какъ множественность. На ступени наиболѣе высокаго познаванія Парацельсъ стремится сплавить въ одно живое цѣлое общую міровую первопричину съ своимъ собственнымъ разумомъ. Но онъ знаетъ, что человѣкъ способенъ познать природу съ ея духовной стороны лишь тогда, когда онъ вступаетъ съ природою въ непосредственное общеніе. Не потому понимаетъ человѣкъ природу, что онъ надѣляетъ ее произвольно принятыми духовными сущностями, а потому, что принимаетъ и цѣнитъ природу таковою, какъ она есть. Поэтому Парацельсъ не ищетъ Бога или Духа *въ* природѣ, но сама природа, какъ она стоитъ передъ его глазами, является для него непосредственно *божественной*. Слѣдуетъ ли вкладывать въ растеніе душу по образу и подобію человѣческой, чтобы найти въ немъ нѣчто духовное? Поэтому Парацельсъ объясняетъ себѣ эволюцію всѣхъ вещей, насколько это было доступно для научныхъ средствъ его времени,—какъ чувственный естественный процессъ. Онъ производитъ всѣ вещи изъ первозданной матеріи, изъ первичной воды (Иліастеръ). И далѣе онъ разсматриваетъ также, какъ естественный процессъ, раздѣленіе первичной матеріи (которую онъ называетъ великій Lymbus) на четыре элемента: воду, землю, огонь и воздухъ. И когда онъ говоритъ, что „Божественное Слово" вызвало изъ первичной матеріи множественность существъ, онъ хочетъ этимъ сказать приблизительно то, что новѣйшія естественныя науки понимаютъ подъ взаимодѣйствіемъ силы и матеріи. „Духъ" въ дѣйствительномъ смыслѣ слова еще не существуетъ на этой ступени. Этотъ „Духъ" не причина естественнаго процесса, а результатъ, или плодъ этого процесса. Онъ не творитъ природу, а *развивается* изъ нея. Не мало словъ Парацельса можно бы объяснить въ противуположномъ смыслѣ. Такъ, когда онъ говоритъ: „Нѣтъ ничего тѣлеснаго, чтобы не имѣло и не вело съ собой также скрытаго и живущаго въ немъ Духа. Имѣется не только та жизнь, которая шевелится и двигается, какъ: люди, звѣри и черви на землѣ, птицы въ небесахъ и рыбы въ водѣ, но также и всѣ тѣлесныя и существенныя

вещи“. Но такими изреченіями Парацельсъ хотѣлъ только предостеречь относительно такого поверхностнаго отношенія къ природѣ, которое воображаетъ парой „пригвожденныхъ“ понятій [по превосходному выраженію Гёте] исчерпать всю сущность данной вещи. Онъ не хочетъ вкладывать въ вещи выдуманную сущность, онъ желаетъ употребить всѣ силы, чтобы извлечь изъ наблюдаемой вещи какъ разъ то, что въ ней дѣйствительно есть.

Слѣдуетъ только не забывать, что Парацельсъ выражается въ духѣ своего времени. Важно опредѣлить, какія вещи проносились передъ нимъ, когда онъ, созерцая природу, облекалъ въ выраженія своего времени приходившія ему мысли. Такъ, онъ приписываетъ человѣку двойную плоть, слѣдовательно двойной тѣлесный составъ. „Плоть должна быть понимаема какъ двойственная по своему роду, а именно—плоть, происходящая отъ Адама, и плоть, которая не отъ Адама. Плоть отъ Адама—грубая плоть, ибо она земная и ничто иное какъ плоть, которую можно связывать и хватать, какъ дерево или какъ камень. Другая плоть не отъ Адама, это тонкая плоть и ее нельзя ни связать, ни схватить, ибо она не отъ земли“. Что же это за плоть, которая отъ „Адама“ Это—все то, что человѣкъ получилъ, благодаря своему *естественному* развитію, слѣдовательно то, что онъ *наслѣдовалъ.* Къ этому примыкаетъ все, что человѣкъ *пріобрѣлъ,* благодаря своему общенію съ окружающей средой во времени и пространствѣ. Современное, естественно научное представленіе объ унаслѣдованныхъ свойствахъ и о пріобрѣтенныхъ путемъ приспособленія къ средѣ, включены въ эту мысль Парацельса. „Болѣе тонкая плоть“, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ къ духовной дѣятельности, не принадлежала ему въ началѣ его развитія. Онъ былъ лишь „грубой плотью“ подобно животному, плотью, которую можно „связывать и хватать, какъ дерево и камень“. Слѣдовательно, въ естественно-научномъ смыслѣ, душа является также *пріобрѣтеннымъ* свойствомъ „грубой плоти“. То, что естественно-научный изслѣдователь XIX вѣка имѣетъ въ виду, когда говоритъ о наслѣдіи, идущемъ изъ міра животныхъ, то же самое подразумѣваетъ и Парацельсъ, когда употребляетъ выраженіе „отъ Адама происходящая плоть“. Этимъ, конечно, не исчерпывается разница между изслѣдователемъ природы XVI вѣка и такимъ же изслѣдователемъ конца XIX вѣка. Лишь въ XIX столѣтіи появилась возможность установить научнымъ образомъ явленія живыхъ существъ въ такой взаимной связи, что ихъ естественное родство и дѣйствительное ихъ происхожденіе могло выясниться во всей

своей послѣдовательности вплоть до человѣка. Естественныя науки видятъ естественный процессъ вездѣ, гдѣ еще въ XVIII столѣтіи Линней видѣлъ духовный процессъ, охарактеризованный имъ въ такихъ словахъ: „отдѣльныхъ видовъ живыхъ существъ можно сосчитать столько, сколько *создано* въ принципѣ различныхъ формъ“. Въ то время, какъ Линней вводилъ духъ въ пространственный міръ и приписывалъ ему задачу духовно производить жизнеформы, „создавать“ ихъ,—естественная наука XIX столѣтія отдавала природѣ то, что отъ природы, и духу то, что отъ духа. Самой природѣ представлялась задача объяснять свои творенія; духу же предоставлялось пребывать въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ его можно было найти, внутри человѣка.

Но, если Парацельсъ въ нѣкоторомъ смыслѣ мыслитъ по линіямъ и въ духѣ своего времени, относительно идеи *развитія*, идеи *происхожденія* и отношенія человѣка къ природѣ его способъ разсужденія чрезвычайно глубокъ. Онъ видѣлъ въ первопричинѣ міра не что либо завершенное, онъ воспринималъ божественное въ непрестанномъ творчествѣ, въ непрестанномъ возникновеніи. Вслѣдствіе этого, онъ имѣлъ возможность приписать человѣку силу самостоятельнаго, обращеннаго на себя творчества. Если Божественная Первосущность опредѣлена разъ навсегда, тогда не можетъ быть и рѣчи объ истинномъ творчествѣ человѣка. Въ такомъ случаѣ творилъ бы не человѣкъ, живущій во времени, а творилъ бы Богъ, сущій въ вѣчности. Но для Парацельса такого сущаго отъ вѣчности Бога совсѣмъ нѣтъ; для него существуетъ лишь вѣчное возникновеніе, и человѣкъ—членъ въ этомъ вѣчномъ возникновеніи. То, что человѣкъ *образуетъ*, того ранѣе совсѣмъ не существовало. То, что человѣкъ создаетъ, есть именно то, что онъ создаетъ, источникъ творчества лежитъ въ немъ. Вотъ почему Парацельсъ могъ приписывать человѣку въ міростроительствѣ такую роль, которая дѣлала его сотрудникомъ, зодчимъ этого творчества. Божественная Первосущность *безъ* человѣка совсѣмъ не то, чѣмъ она является *съ* человѣкомъ. „Ибо природа не производитъ ничего, что было бы закончено, она предоставляетъ все завершать человѣку“. Эту самостоятельную творческую дѣятельность человѣка въ строительствѣ природы Парацельсъ называетъ *Алхиміей*. „Это завершеніе (того, что начато природой) есть Алхимія. Такимъ образомъ Алхимикъ—пекарь, когда онъ печетъ хлѣбъ, винодѣлъ, когда онъ дѣлаетъ вино, ткачъ, когда онъ ткетъ сукно“. И самъ Парацельсъ въ своей врачебной области желаетъ быть Алхимикомъ. „Поэтому я такъ

много и пишу объ алхиміи, чтобы вы ее хорошенько познали и испытали, что она изъ себя представляетъ и какъ ее слѣдуетъ понимать: не приходить въ досаду отъ того, что она не сдѣлаетъ для тебя золота или серебра, а смотрѣть на нее такъ, что она раскрываетъ передъ тобой арканы (цѣлительныя средства)... третій столпъ медицины есть алхимія, ибо приготовленіе цѣлительныхъ средствъ не можетъ совершаться безъ послѣдней, такъ какъ *природу нельзя употреблять безъ искусства.*

Въ самомъ истинномъ значеніи этого слова, глаза Парацельса были устремлены на природу съ цѣлью подслушать у нея, что она сама можетъ выдать о своемъ творчествѣ. И химическую закономѣрность онъ изучаетъ для того, чтобы дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, какъ алхимикъ. Онъ представляетъ себѣ всѣ тѣла состоящими изъ трехъ основныхъ веществъ, изъ соли, сѣры и ртути. Конечно его понятія объ этихъ веществахъ значительно разнятся отъ того, что позднѣйшая химія обозначаетъ этими именами. Различныя вещи въ различныя времена обозначаются одними и тѣми же именами. То, что древніе называли четырьмя элементами: землей, водой, огнемъ и воздухомъ, мы имѣемъ и теперь. Но мы уже не называемъ ихъ элементами, а аггрегатами, и имѣемъ для нихъ опредѣленія: твердое, жидкое, газообразное, эфирное. Такъ для древнихъ, земля была не землею, а „твердымъ“ составомъ. Точно также и три основныхъ вещества Парацельса мы узнаемъ въ нашихъ современныхъ понятіяхъ, но лишь иначе обозначенными. Для Парацельса самыми важными химическими процессами являются: раствореніе въ жидкости и сгораніе. Если тѣло растворяется или сгораетъ, то оно распадается на свои составныя части. При этомъ нѣчто остается, а нѣчто растворяется или сгораетъ. То, что остается, онъ относитъ къ солямъ, то что растворяется, къ ртути; то же, что сгораетъ, онъ называетъ сѣрнистымъ.

Познаніе, которое не способно подниматься надъ такими естественными процессами, и которое видитъ въ нихъ одно лишь матеріальное, остается при этомъ холоднымъ; но та мысль, которая стремится уловить духовное посредствомъ органовъ чувствъ, должна неминуемо населять эти процессы всевозможными живыми сущностями. Тотъ же, кто подобно Парацельсу разсматриваетъ ихъ въ связи съ міровымъ единствомъ, тотъ принимаетъ ихъ такъ, какъ они предлагаются нашимъ чувствамъ; онъ ихъ не перетолковываетъ, ибо именно въ томъ видѣ, въ какомъ естественные процессы—въ ихъ чувственной дѣйствительности стоятъ передъ нами,—они и обнаруживаютъ на свой собственный ладъ за-

гадку бытія. И то, что они путемъ этой чувственной дѣйствительности способны извлекать изъ души человѣка, стоитъ для стремящагося къ свѣту высшаго познаванія несравненно выше, чѣмъ всѣ сверхъестественныя чудеса, какія человѣкъ въ состояніи придумать, или какія могутъ быть для него раскрыты такъ называемымъ „духомъ". Не существуетъ никакого „духа природы", который могъ бы выразить болѣе возвышенную истину, чѣмъ это дѣлаетъ само великое творчество природы, когда наша душа вступаетъ въ дружественный союзъ съ природой и въ этомъ довѣрчивомъ общеніи прислушивается къ откровеніямъ, раскрывающимъ ея тайны. Такого дружественнаго союза съ природой и искалъ Парацельсъ.

Перев. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни.

(Первое посланіе св. апостола Павла къ Коринѳянамъ).

Богъ не есть Богъ неустройства, но мира. Такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ.

(Тамъ же).

Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ.

(Тамъ же).

Первый человѣкъ Адамъ сталъ душею живущею (быт. 2 ч.), а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій.

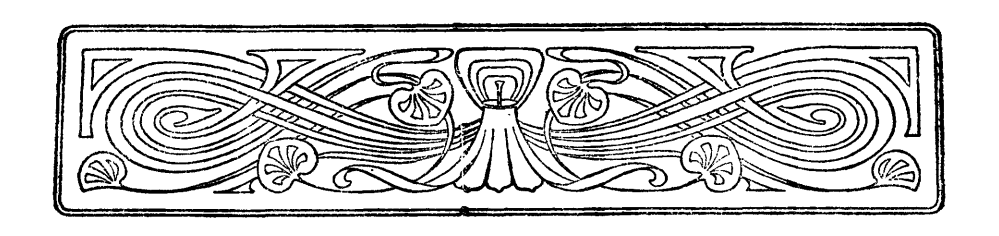
(Тамъ же).

Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда? (Осія, 13, 14).

(Тамъ же).

Итакъ, братія мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспѣвайте въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ вашъ не тщетенъ предъ Господомъ.

(Тамъ же).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь IX.

1.

Благословенный сказалъ:

Тебѣ, не осуждающему, Я объявлю эту сокровеннѣйшую Тайну, мудрость, соединенную съ знаніемъ, познавъ которую ты освободишься отъ зла.

2.

Это—царственная Наука, царственная Тайна, Божественный Очиститель; непосредственно познаваемая [1]) по мѣрѣ возрастанія праведности, она легко выполняется, сохраняясь навсегда.

3.

Невѣрующіе въ эту правду, о Парантапа [2]), не достигнувъ Меня, возвращаются къ путямъ этого міра смерти.

4.

Мною, въ Моемъ непроявленномъ видѣ, проникнутъ весь этотъ міръ; всѣ существа имѣютъ корень во Мнѣ, но Я не имѣю корня въ нихъ.

5.

Но даже и не во Мнѣ коренятся всѣ существа; воззри на Мою Божественную Іогу! То, что Я Самъ—поддерживаетъ всѣ

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 9, стр. 31.

[1]) Непосредственно познаваемыя, т. е. знаніемъ интуитивнымъ.

[2]) Искусный въ „tapas“, т. е. въ подвигахъ.

существа и, хотя Оно не коренится въ нихъ, въ Немъ—зарождающая ихъ Причина.

6.

Подобно тому какъ могучiй вѣтеръ, носящiйся всюду, коренится въ Эфирѣ [1]), такъ и все сущее пребываетъ во Мнѣ; знай это.

7.

Въ концѣ вѣка [2]), о Каунтея, все сущее поглощается Моей низшей природой [3]); при началѣ вѣка Я снова ихъ рождаю.

8.

Скрытый въ Моей собственной природѣ [4]), ея силою Я снова и снова зарождаю это множество существъ, безсильныхъ и безпомощныхъ.

9.

И не связываютъ, о Дханаиджая [5]), эти дѣйствiя Меня, пребывающаго въ безстрастiи, несвязаннаго дѣйствiями.

10.

Подъ Моимъ началомъ [6]) Природа высылаетъ движущееся и неподвижное; вотъ отчего, о Каунтея, вращается вселенная.

11.

Безумцы презираютъ Меня, когда Я облекаюсь въ человѣческiй образъ, не вѣдая Моей высшей природы, великаго властителя всего сущаго.

12.

Съ тщетными надеждами, съ тщетными дѣйствiями, съ тщетными знанiями, безумные раздѣляютъ лживую, сатанинскую [7]), демоническую [8]) природу.

13.

Во-истину, о Партха, Великiя Души [9]), раздѣляющiя Мою божественную природу, познавъ Меня непоколебимымъ разумомъ, поклоняются Мнѣ, непреходящему Источнику всего сущаго.

---

[1]) Аказа, космическiй эфиръ.
[2]) Въ концѣ Кальпы, т. е. цикла.
[3]) Prakriti, космическая матерiя.
[4]) Буквально: скрытый въ природѣ, которая есть моя собственная.
[5]) Счастьемъ—рожденный.
[6]) Буквально: Мною, надзирающимъ, природа и т. д.
[7]) Природу ракша, злыхъ духовъ.
[8]) Природу асуръ, не свѣтлыхъ.
[9]) Магатмы.

14.

Всегда превознося Меня, стойкіе въ подвигахъ и обѣтахъ, распростираясь передо Мною, всегда уравновѣшенные, они поклоняются Мнѣ съ любовью.

15.

Другіе, принося Мнѣ въ жертву мудрость свою, поклоняются Мнѣ, какъ Единому и Многообразному, присутствующему всюду.

16.

Я—приношеніе [1]; Я—жертва; Я—приношеніе предкамъ; Я—зажигающая трава; Я—мантра; Я—также и масло, и огонь, и самое жертвоприношеніе.

17.

Я—Отецъ вселенной, Мать, Опора, Предокъ, познаваемый Источникъ Чистоты, Священное Слово [2], а также три Веды [3].

18.

Я—Путь, Супругъ, Господинъ, Свидѣтель, Обитель, Убѣжище, Возлюбленный, Начало, Распаденіе, Основаніе, Сокровищница, неистощимое Сѣмя.

19.

Я даю тепло; Я задерживаю и высылаю дождь; Я—безсмертіе, а также смерть; Я—бытіе и не-бытіе, Арджуна.

20.

Знающіе три Веды, пьющіе Сома [4], очищенные отъ грѣха, поклоняющіеся Мнѣ жертвоприношеніями, въ молитвахъ просящіе у Меня Путь къ небесамъ; по достиженіи святой обители Властителя [5] Лучезарныхъ, они вкушаютъ отъ ихъ божественныхъ пировъ.

---

[1] Крашу, особый видъ Ведической жертвы.

[2] Св. слово Омъ, обладающее творческой силой.

[3] Три Веды: Rig-Veda (гимны); Sâmaveda (священныя пѣсни); Yajurveda (молитвы, сопровождающія жертвоприношенія. Четвертая Веда (Atharvaveda) посвящена мантрамъ и св. формуламъ.

[4] Напитокъ, даваемый въ древнія времена посвященнымъ передъ тѣмъ, какъ они впадали въ трансъ. Символъ посвященія и экстаза (Samâdhi).

[5] Индры, Бога боговъ и ангеловъ.

21.

Насладившись обширнымъ небеснымъ міромъ, изживъ свою святость, они возвращаются въ этотъ міръ смерти. По закону Ведъ, предаваясь желаніямъ, они обрѣтаютъ преходящее.

22.

Тѣмъ, кто поклоняется Мнѣ одному, не думая о другомъ, тѣмъ, всегда уравновѣшеннымъ, Я дарую полную безопасность.

23.

Даже преданные другимъ Лучезарнымъ, тѣ, которые поклоняются съ полной вѣрой, поклоняются также и Мнѣ, о сынъ Кунти, не зная того.

24.

Воистину Я—Господь, воспринимающій всѣ жертвы, но они не знаютъ Моей сути и потому грѣшатъ [1]).

25.

Поклоняющіеся Лучезарнымъ идутъ къ Лучезарнымъ; поклоняющіеся предкамъ, идутъ къ предкамъ; тѣ, которые поклоняются силамъ природы [2]), идутъ къ силамъ природы; но Мои поклонники идутъ ко Мнѣ.

26.

Если кто съ любовью приноситъ Мнѣ въ жертву листъ, цвѣтокъ, плодъ или воду, Я принимаю то отъ подвизающагося, какъ даръ любви.

27.

Что-бы ты ни дѣлалъ, что-бы ты ни ѣлъ, что-бы ни приносилъ въ жертву или въ даръ, какой бы подвигъ ни совершалъ ты, о Каунтея, все это совершай, какъ приношеніе Мнѣ.

28.

Такъ освободишься ты отъ оковъ дѣяній, рождающихъ добрые и дурные плоды; самъ уравновѣшенный іогой отреченія, ты придешь ко Мнѣ, когда обрѣтешь свободу.

29.

Я одинъ и тотъ же для всѣхъ существъ; нѣтъ для Меня ненавистнаго или дорогого. Но воистину, тѣ, которые благоговѣйно поклоняются Мнѣ, тѣ во Мнѣ и Я также въ нихъ.

---

1) Буквально: отпадаютъ.

2) Элементамъ.

30.

Даже если самый грѣшный поклоняется мнѣ нераздѣльнымъ сердцемъ, тотъ также долженъ считаться праведнымъ, ибо онъ рѣшилъ правильно.

31.

Быстро станетъ онъ праведнымъ и достигнетъ вѣчнаго мира. О, Каунтея, не сомнѣвайся, что преданно поклоняющійся [1]) Мнѣ никогда не погибнетъ.

32.

Тѣ, кто находятъ убѣжище во мнѣ, о Партха, даже грѣшнаго происхожденія, Вайшія [2]) и даже Шудры [3]), они также вступаютъ на высшій Путь.

33.

Насколько же болѣе святые Брахманы и преданные великіе Риши [4]). Пребывающій въ этомъ преходящемъ безрадостномъ мірѣ, поклоняйся Мнѣ.

34.

На меня устремляй свой умъ: будь преданъ Мнѣ; жертвуй Мнѣ; поклоняйся Мнѣ; такимъ образомъ, достигнувъ гармоніи [5]), ты придешь ко Мнѣ, во Мнѣ познавъ свою высшую Цѣль.

Такъ гласитъ IX бесѣда Славной Бхагаватъ-Гиты, именуемая „Іога царственной науки и царственной тайны“.

Перев. И. М. и Alba.

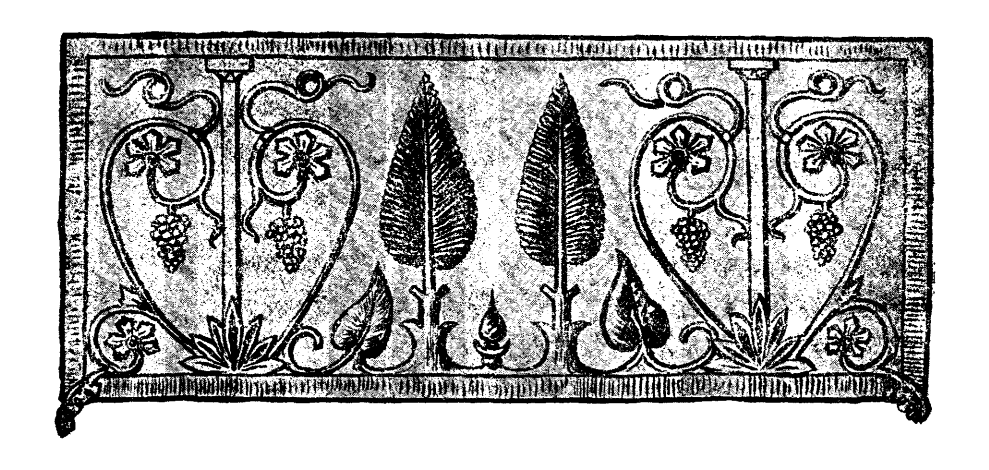
1) Bakta, т. е. преданный, идущій путемъ любви (Bakti).

2) Принадлежащіе къ кастѣ торговцевъ, ремесленниковъ и землед ѣльцевъ.

3) Принадлежащіе къ кастѣ слугъ. Въ древней Индіи было основано 4 касты: Шудры, Вайшія, Кшаттрія (войны) и Брахманы (священники). Первая учила послушанію; вторая — разумной дѣятельности; третья — мужеству и безкорыстію; четвертая служенію.

4) Великіе святые, святители Индіи rajarishis.

5) Буквально: уравновѣсивъ себя.

Мистика и поэзія звука.

Содержаніе настоящей статьи навѣяно очеркомъ Дайна „*Звукъ Созидатель*“ (печатавшимся въ журналѣ „Вѣстникъ Теософіи“, въ 1909 году), книгой Э. Бальи „Le son dans la Nature“ и лекціей А. В. Унковской: „*Цвѣто-Звукъ-Число*“, слышанной мной въ Москвѣ, зимой 1909 года.

I.

Чтобы намъ стали болѣе понятны тѣ космогоническія теоріи о Звукѣ, встрѣчаемыя во многихъ религіозныхъ и философскихъ системахъ Древности, мистическія концепціи о сущности и о происхожденіи Звука, я бы предложилъ вспомнить теософское ученіе о *духовномъ мірѣ*, о томъ „мірѣ духа“, что лежитъ *за* „міромъ души“. Тамъ—„Царство Матерей“, о которомъ упоминается во 2-й части Гетевскаго „Фауста“. Въ томъ „Царствѣ Матерей“ хранятся предвѣчные первообразы всего Существующаго. Тамъ—царство „Идей Платона“. Въ „Мірѣ духа“ обрѣтаются первообразы всего, находящагося въ физическомъ и душевномъ мірахъ. Когда ясновидящій поднимается изъ области души въ область духа, то воспринимаемые имъ первообразы начинаютъ *звучать*: и наблюдатель чувствуетъ себя тогда, какъ бы въ м о р ѣ з в у к о в ъ. Въ ихъ созвучіи, въ ихъ гармоніи, въ ихъ ритмахъ и мелодіяхъ запечатлѣно ихъ сродство и взаимныя соотношенія. То, что (на физическомъ планѣ) разсудокъ воспринимаетъ какъ и д е ю, то—для „духовнаго слуха“ является м у з ы к а л ь н ы м ъ

созвучіемъ. Поэтому, Пиѳагорейцы называли такое воспріятіе духовнаго міра „Музыкой Сферъ“,—„Гармоніей Сферъ“. Здѣсь каждому *Цвѣту*, каждому свѣтовому воспріятію соотвѣтствуетъ духовный *звукъ* и каждому сочетанію цвѣтовъ соотвѣтствуетъ своя *мелодія*. (Вспомните теорію „Цвѣто-Звукъ-Число“ А. В. Унковской; см. „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 1). Пиѳагорейцы считали, что и сама вселенная была вызвана къ бытію изъ хаоса *звукомъ*. Движеніе планетъ, по ихъ мнѣнію, происходитъ въ интервалахъ, соотвѣтствующихъ Законамъ музыкальной Гармоніи.

Религіозныя міросозерцанія, мистическіе культы, міровыя философскія системы различно подходятъ къ вопросу о происхожденіи міра, но всѣ они болѣе или менѣе опредѣленно утверждаютъ, что первая творческая энергія родственна природѣ Звука, что она есть, по своей природѣ,—*Звукъ*. Она именуется то какъ божественная Гармонія, то какъ творческое Слово, то какъ божественный Глаголъ:—въ первичномъ актѣ творчества предполагается сила подобная Звуку. Въ идеѣ „Логоса„ или „Слова“ лежитъ то же понятіе.

Обратимся, напримѣръ, къ Скандинавской миѳологіи:—Въ Норвежскихъ текстахъ *Эдда* говорится:

„То было на зарѣ вѣковъ, когда не было Ничего:
Ни песка, ни моря, ни свѣжихъ волнъ,
Не было ни Земли, ни высокаго Неба,
Но лишь Дыханіе Пустоты, и—ни одной травинки“.

„Дыханіе Пустоты“ было подобно совершенно спокойному воздуху, когда дуновеніе нѣжнаго тепла превращаетъ иней въ водяныя капли. И этими живыми каплями иней былъ одухотворенъ:—явилась фигура человѣка: то былъ, такъ-называемый Ymir (Шепчущій), или Orgemir (Рокочущій), о которомъ говорится въ „Трактатѣ Скандинавской Миѳологіи“ Snorri (имѣется французскій переводъ Бергмана).

Въ Тевтонской Миѳологіи Вотанъ олицетворяетъ содроганіе пробуждающейся природы, т. е. нѣчто вродѣ тревоги, обнаруживающейся въ атмосферѣ при появленіи зари. Въ этомъ смыслѣ, Вотанъ напоминаетъ характеръ индусскаго *Индры*, котораго „слышно“ раннимъ утромъ, до восхода солнца.

Если съ сѣвера Европы мы направимся въ Западную Азію, то найдемъ тѣ же миѳы, но подъ другой формой. Финикійское преданіе повѣствуетъ, что первая человѣческая чета (*Протогенъ*

и Эонъ) произошли отъ вѣтра Кольпіа. Названіе „Кольпіа" есть сочетаніе трехъ еврейскихъ словъ: quol phi a, т. е. „Голосъ изъ устъ Господа" *).

У Халдеевъ, божество Bel есть Слово: „Воля, Слово Божіе, раздѣлило элементы хаоса. Божій Свѣтъ проникъ въ міръ, одухотворилъ его и сохранилъ порядокъ, установленный Словомъ" („*Древняя исторія народовъ Востока*" Масперо).

Персидскія мистеріи Митры были излагаемы посвященнымъ и ученикамъ при помощи звуковыхъ аналогій и семи нотъ гаммы.

Платонъ говоритъ о божественномъ *Словѣ*, создавшемъ міръ (Его сочиненія: „Эпименомисъ", „Федонъ", „Республика"). У Неоплатониковъ Александрійской Школы слѣдуетъ искать то ученіе о *Логосѣ*, которое, въ измѣненномъ видѣ, стало затѣмъ достояніемъ первыхъ Христіанъ: „Въ началѣ было Слово... Все произошло черезъ Него и безъ Него не было ничего, что произошло" (Ев. Іоанна I, 1).

Для Неоплатониковъ и для Гностиковъ, Гермесъ Тримегистъ (Гермесъ трижды величайшій) есть само Слово: „Святое Слово сошло изъ свѣта, и чистый огонь устремился вверхъ. Онъ былъ прозрачный и, въ то же время, всепроникающій и дѣятельный. Земля и вода были нераздѣльны, взаимно проникая другъ друга и получая импульсъ отъ Слова". („Hermés Trismégist", par L. Ménard).

Индія, въ своей величественной священной литературѣ, даетъ намъ по этому вопросу обильныя свидѣтельства: Такъ, *Веды* признаютъ за „Святымъ Словомъ" (*Vâchk*) могущество не только сверхъестественное, но стоящее выше самого Неба: „Мое величіе возвышается надъ этой землей и даже надъ самымъ Небомъ". (Гимнъ IV, 415). Въ *Бхагавадъ-Гитѣ*, Благословенный говоритъ Арджунѣ: „Я есмь Звукъ.... Для говорящихъ Я—Слово.... Я есмь великій Гимнъ между пѣснями Sama".

Въ *Упанишадѣ Великаго Араніака*" (Aranyaka) говорится: „Онъ создалъ Bhân, и это былъ Голосъ.... И этимъ Голосомъ, этимъ Atman, Онъ создалъ все, что есть, все, что бы ни было"....

Но самое полное объясненіе происхожденія Звука находимъ мы въ *Ведантѣ* (Vedanta). Твореніе объяснено тамъ слѣдующимъ образомъ: Противоположнымъ взаимодѣйствіемъ созидающаго и разрушающаго началъ создалось движеніе. Столкновеніе противоположныхъ импульсовъ образовало особый (невидимый) элементъ,

---

*) „Parallèles des traditions mythologiques avec les écrits mosaiques", par J. Goblet.

называемый Akascha, свойство котораго — передавать звукъ. И Akascha образовалъ воздухъ (элементъ ощутимый), огонь (элементъ видимый), воду (элементъ жидкій) и землю (элементъ твердый).

И такъ, мы видимъ, что мистическія преданія самыхъ различныхъ расъ единодушно признаютъ *Слово*, Голосъ, Звукъ за первоисточникъ проявленія вселенной.

Въ особенности же *Сокровенная Философія Индіи* видитъ въ Akascha зачатокъ всѣхъ формъ, проявленныхъ въ міровой жизни. (Творчество Akascha можетъ считаться тѣмъ первоначальнымъ движеніемъ, которое мы называемъ проявленіемъ міровъ).

II.

Какъ мы уже сказали, Пиѳагорейцы считали, что міръ вызванъ къ бытію изъ Хаоса — *Звукомъ*. Движеніе планетъ, по ихъ мнѣнію, происходитъ въ интервалахъ, соотвѣтствующихъ законамъ музыки. (Понятіе о „*Гармоніи Сферъ*" мы находимъ и въ самыхъ древнихъ космогоніяхъ Западной Азіи, Египта и Греціи).

Пиѳагоръ установилъ, въ принципѣ, что въ центрѣ вселенной всѣмъ управляетъ *число*.

Попытаемся возстановить, въ общихъ чертахъ, идею Пиѳагора о творческомъ планѣ міровой Гармоніи, но сперва обратимся къ *Плутарху*, какъ наиболѣе извѣстному изъ древнихъ авторовъ, высказывавшихся по этому вопросу (въ его соч. „О сотвореніи Души" *). Изложеніе Плутарха можетъ показаться довольно темнымъ, если читатель мало знакомъ съ музыкальной теоріей древнихъ грековъ. Постараемся уяснить себѣ ея идею возможно кратче: Первое положеніе книги Плутарха утверждаетъ, что Землѣ (планетѣ) соотвѣтствовало бы, въ музыкальномъ смыслѣ, низкое *la*, Лунѣ—*si*, Меркурію—*do*, а Венерѣ—*re*. Нота *mi* (meson) относилась къ Солнцу. О Юпитерѣ и Сатурнѣ у Плутарха ничего не упоминается, но, очевидно, что имъ соотвѣтствовали *fa* и *sol*, такъ какъ октавное la указано имъ для неподвижныхъ звѣздъ.

(Знаменитый астрономъ *Кеплеръ*, послѣ того, какъ онъ нашелъ отношенія между круговращеніями и разстояніями планетъ,

---

*) Имѣется франц. изданіе *Plutarque*: „De la Création de l'Ame", въ переводѣ *Amyot*.

высказалъ мысль, что въ созвучіи небесныхъ свѣтилъ какъ-бы слышится хоръ, въ которомъ Сатурнъ и Юпитеръ составляютъ *басъ*, Марсъ — *теноръ*, Земля и Венера — *контральто*, а Меркурій—*сопрано*).

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ, устанавливается существующее отношеніе между музыкальными звуками и планетами нашей солнечной системы.

Въ музыкѣ (по доказательству *Гельмгольца*) основной звукъ сопровождается рядомъ звуковъ дополнительныхъ (болѣе слабыхъ); имъ даютъ названіе *„Гармоничныхъ тоновъ"* (по причинѣ ихъ *періодическаго* соединенія съ основнымъ тономъ). Эти гармоничные дополнительные тона можно передать цифрами простого ряда 1, 2, 3, 4, 5 и т. д., т. е., если основной тонъ *1* (единица), предположимъ, вибрируетъ числомъ 128 колебаній въ 1 секунду, то его первый гармоничный тонъ *2* будетъ имѣть двойное число колебаній въ секунду, т. е., 256; его второй гармоничный тонъ—въ три раза большее число колебаній въ секунду, а именно—384; его третій—въ четыре раза больше, и т. д.

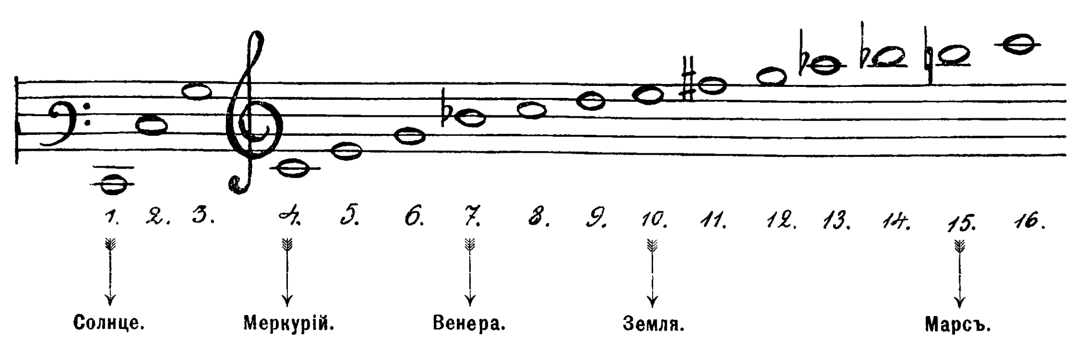
Съ другой стороны, міры нашей солнечной системы образуютъ также рядъ, въ которомъ Солнце представляетъ 1 (единицу), такъ что разстояніе, напр., Меркурія отъ Солнца соотвѣтствуетъ, приблизительно, числу 4, отъ Венеры оно—7, отъ Земли—10, отъ Марса—15, отъ Астероидовъ—32, отъ Юпитера 52, отъ Сатурна—96, отъ Урана—192 *), и мы видимъ, что эти указатели разстояній небесныхъ тѣлъ получаютъ примѣненіе, какъ *указатели колебаній звука,* образуя рядъ гармоничныхъ дополнительныхъ тоновъ.

Въ нижеприведенномъ примѣрѣ, музыкальныя ноты выражаютъ данный тонъ „до" (ut) съ его гармоничными дополнительными тонами; изображается это цифрами отъ 1 до 16. (Мы остановимся на числѣ 16 потому, что, начиная съ Астероидовъ, понадобилось бы, для нотнаго изображенія, слишкомъ много добавочныхъ линій, а за предѣлами Юпитера въ музыкѣ не имѣется знаковъ для обозначенія столь высокихъ тоновъ.

При помощи цифръ, указывающихъ число колебаній въ секунду для данныхъ тоновъ, принимая за основную единицу „до" (ut), имѣющее 128 колебаній, получается слѣдующая музыкальная картина:

---

*) Эти числа приведены въ книгѣ *Бальи:* „Le son dans la Nature".

Далѣе:

Указатель	32	(Астероиды)	соотвѣтствуетъ	до (ut),	имѣющему	4.096	вибрацій,
„	52	(Юпитеръ)	„	la bemol	„	6.656	„
„	96	(Сатурнъ)	„	sol	„	12.228	„
„	192	(Уранъ)	„	sol	„	24.576	„
„	300	(Нептунъ)	„	mi bemol	„	38.400	„ *)

Такимъ образомъ, наша солнечная система можетъ быть выражена гигантскимъ аккордомъ.

do (ut), do (ut), si bemol, mi, si diés, do (ut), la bemol, sol, sol, mi bemol, охватывающимъ діаграмму въ 38.272 вибраціи, иначе сказать: пространство въ восемь октавъ съ уменьшенной терціей.

Такъ какъ извѣстно, что отъ расположенія и отъ числа дополнительныхъ гармоничныхъ звуковъ зависитъ то отличительное музыкальное свойство, которое мы называемъ *тембромъ* (timbre), то можно вообразить себѣ *Гармонію Сферъ* въ гигантскомъ аккордѣ, взывающую къ жизни и надеждѣ всего Космоса и всего человѣчества!

Раздробивъ это громадное собраніе гармоничныхъ тоновъ и сблизивъ слишкомъ отдаленныя части, можно послѣдовательно извлечь:
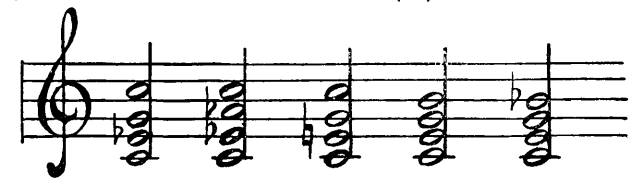
Минорный полный аккордъ: do (ut), mi^{b} **), sol, do (ut).

Аккордъ сексты: do (ut), mi^{b}, la^{b}, do (ut).

Мажорный полный аккордъ: do (ut), mi^{d}, sol, do (ut), далѣе:

Аккордъ мажорной септимы: do (ut), mi, sol, si.

Аккордъ минорной септимы: do (ut), mi, sol, si^{b}, и т. д.

(Вышеупомянутые пять аккордовъ въ скрипичномъ ключѣ).

*) Эта табличка приведена изъ книги *Э. Бальи:* Le son dans la Nature".

**) b—обозначаетъ бемоль, d—обозначаетъ діезъ.

Если бы мы пожелали составить гамму нашей астральной лиры, ограничивая предѣлами октавы ея голоса, разсѣянные по всей діаграммѣ тоновъ, то въ результатѣ оказался бы слѣдующій аккордъ:

До (ut), mi^b, mi^d, sol, la^b, si^b, si^d, do (ut), мелодичная послѣдовательность котораго, какъ ни странной она кажется, отнюдь не непріятна,—напротивъ. (Въ нѣкоторыхъ индусскихъ модуляціяхъ встрѣчаются аналогичныя комбинаціи неполныхъ хроматическихъ гаммъ).

Во вселенной все — Гармонія. Въ мірозданіи все подчинено единому Началу: отъ ничтожной травки до могучаго дуба, отъ мелкаго камешка до горной скалы, отъ скромнаго ручейка до неукротимаго океана, — до сказочныхъ кометъ, этихъ небесныхъ скитальцевъ. И, конечно, былъ несравненнымъ артистомъ Тотъ, Кто украсилъ небесный сводъ звѣздами, этими чудными жемчужинами!—И потому-то, порою, наши взоры полны духовнаго экстаза, когда, въ тихую ясную ночь, предъ нами, таинственно мерцая, зажигаются свѣтила:—эти дивные маяки Океана Безпредѣльности.

П. Батюшковъ.

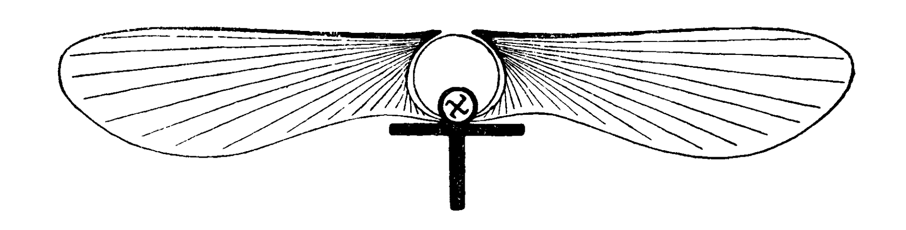
23 іюля 1910 г.
Полвеселки.

Не знаете ли что, тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои, ибо вы куплены дорогою цѣною? Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи.

Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ.

(Первое посланіе Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ).

Книга проф. Джемса.

Прошлой зимой на русскомъ языкѣ вышелъ переводъ книги проф.В. Джемса „Varieties of Religions Experience“ подъ заглавіемъ „Многообразіе религіознаго опыта“ *). Эта книга обращаетъ на себя большое вниманіе и вѣроятно ей суждено сыграть у насъ важную роль, показавъ нашей скептически настроенной публикѣ, что и оффиціальная наука въ лицѣ своихъ первыхъ представителей начинаетъ подходить къ тому пути, какимъ съ самаго начала идетъ теософическое изслѣдованіе.

Проф. Джемсъ стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній для современнаго позитивизма. Онъ сдѣлалъ дѣйствительно серьезные вклады въ научную психологію. Его теорія эмоцій лежитъ въ основѣ всего, что мы сейчасъ знаемъ объ эмоціяхъ. Въ работахъ Дарвина (О выраженіи ощущеній), Спенсера и другихъ свѣтилъ XIX столѣтія многое кажется наивнымъ послѣ Джемса. Джемса нельзя обвинить въ ненаучности, въ недостаточно строгой провѣркѣ фактовъ. И именно поэтому „признаніе“ съ его стороны реальности того, что до сихъ поръ считалось только субъективной игрой воображенія или „патологическимъ“ фактомъ, это симптомъ крупнаго значенія.

Мы не будемъ здѣсь подробно разбирать всю книгу Джемса и приведемъ только наиболѣе интересные отрывки, рисующіе отношеніе автора къ вопросамъ, наиболѣе близкимъ къ теософіи.

═ Въ послѣдней главѣ своей книги проф. Джемсъ спрашиваетъ:

Во первыхъ—есть ли во всѣхъ противорѣчащихъ другъ другу религіозныхъ убѣжденіяхъ такое общее ядро, на которомъ всѣ они единодушно сходятся:

---

*) Москва 1910 г. Изд. „Русской мысли“.

И во вторыхъ,—можемъ ли мы признать это ядро истиннымъ?

И онъ говоритъ.

Я начну съ перваго вопроса и безъ колебанія дамъ на него утвердительный отвѣтъ. Боги и вѣроученія различныхъ религій, конечно, противорѣчатъ другъ другу, но существуетъ однообразное явленіе, общее всѣмъ религіямъ: это *душевное освобожденіе*. Оно складывается изъ двухъ частей:

1. Душевное страданіе.

2. Освобожденіе отъ него.

Страданіе, сведенное къ простѣйшей своей формѣ, состоитъ въ чувствѣ, что со мной, каковъ я есмь теперь, происходитъ что то дурное.

Освобожденіе состоитъ въ чувствѣ, что *я спасенъ отъ зла*, благодаря пріобщенію къ высшимъ силамъ.

Личность, страдающая отъ своего несовершенства и сознающая его, до извѣстной степени преодолѣла уже это несовершенство въ своемъ сознаніи и находится уже въ возможномъ общеніи съ чѣмъ то высшимъ. (Если существуетъ нѣчто высшее). Въ человѣкѣ, на ряду съ дурной его стороной, есть лучшія, хотя бы въ видѣ безпомощнаго зародыша. Нѣтъ возможности установить, съ какой изъ этихъ сторонъ отождествляетъ свое истинное „я" человѣкъ въ первой стадіи этого процесса, но когда наступаетъ вторая стадія (стадія освобожденія или спасенія), то человѣкъ опредѣленно отождествляетъ свое истинное „я" съ упомянутымъ зародышемъ лучшаго существа въ себѣ. Вотъ какъ это происходитъ. *Человѣкъ начинаетъ сознавать, что эта высшая часть его существа родственна чему то проявляющемуся во внѣшнемъ мірѣ, общему ей по качеству, но безконечно превосходящему ее; въ то же время онъ постигаетъ, что можетъ пріобщиться къ этому „нѣчто" и спастись, если его низшее „я" будетъ окончательно имъ подавлено.*

Практическая трудность этого состоитъ: 1) въ томъ, чтобы осознать реальность высшей части своего существа, 2) въ томъ, чтобы отождествить себя всецѣло только съ ней, и 3) въ томъ, чтобы отождествить ее со всѣмъ остальнымъ идеальнымъ бытіемъ.

— Неужели же, спрашиваетъ дальше проф. Джемсъ, этотъ отвѣтъ, вопреки доставляемымъ имъ результатамъ, является только субъективнымъ воспріятіемъ вещей, созданіемъ человѣческаго воображенія. Второй вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Въ чемъ состоитъ объективная „истина" содержанія религіознаго опыта?

Этотъ вопросъ объ истинности, прежде всего, долженъ быть поставленъ по отношенію къ тому *нѣчто*, активное гармоническое общеніе съ которымъ наше высшее „я“ переживаетъ въ религіозномъ опытѣ. Представляетъ ли это „нѣчто“ только продуктъ нашего воображенія или реальное бытіе? Если оно реально существуетъ, то въ какой формѣ? Обладаетъ ли оно активной силой? Какъ слѣдуетъ понимать это „общеніе“ (съ Богомъ), въ реальности котораго такъ убѣждены религіозные люди?

Теоретическая задача различныхъ богословскихъ ученій состоитъ именно въ отвѣтѣ на эти вопросы, и здѣсь проявляется все ихъ разнорѣчіе. Всѣ они согласны съ тѣмъ, что это „нѣчто“ существуетъ реально, хотя нѣкоторыя утверждаютъ, что оно существуетъ въ образѣ личнаго Бога или нѣсколькихъ Боговъ, тогда какъ другія видятъ въ немъ только идеальное стремленіе, лежащее изначала въ основѣ міроздания. Всѣ они согласны, что оно обладаетъ активной силой проявленія и что реально актъ добра въ томъ, что человѣкъ предаетъ свою судьбу въ его руки. Спекулятивное разногласіе всѣхъ этихъ ученій ярче всего обнаруживается въ истолкованіи „общенія“. Теизмъ и пантеизмъ, природа и второе рожденіе, спасенье и карма, безсмертіе и перевоплощеніе, раціонализмъ и мистицизмъ доставляютъ матеріалъ для безконечныхъ споровъ объ этомъ вопросѣ.

Безпристрастная наука о религіяхъ можетъ выдѣлить изъ разногласія этихъ споровъ общій остовъ ученія, который она должна облечь въ такую форму, чтобы оно не противорѣчило выводамъ естествознанія. Это общее всѣмъ религіямъ ученіе наука о религіяхъ должна принять за примиряюшую гипотезу, въ которую могли бы увѣровать всѣ безъ исключенія люди.

Но слѣдуетъ помнить, что содержаніемъ религіи всегда является фактъ опыта: Богъ реально существуетъ, говоритъ религія, и наше отношеніе къ нему такъ же реально. Если вполнѣ опредѣленныя воспріятія такого характера не могутъ собственными силами найти твердую почву подъ ногами, то отвлеченныя разсужденія и подавно безсильны служить имъ той опорой, въ которой они нуждаются. Разсудочная дѣятельность можетъ классифицировать явленія, опредѣлять и объяснять ихъ; но она не можетъ создать ихъ, не можетъ даже воспроизвести ихъ цѣлостной индивидуальности. Въ нихъ есть нѣкій *плюсъ*, какое то *нѣчто*, создать которое можетъ только чувство. Такимъ образомъ въ этой области философія (т. е. умозрительный методъ) является лишь вторичной, производной функціей, неспособной удостовѣрить истинность вѣры.

Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ, что всякая попытка чисто интеллектуальнымъ путемъ доказать истинность религіознаго опыта—абсолютно безнадежна. Но философія можетъ много сдѣлать для религіи, и если она покинетъ область метафизическихъ дедукцій, признаетъ своей задачей трезвый критицизмъ и индукцію и искренно преобразится изъ теологіи въ „науку о религіяхъ", то значеніе ея будетъ огромно.

Человѣческій разсудокъ всегда стремится такъ истолковать свое чувство божественнаго, чтобы оно находилось въ соотвѣтствіи съ его наличными интеллектуальными предрасположеніями. Философія можетъ исключать частное и случайное изъ этихъ толкованій. Она можетъ освободить догму и вѣру отъ историческихъ наслоеній. Сопоставляя индивидуальныя религіозныя настроенія съ данными естествознанія, философія можетъ исправить первыя и дополнить вторыя.

Отметая, такимъ образомъ, ложныя предположенія, она можетъ создать нѣчто цѣлое изъ предположеній, которыя обладаютъ вѣроятностью, и истинность которыхъ возможна. Она можетъ обращаться съ ними, какъ *съ гипотезами*, подводя подъ нихъ доказательства всѣми находящимися къ ея распоряженію отрицательными и положительными методами, которыми она обыкновенно провѣряетъ другія гипотезы. Она можетъ откинуть нѣкоторыя изъ нихъ, если они встрѣчаютъ сильныя возраженія. Можетъ защищать ту гипотезу, которая представляется ей наиболѣе вѣроятной. Можетъ дать болѣе точное опредѣленіе этой гипотезѣ, отдѣляя въ ней суевѣріе и невинный символизмъ языка отъ того, что должно пониматься въ буквальномъ смыслѣ. Поэтому она можетъ быть посредникомъ между различными вѣроученіями и согласовать ихъ воззрѣнія. Ея старанія будутъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ тщательнѣе будетъ она отдѣлять общіе и существенные элементы изучаемыхъ ею вѣрованій отъ элементовъ индивидуальныхъ и частныхъ.

Я полагаю, что подобная критическая „наука о религіяхъ" должна пользоваться такимъ же всеобщимъ признаніемъ, какъ и естествознаніе. Даже нерелигіозные люди должны будутъ согласиться съ ея выводами, какъ слѣпой долженъ признать выводы оптики, ибо было бы безуміемъ отрицать ихъ. Подобно тому, какъ оптика исходитъ отъ опыта зрячихъ людей и провѣряетъ свои послѣдующія заключенія на томъ же опытѣ,—точно такъ же и наука о религіяхъ должна исходить отъ личнаго опыта людей религіозныхъ и считаться съ нимъ во всѣхъ своихъ критическихъ

построеніяхъ. При этомъ наука о религіяхъ должна разъ навсегда признать, какъ признаетъ всякая наука, что цѣлая природа неуловима для нея и что ея построенія являются только приближеніями. Философія проявляется въ словахъ, тоже какъ истина и реальность осуществляются въ нашей жизни такими путями, которые исключаютъ возможность словеснаго формулированія ихъ.

= Кто произноситъ слово „гипотеза", тотъ тѣмъ самымъ отказывается отъ притязанія, чтобы его аргументы цѣликомъ исчерпывали весь вопросъ. Самое большое, что я могу сдѣлать, это выставить такое предположеніе, которое настолько бы соотвѣтствовало фактамъ, чтобы научное мышленіе не нашло очевиднаго повода для наложенія своего *veto* на признаніе его правдоподобности.

То „нѣчто", о которомъ мы говоримъ, и смыслъ „общенія" съ нимъ образуетъ центръ нашего изслѣдованія. Въ какую точную форму могутъ быть включены эти понятія и о какихъ опредѣленныхъ фактахъ они свидѣтельствуютъ? Мы не можемъ стать на сторону какой-нибудь опредѣленной богословской системы, напримѣръ христіанства, и рѣшить, что то „нѣчто" есть Іегова, а „общеніе" съ нимъ состоитъ въ пріобщеніи по праведности Христа. Это было бы несправедливо по отношенію къ другимъ религіямъ и такое утвержденіе съ принятой нами точки зрѣнія было бы индивидуальнымъ вѣрованіемъ, а не трезвымъ знаніемъ.

Мы должны начать съ примѣненія менѣе индивидуализированныхъ терминовъ; и въ виду того, что одной изъ задачъ о религіяхъ является приведеніе религіи въ соотвѣтствіе со всѣми остальными науками, мы должны постараться найти такой способъ описанія этого „нѣчто", который могъ бы быть признанъ психологами соотвѣтствующимъ дѣйствительности. *Подсознательное я* является нынѣ вполнѣ признаннымъ въ психологіи фактомъ; и мнѣ думается, что именно въ этомъ понятіи мы найдемъ необходимый намъ терминъ, посредствующій между наукой и религіей.

Изслѣдованіе запредѣльныхъ областей нашего поля сознанія почти еще не началось, но то, что Майерсъ говорилъ въ 1892 г. въ своемъ „Essay of the Subliminal Consciousness", остается вѣрнымъ до нашего дня:

„Психическое существо каждаго человѣка гораздо болѣе экстенсивно, чѣмъ это представляется его сознанію. Оно является индивидуальностью, которая не можетъ всецѣло заявить себя въ тѣлесныхъ проявленіяхъ. Человѣческое „я" проявляется черезъ организмъ; но извѣстная часть „я" всегда остается невыявленной;

и нѣкоторая часть возможныхъ органическихъ выявленій всегда остается неосуществленной".

Я считаю возможнымъ высказать, какъ гипотезу, предположеніе, что чѣмъ бы ни было въ *потустороннемъ* то „нѣчто", общеніе съ которымъ мы переживаемъ въ религіозномъ опытѣ,—*по эту сторону* оно является подсознательнымъ продолженіемъ нашей сознательной жизни. Исходя такимъ образомъ отъ признаннаго психологіей факта, какъ отъ основанія, мы не порываемъ нити, связующей насъ съ „наукой,"—нити, которую обыкновенно выпускаетъ изъ рукъ теологія. На ряду съ этимъ, однако, оправдывается утвержденіе теологіи, что религіозный человѣкъ вдохновляемъ и руководимъ внѣшней силой, такъ какъ однимъ изъ свойствъ подсознательной жизни, вторгающейся въ область сознательнаго, является ея способность казаться чѣмъ то объективнымъ и внушать человѣку представленіе о себѣ, какъ о внѣшней силѣ. Въ религіозной жизни эта сила кажется „Высшей", и такъ какъ (согласно нашей гипотезѣ) вторгающіяся силы суть главнымъ образомъ высшія свойства тайниковъ нашего духа, то чувство общенія съ потусторонней силой содержаніемъ своимъ имѣетъ не нѣчто кажущееся, но дѣйствительно существующее.

Я думаю, что такой подходъ къ человѣческой душѣ является наиболѣе цѣлесообразнымъ для науки о религіяхъ, такъ какъ представляетъ возможнымъ согласовать различныя точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе это только подходъ, и трудности встанутъ передъ нами сейчасъ же, лишь только мы сдѣлаемъ первые шаги въ этомъ направленіи и поставимъ вопросъ: куда заводятъ насъ запредѣльныя области нашего сознанія, если мы погрузимся въ самую глубину ихъ? Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ начинаютъ сказываться индивидуальныя религіозныя убѣжденія. Сюда привносятъ свои разнорѣчивыя монистическія толкованія и мистицизмъ и воззрѣнія, внушенныя обращеніемъ и ведантизмъ и трансцендентальный идеализмъ, утверждая, что конечное „я" человѣка возсоединяется съ абсолютнымъ „я", ибо конечное „я" всегда было едино съ Богомъ, тожественно съ міровой дущой.

Пророки различныхъ религій подходятъ по этому вопросу каждый со своими видѣніями, ниспосланными свыше вѣщаніями и откровеніями, и каждому кажется, что эти откровенія, вѣщанія и видѣнія подтверждаютъ именно его вѣру.

Тѣ изъ насъ, кто лично не одаренъ этимъ откровеніемъ, должны стать внѣ этихъ споровъ и, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, признать,—что эти откровенія, порождая собою

несовмѣстимыя другъ съ другомъ богословскія ученія, нейтрализуютъ одно другое и не даютъ опредѣленныхъ результатовъ. Если мы послѣдуемъ за какимъ-нибудь изъ ученій, то мы поступимъ совершенно произвольно и создадимъ себѣ религію, руководясь только личными склонностями. Но если оставить въ сторонѣ эти индивидуальные элементы и ограничиться только тѣмъ, что имѣетъ всеобщее значеніе и общій характеръ, то мы должны будемъ признать, что *сознательное „я“ человѣка является непосредственнымъ продолженіемъ болѣе широкаго по объему „я“, которое въ критическіе моменты порождаетъ спасительный опытъ* (Воздѣйствіе Св. Духа, прекрасно названнаго людьми „заступникомъ“, является фактомъ безспорнаго опыта; оно столь же подлинно реально, какъ и электро-магнитныя явленія. W. S. Brownell, Scribner's Magazine, v. XXX, p. 190) и даетъ положительное содержаніе религіозному переживанію, а это послѣднее, думается мнѣ, *совершенно объективно и истинно во всемъ своемъ дѣйствительномъ объемѣ.*

Теперь я намѣренъ предложить вашему вниманію гипотезу о сущности этого болѣе обширнаго „я“...

Послѣдніе предѣлы нашего существа пребываютъ, какъ мнѣ кажется, въ совершенно иной области бытія, чѣмъ чувственный и „постигаемый“ міръ.

Эту область можно назвать мистической или сверхъестественной. Въ большинствѣ своемъ наши духовныя стремленія, повидимому, зарождаются именно въ этой области; иначе она не могла бы овладѣвать нами такимъ образомъ, что мы не въ состояніи объяснить себѣ ихъ появленія. Поэтому слѣдуетъ признать, что мы принадлежимъ къ этой области въ гораздо болѣе интимномъ смыслѣ, чѣмъ къ видимому міру, потому что мы больше и интимнѣе всего живемъ въ томъ мірѣ, гдѣ живутъ и родятся наши духовныя стремленія и идеалы. Но этотъ невидимый міръ не только идеаленъ,—онъ имѣетъ также вліяніе на видимый міръ и воздѣйствуетъ на него. Общеніе съ этимъ невидимымъ міромъ есть реальный процессъ съ реальными результатами, отражающимися на конечной человѣческой личности... Но вѣдь то, что производитъ измѣненія въ области реальнаго, должно само быть реальнымъ, и потому я думаю, что нѣтъ достаточныхъ философскихъ основаній для того, чтобы отвергать возможность реальности невидимаго или мистическаго міра.

Естественнымъ названіемъ высшей реальности, по крайней мѣрѣ для насъ христіанъ, является слово Богъ, и поэтому я буду

называть эту высшую область бытія—Богомъ. Мы можемъ вступить въ общеніе съ Богомъ, и въ предоставленіи своего существа его воздѣйствію мы выполняемъ свое глубочайшее назначеніе... Богъ существуетъ, такъ какъ онъ производитъ реальныя дѣйствія.

Существованіе Бога является ручательствомъ за то, что есть нѣкій высшій гармоническій порядокъ, который останется нерушимъ во вѣки. Міръ погибнетъ, какъ увѣряетъ наука,—сгоритъ или замерзнетъ; но если онъ является составной частью высшей гармоніи, то замыселъ этого міра не погибнетъ и дастъ навѣрное плоды въ иномъ мірѣ. Гдѣ есть Богъ, тамъ трагедія только временна и частична, а крушеніе и гибель уже не могутъ быть дѣйствительнымъ концомъ всего существующаго.

Только тогда... когда въ представленіи уже ясно обрисовываются отдаленнѣйшія стадіи міровой жизни и ея судьба, только тогда кажется мнѣ религія совершенно освобождается отъ вліянія перваго непосредственнаго личнаго переживанія. Понятіе о Богѣ, включающее только то, что является содержаніемъ переживаемаго религіознымъ человѣкомъ чувства „общенія", является несовершенной гипотезой. Это понятіе должно быть поставлено въ связь съ болѣе широкими космическими перспективами.

Религія является силой, постулирующей новые факты.

Міръ, воспринятый въ свѣтѣ религіи—далеко не тотъ же матеріалистическій міръ съ нѣсколько лишь измѣненнымъ обликомъ; кромѣ такого измѣненія ему присуща совершенно иная *природная сущность*, чѣмъ матеріалистическому міру. Онъ такъ мало похожъ на міръ нерелигіозный, что въ немъ можно ожидать совершенно иныхъ событій, можно требовать отъ человѣка совершенно иного поведенія.

Вся совокупность моихъ знаній убѣждаетъ меня въ томъ, что міръ, составляющій содержаніе моего яснаго сознанія, есть только одинъ изъ многихъ міровъ, существующихъ въ болѣе отдаленныхъ областяхъ моего сознанія, и что эти иные міры порождаютъ во мнѣ опытъ, имѣющій огромное значеніе для всей моей жизни.

Питая въ доступной мнѣ небольшой степени вѣру въ это религіозное представленіе, я черпаю въ этой вѣрѣ такое чувство, будто становлюсь болѣе сильнымъ и ближе подхожу къ истинѣ. Я могу, конечно, заставить себя вжиться въ настроеніе ученаго сектанта и живо представить себѣ, что не существуетъ ничего, кромѣ чувственнаго міра и признаваемыхъ наукой законовъ и явленій природы; но всякій разъ, какъ я пытаюсь это сдѣлать,

я слышу, какъ тотъ внутренній руководитель, о которомъ писалъ однажды Клиффордъ, шепчетъ мнѣ: „прочь отсюда!“ Заблужденіе остается заблужденіемъ, даже если оно называется наукой, и вся совокупность человѣческаго опыта, поскольку я могу объективно понять его, непреодолимо влечетъ меня выйти за „научные“ предѣлы. Да, реальный міръ гораздо болѣе сложенъ, чѣмъ это предполагаетъ и допускаетъ естествознаніе. И мои объективное и субъективное сознанія соединенными усиліями привели меня къ тѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, которыя я изложилъ передъ вами.

П. У.

Дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ.

Но каждому дается проявленіе Духа на пользу.

Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ.

Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ ему угодно.

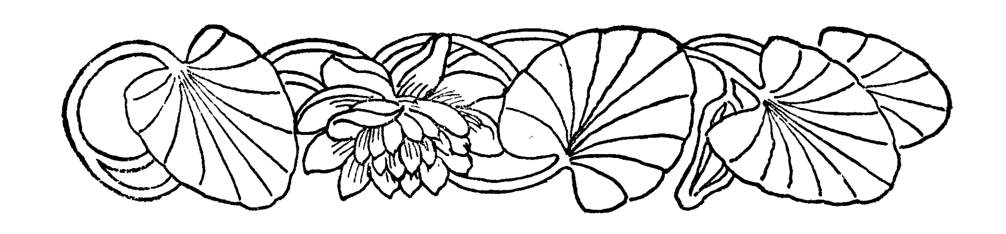
Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, Іудеи или Эллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ.

Страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены.

И вы—тѣло Христово, а порознь—члены.

Ревнуйте о дарахъ бо̀льшихъ, и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій.

Первое посланіе Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ).

Общеніе съ міромъ духовъ.

Д-ръ Францъ Гартманъ.

Переводъ съ нѣмецкаго Д. Страндена,

*(Продолженіе *).*

III.

Общеніе съ духами и душами умершихъ.

„Requiescant in pace“ „Оставьте въ покоѣ умершихъ“.

Когда хотятъ прійти къ соглашенію относительно какого-нибудь вопроса, то прежде всего надо, во избѣжаніе путаницы, называть вещи ихъ настоящими именами.

Когда кто-нибудь говоритъ о свойствахъ камня, а другой представляетъ себѣ, что рѣчь идетъ о деревѣ, то оба эти человѣка едва ли поймутъ другъ друга. Еще важнѣе полная ясность тогда, когда рѣчь идетъ о предметахъ сверхчувственныхъ, самыя понятія которыхъ еще не вполнѣ точно установлены. И въ области метафизики и спиритизма едва ли возможно будетъ достигнуть ясности, пока не проводятъ вполнѣ опредѣленнаго различія между духомъ и душой. Духовное общеніе, будь то съ живыми или умершими, еще вовсе не предполагаетъ необходимо общенія съ ихъ душами, равно какъ и душевное общеніе вовсе не то же, что духовное или интеллектуальное. Существуютъ бездушные духи, какъ есть и души, лишенныя духовности.

Въ сущности говоря, есть лишь единый Духъ, изъ котораго проистекаютъ всѣ формы сознанія, точно такъ же, какъ есть лишь единая матерія, изъ которой образуются всѣ многообразные роды веществъ и формъ. Та философская система, которая построена на міровоззрѣніи, признающемъ лишь то, что вещественно и утверждающемъ, что то, что называютъ „жизнью“, „духомъ“ и т. п., есть лишь продуктъ безжизненной матеріи, называется „ма-

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 9.

теріализмомъ", въ противоположность „спиритуализму", признающему основой всего существующаго духъ. Нѣчто отличное представляетъ собой „спиритизмъ", занимающійся изслѣдованіемъ вопроса объ общеніи съ обитателями такъ называемыхъ сверхчувственныхъ сферъ вселенной, въ особенности же съ душами умершихъ. Матеріализмъ и спиритизмъ представляютъ собой такъ сказать, два главныхъ столба утратившаго цѣлостность міровоззрѣнія; третьимъ основнымъ типомъ слѣдуетъ признать религіозное міровоззрѣніе, которое отводитъ должное какъ матеріи, такъ и духу, и утверждаетъ, что оба эти начала, въ сущности, едины и оба исходятъ изъ того превосходящаго всякую мысль „нѣчто", которое обозначается словомъ „Богъ".

Духъ есть сознаніе, матерія же—форма. Все существующее возникло, какъ результатъ дѣятельности духа въ матеріи; это одинаково относится какъ къ формамъ видимымъ, такъ и къ невидимымъ, и всѣ формы суть лишь средства для проявленія свойствъ духа. Въ этомъ—ключъ къ пониманію природы. Духъ самъ по себѣ, помимо субстанціи, пребывалъ бы въ состояніи непроявленномъ и потому былъ бы для насъ ничѣмъ; форма безъ сущности есть лишь пустая видимость, въ родѣ отраженія въ зеркалѣ; но когда соединяются духъ и матерія, то въ результатѣ развитія получается живая форма, т. е. „душа" или индивидуальность. Горшокъ или домъ со стороны внѣшней формы также обладаютъ индивидуальностью, но у нихъ нѣтъ души. Животныя имѣютъ душу и сознаніе, но лишь въ душѣ человѣка можетъ развиться истинное самосознаніе, и лишь достигнувшій такого самосознанія человѣкъ обладаетъ непреходящей самосознательной индивидуальностью.

Единый Духъ, проявляющій свою дѣятельность въ многообразныхъ формахъ, создаетъ въ нихъ самыхъ разнородныхъ духовъ. Душа человѣка есть самъ человѣкъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова; тѣлесная форма въ которой онъ обитаетъ, есть личность его, служащая для него орудіемъ проявленія себя въ мірѣ внѣшнемъ.

Мысли и представленія, создаваемыя человѣкомъ въ мастерской этого личнаго, ограниченнаго „я", суть продукты его мозга, зачатые отъ свѣта единаго Духа и рожденные отъ матеріи, и, какъ таковые, они имѣютъ существованіе независимое отъ своего творца. Идея, зародившаяся въ мозгу мыслителя, уже не представляетъ собой личной собственности этого мыслителя, а находится въ распоряженіи всякаго, кто способенъ ее усвоить.

Возникнувшія въ мозгу и оживотворенныя волей человѣка мысли и представленія суть „духи", исходящіе отъ духа того, кто ихъ породилъ, но они не самый этотъ его духъ. Когда я углубляюсь въ ученія Пиѳагора, то я вступаю въ общеніе съ продуктами его духовной дѣятельности, но не съ его душой. Пиѳагоръ, если бы онъ еще и продолжалъ жить въ „потустороннемъ" мірѣ, нимало не былъ бы затронутъ тѣмъ фактомъ, что я изучаю его философію.

Идеи, рождающіяся въ мозгу человѣка, можно уподобить звѣздамъ на мысленномъ небосклонѣ человѣчества, не меркнущимъ и тогда, когда исчезаетъ съ земли ихъ творецъ. Не только всякая мысль, но и всякое произнесенное слово сохраняются въ астральномъ свѣтѣ, въ этой сокровищницѣ міровой памяти, подобно тому какъ и все, что когда-либо слышалъ или видѣлъ человѣкъ, запечатлѣвается въ его памяти и снова можетъ быть извлечено оттуда въ видѣ воспоминанія *). Все, что когда-либо было написано, высказано или совершено, будь то умное или глупое, записано разъ на всегда въ этой „книгѣ жизни". Адептъ можетъ отыскать въ ней все, что пожелаетъ. Люди особенно чуткіе нерѣдко, при соприкосновеніи съ сохраняющимися въ астральномъ свѣтѣ токами мыслей, совершенно непроизвольно воспринимаютъ ихъ, и въ этомъ надо искать источникъ многихъ сообщеній, яко бы исходящихъ отъ духовъ. Такія сообщенія, въ сущности, ничто иное, какъ впечатлѣнія, воспринимаемыя изъ астральнаго свѣта. Ошибка спиритовъ состоитъ часто въ томъ, что они не могутъ представить себѣ возможности длительнаго самостоятельнаго существованія и проявленія извѣстнаго комплекса интеллектуальныхъ силъ, безъ того чтобы за ними стояла личность породившаго ихъ.

Чтобы картина того, что происходитъ въ подобныхъ случаяхъ, стала вполнѣ ясна, остановимся нѣсколько подробнѣе на томъ, что происходитъ съ человѣкомъ послѣ смерти.

Сонъ нерѣдко называютъ „братомъ смерти". Посмотримъ же, не поможетъ ли намъ наблюденіе того, что происходитъ во время сна, разрѣшить нѣкоторыя загадки, связанныя съ явленіемъ смерти. Достаточно присмотрѣться хотя бы къ процессу засыпанія, чтобы замѣтить какъ бы извѣстное раздвоеніе сознанія, безъ котораго вѣдь немыслимо вообще никакое самонаблюденіе. Высшее, разумное, душевное начало все болѣе отступаетъ на задній

---

*) Авторъ имѣетъ въ виду изумительное обостреніе памяти, наблюдаемое въ глубокихъ состояніяхъ гипноза и естественнаго сомнамбулизма. Д. С.

планъ; самосознаніе въ собственномъ смыслѣ этого слова исчезаетъ, и вмѣстѣ съ нимъ человѣкъ утрачиваетъ власть надъ своимъ „я". Духовныя силы прекращаютъ свою дѣятельность, наступаетъ то состояніе сознанія, которое мы называемъ сномъ, и человѣкъ теперь становится подобнымъ бездушной и безпомощной лярвѣ, въ которой, словно въ дикой, безпорядочной пляскѣ, проносятся самые разнообразные сновидѣнія, образы и представленія, которые вызваны полученными ранѣе впечатлѣніями. При этомъ спящій часто принимаетъ за нѣчто вполнѣ серьезное то, что при пробужденіи онъ признаетъ совершеннымъ вздоромъ.

Если разбудить спящаго или пьянаго и настойчиво предлагать ему различные вопросы, то, пока онъ совершенно не придетъ въ себя, отъ него можно получить лишь запутанные и неясные отвѣты, въ которыхъ истинное будетъ перемѣшано съ ложью. Человѣкъ, спящій и видящій сонъ или находящійся въ полудремотномъ состояніи и потому неспособный ясно мыслить, поступаетъ сообразно присущимъ ему инстинктамъ. Извѣстенъ случай съ монахомъ, который, получивши отъ своего настоятеля выговоръ, на слѣдующую ночь во время сна всталъ, прокрался, находясь въ сомнамбулическомъ состояніи, въ комнату настоятеля, подошелъ къ его постели, въ которую въ то время настоятель еще не улегся, и нанесъ воображаемому настоятелю нѣсколько ударовъ кинжаломъ.

Точно такимъ же образомъ поступаютъ и души умершихъ людей, находящіяся въ подобномъ же сонномъ состояніи. И, смотря по живущимъ еще въ нихъ представленіямъ и воспоминаніямъ, посмертный сонъ ихъ можетъ быть исполненъ или райскими сновидѣніями, или ужасающими картинами ада. Изъ множества примѣровъ приведемъ слѣдующій:

Семьѣ одного англичанина во время путешествія по Италіи пришлось остановиться для ночлега въ одномъ отелѣ. На слѣдующее утро, несмотря на многократные звонки, служанка, сопровождавшая путешественниковъ, не появлялась. Ее стали искать и нашли лежащей въ постели и совершенно парализованной отъ страха. Когда къ ней вернулась способность рѣчи, то она разсказала, что передъ тѣмъ, какъ она собиралась заснуть, она увидала лежащимъ на полу передъ своей постелью трупъ итальянскаго офицера. Служанка подробно описала его форменное платье; трупъ былъ залитъ кровью, въ головѣ была рана отъ огнестрѣльнаго оружія, а въ рукахъ у трупа былъ пистолетъ. Черезъ нѣкоторое время, по словамъ служанки, трупъ приподнялся, приложилъ

пистолетъ ко лбу и выстрѣлилъ; затѣмъ онъ упалъ, снова приподнялся, снова выстрѣлилъ въ себя, и это зрѣлище повторилось нѣсколько разъ, пока дѣвушка, объятая страхомъ, не потеряла сознанія. Изъ наведенныхъ затѣмъ справокъ выяснилось, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ этой комнатѣ застрѣлился офицеръ, носившій такую форму, какая была описана служанкой. На основаніи подобныхъ примѣровъ можно составить себѣ представленіе о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя ожидаютъ за гробомъ лицъ, надѣющихся обрѣсти покой путемъ самоубійства.

Въ составъ человѣка входятъ многообразныя субстанціи. Видимое его тѣло есть порожденіе внѣшней природы; его астральное тѣло принадлежитъ міру сновидѣній; знаніе его представляетъ собой конгломератъ идей, принадлежащихъ къ міру мысли; его ложное, исполненное самомнѣнія, личное самосознаніе есть лишь иллюзія его чувственной природы; истинное же его *я* исходитъ отъ Бога. Послѣ смерти каждое изъ этихъ началъ возвращается къ своему источнику: тѣло—къ элементамъ, духъ—къ Богу, душа же занимаетъ въ мірѣ сновидѣній (т. е. въ мірѣ астральномъ. Д. С.) то высокое или низкое положеніе, котораго она достигла во время своей земной жизни. Здѣсь, чтобы быть въ состояніи вознестись въ высшія сферы, душа должна слагать съ себя одинъ покровъ за другимъ, и когда она избавится отъ послѣднихъ слѣдовъ всего, что отдѣляетъ ее отъ жизни божественной, то отъ нея остается лишь ея божественная сущность. Когда же въ человѣческой душѣ пробуждается божественное сознаніе и съ нея спадаетъ послѣдняя пелена, то она обрѣтаетъ саму себя въ божественномъ свѣтѣ и чувствуетъ себя единой съ Богомъ. Но если она склонностями своими прикована къ матеріальному, то духъ отлетаетъ отъ нея, и она остается въ путахъ матеріальнаго міра.

Путемъ самонаблюденія мы можемъ различить въ нашей душѣ какъ бы двѣ области. Къ высшей области принадлежатъ высшія душевныя силы: самосознаніе, разумъ, истинное познаніе, вѣра, любовь и т. п.; къ низшей же относятся: самомнѣніе, животные инстинкты, всякія безпочвенныя фантазіи, личныя страстныя желанія и пр. Тотъ, кто сознаніемъ своимъ пребываетъ еще въ низшей области души, тотъ, засыпая, чувствуетъ, какъ его покидаютъ высшее самосознаніе, истинное познаніе и проч. Затѣмъ, въ теченіе нѣкотораго времени въ немъ еще остаются дѣятельными низшія силы души, пока и онѣ въ концѣ концовъ не придутъ въ состояніе покоя и не останется одна лишь органическая, растительная жизненная дѣятельность. При пробужденіи опять-

таки сначала проявляютъ свою дѣятельность низшія душевныя силы, инстинкты и т. п.; затѣмъ уже вступаетъ въ свои права разумъ *).

Послѣ смерти тѣла наступаетъ подобное же раздѣленіе душевныхъ силъ, которое въ церковномъ ученіи носитъ названіе „второй смерти“. Высшія душевныя силы отдѣляются отъ низшихъ, причемъ въ астральномъ мірѣ остается бездушная лярва, въ которой, впрочемъ, въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода времени еще продолжается дѣятельность низшихъ инстинктовъ и памяти; или, по крайней мѣрѣ, дѣятельность этихъ силъ еще можетъ быть временно искусственно пробуждена.

Гдѣ пребываетъ наше истинное сознаніе во время сна, когда, при сновидѣніяхъ имѣется на лицо лишь иллюзорное сознаніе? Іогины **) и святые, достигнувшіе объединенія своего личнаго сознанія съ высшимъ *я*, могутъ разъяснить намъ этотъ вопросъ. Вотъ что мы читаемъ въ Бхагавадъ-Гитѣ: „Духъ того, кто подчиняется измѣнчивымъ чувствамъ, носится словно ладья по бурному морю; но тотъ, чей духъ совершенно отвлекся отъ чувственныхъ вещей, тотъ обладаетъ истиннымъ познаніемъ. То, что для другихъ является ночью, то для него ясный день, и то, что другіе считаютъ бодрственнымъ сознаніемъ, то онъ признаетъ за сновидѣніе“ ***). Тотъ, кто сознаніемъ своимъ обитаетъ въ высшей области души и можетъ достигнуть состоянія, называемаго индійскими мудрецами „самадхи“, для того наступленіе сна или смерти уже не сопряжено съ потерей сознанія.

Но такіе люди, у которыхъ безсмертная душа еще во время земной жизни достигла самопознанія и потому при смерти тотчасъ же освобождается, встрѣчаются рѣдко. Обыкновенно же между астральнымъ тѣломъ умершаго и отлетѣвшимъ духомъ сохраняется нѣкоторая тайная связь, которая можетъ существовать довольно продолжительное время. Пока эта связь существуетъ, духъ стремится привлечь къ себѣ всѣ тѣ благородные элементы, которые еще заключены въ астральномъ тѣлѣ; такъ и во время сна въ наши смутныя сновидѣнія иногда проникаетъ свѣтлый лучъ, исходящій изъ болѣе высокой области душевной жизни. Лишь то въ тѣлѣ сновидѣній умершаго человѣка, что обладаетъ

*) Перевоплощеніе есть также подобное пробужденіе души. И въ этомъ случаѣ въ ребенкѣ проявляется животная жизнь, прежде чѣмъ появятся первые проблески разума и разсудка.

**) Такъ зовутъ въ Индіи подвижниковъ. Д. С.

***) Гл. II, 69.

небесной природой, можетъ перейти въ состояніе, называемое райскимъ, небеснымъ; святое въ немъ стремится отдѣлиться отъ грѣшнаго, божественное отъ земного, и потому для покидающей тѣлесную оболочку души чрезвычайно вредно, когда земныя вліянія снова влекутъ ее въ сторону всего низменнаго или когда ее принуждаютъ принять участіе въ земныхъ интересахъ. Это не только препятствуетъ ея дальнѣйшему развитію, но, благодаря этому, она даже рискуетъ утратить свое безсмертіе, ибо это послѣднее есть не что иное, какъ сознаніе высшаго, безсмертнаго бытія, бытіе же безъ сознанія равносильно смерти. Подобное искусственное привлеченіе отлетѣвшей души внизъ, къ земному возможно и относится къ области *некромантіи*, адскаго искусства, осуждаемаго мудрецами всѣхъ странъ и вѣковъ и запрещаемаго всѣми религіозными ученіями.

По поводу этого, быть можетъ, будетъ не лишнимъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній.

Все на свѣтѣ, по существу, безсмертно; во вселенной не пропадаетъ ни одинъ атомъ матеріи, ни одна искра энергіи; но матерія и сила не сознаютъ своего безсмертія. Лишь проникнутая Божественнымъ Духомъ человѣческая душа обладаетъ способностью пріобрѣсти сознаніе своего безсмертія, и потому она должна направить свои стремленія въ сторону этого Божественнаго Духа. Пока въ ея распоряженіи находятся тѣло съ его силами, а также свободная воля и разумъ, она можетъ по собственному произволенію вступить на путь богообщенія и, если ей случится пасть, снова поставить себя на должный путь. Душа, покинувшая тѣло, уже не получаетъ болѣе притока силы изъ міра матеріальнаго. Въ ея распоряженіи находится лишь то, что она уже ранѣе пріобрѣла и принесла съ собой въ міръ душевный. Любовью, симпатіей и т. п. добрыми духовными вліяніями оставшіеся въ живыхъ могутъ содѣйствовать подъему и освобожденію отлетѣвшей въ иной міръ души, точно такъ же, какъ они могутъ помогать такимъ образомъ живымъ людямъ; ибо духъ вліяетъ на духъ, и душа на душу. Съ другой стороны, оставшіеся въ живыхъ могутъ, наоборотъ, увлекать душу умершаго внизъ и препятствовать ея освобожденію своими страстными и себялюбивыми желаніями.

Къ счастью, искусство некромантіи еще мало извѣстно послѣдователямъ современнаго спиритизма, да и изъ тѣхъ, кому оно извѣстно, лишь немногіе способны примѣнять его на практикѣ. На обычныхъ спиритическихъ сеансахъ души умершихъ не играютъ никакой роли и заклинанія и церемоніи нашихъ современныхъ

вызывателей духовъ и заклинателей бѣсовъ, подобно многимъ церковнымъ обрядамъ, представляютъ собой лишь пустую комедію, лишенную духовнаго содержанія и потому не могущую вызывать реальныхъ результатовъ въ духовномъ мірѣ. Современный спиритизмъ, обыкновенно, вовсе не имѣетъ дѣла съ подлинными душами умершихъ; тамъ, гдѣ спириты видятъ эти послѣднія, обыкновенно, въ лучшемъ случаѣ, имѣются на лицо лишь „останки“ души: бездушныя тѣла сновидѣній, астральныя схемы, отпечатки, сохранившіеся въ астральномъ свѣтѣ, извѣстныя мысленныя теченія и т. п. Здѣсь, впрочемъ, конечно, еще открыто широкое поле для научныхъ изслѣдованій. Стремящаяся въ небесныя обители душа сбрасываетъ съ себя пелену за пеленой и изслѣдованіемъ этихъ ея матеріальныхъ оболочекъ мы можемъ заниматься; но сама она болѣе уже не имѣетъ ничего общаго съ земными предметами и не возвращается для того, чтобы двигать столы или чтобы призрачными видѣніями нагонять страхъ на оставшихся въ живыхъ. Если бы ей приходилось и въ небесномъ состояніи еще заботиться о домашнихъ дѣлахъ своихъ семейныхъ, то райское блаженство легко могло бы превратиться для нея въ адскія муки.

Нѣкоторые спириты отвѣчаютъ на это послѣднее возраженіе, что душа съ тѣхъ небесныхъ высотъ, на которыхъ она обрѣтается, видитъ страданія и заблужденія своихъ оставшихся на землѣ родственниковъ совершенно въ другомъ свѣтѣ; что она усматриваетъ въ нихъ совершенно необходимые воспитательные пріемы, всякое вмѣшательство въ которые было бы неумѣстно. Аргументъ этотъ, быть можетъ, и былъ бы правиленъ, если бы рѣчь шла о душѣ адепта, достигнувшей полнаго познанія природы и дѣйствующихъ въ ней законовъ; но едва ли можно ожидать такого объективнаго отношенія отъ души обыкновеннаго средняго человѣка.

При большинствѣ спиритическихъ явленій мы имѣемъ дѣло съ еще мало изученными разумными или полуразумными силами природы, съ образами сновидѣній, съ передачей мыслей и т. п., отнюдь не съ душами умершихъ людей.

Но неужели же немыслимо никакое общеніе съ душами нашихъ отошедшихъ друзей? Неужели же онѣ дѣйствительно находятся за той завѣсой, которая неумолимо отдѣляетъ потусторонній міръ отъ нашего земного міра, въ той области, откуда никто уже не можетъ возвратиться? Неужели эти покинувшія насъ души глухи къ нашимъ мольбамъ и безчувственны по отношенію къ нашему страстному томленію?

Общеніе съ этими душами не только возможно, но и является повседневнымъ фактомъ, но только общеніе это по самой своей природѣ чисто духовное, при чемъ, какъ и при духовномъ общеніи между живыми людьми, душа говоритъ съ душой. При смерти душа можетъ слагать съ себя свои покровы, но сама по себѣ она остается неизмѣнной. Не надо ожидать, чтобы духи умершихъ стали проникать къ намъ сквозь замочную скважину для того, чтобы обсуждать съ нами наши семейныя дѣла; но если мы откроемъ для нихъ окна нашей души, то солнечный свѣтъ ихъ любви тотчасъ же засіяетъ въ насъ. Гёте говоритъ:

„Не міръ духовъ намъ запертъ властный,
Твой смыслъ закрытъ.—Но ты прозри,
Встань ученикъ! Омой, несчастный,
Земную грудь въ лучахъ зари!"

Когда мы здѣсь, на землѣ желаемъ вступить въ общеніе съ другомъ, который не является къ намъ, то мы сами отправляемся туда, гдѣ онъ живетъ. Если мы желаемъ общаться съ пребывающими въ мірѣ небесномъ душами умершихъ, то мы должны разыскивать ихъ тамъ, гдѣ находится ихъ обитель. Ихъ небеса не какое-нибудь отдаленное мѣсто; небо—въ насъ самихъ. Если мы тѣсно связаны любовью съ душой другого человѣка, будь то воплощенной на землѣ или обитающей въ свѣтлыхъ небесныхъ обителяхъ, и если мы мысленно переносимся къ ней и стараемся отождествить себя съ ней, мы тѣмъ самымъ соединяемся съ этой душой, участвуемъ въ ея чувствахъ и представленіяхъ. Этимъ достигается то же, какъ если бы эта душа сама явилась къ намъ, чтобы вступить съ нами въ общеніе. Намъ нѣтъ никакого дѣла до астральныхъ останковъ умершихъ; они для насъ такъ же малоцѣнны, какъ старое платье, за негодностью брошенное человѣкомъ, хотя бы эти астральные останки, благодаря вліянію жизненной силы живыхъ людей и могли бы быть снова призваны къ какой-то призрачной жизни, какъ бы нагальванизированы. Отъ этихъ астральныхъ труповъ мы не можемъ научиться ничему новому, такъ какъ сами они не могутъ воспринимать никакихъ новыхъ впечатлѣній. Эти останки не сами умершіе люди, а лишь тѣни ихъ, маски, которыя носили люди во время своего земного существованія. Это какъ бы куколки, изъ которыхъ уже улетѣли бабочки—живыя души. Если бабочка находится внутри куколки еще въ періодѣ своего образованія, то было бы гибельно для нея тревожить ее. Когда умиралъ Гёте, то послѣдними произнесенными имъ словами было не извѣстное восклицаніе: „Свѣта, больше

свѣта!“, а, по свидѣтельству лицъ, присутствовшихъ при его кончинѣ, слѣдующія слова: „Теперь наступаетъ превращеніе, ведущее за собой еще высшія превращенія“ *). Душа умершаго послѣ смерти проходитъ черезъ метаморфозу, напоминающую образованіе бабочки изъ куколки или развитіе младенца въ утробѣ матери. Душа находится тогда въ состояніи, похожемъ на сонъ, и не можетъ играть дѣятельной роли на спиритическихъ сеансахъ. Когда же душа созрѣла для ожидающаго ее превращенія, то, подобно бабочкѣ, покидающей куколку, она вступаетъ въ высшее состояніе, оставляя за собой свое тѣло страстей (т. е. астральное тѣло. Д. С.) въ видѣ воздушной лярвы.

Такими лярвами нерѣдко овладѣваютъ другіе обитали астральной сферы, извѣстные подъ названіями „элементаловъ“, „бѣсовъ“ и т. п. Подобное существо находитъ въ организмѣ такой лярвы все, что ему необходимо, чтобы фигурировать въ качествѣ самого умершаго лица и давать, повидимому, несомнѣнные доказательства самоличности воображаемаго „духа“. Такъ какъ матерія, изъ которой образуются привидѣнія, чрезвычайно пластична, то и бѣсъ можетъ явиться подъ маской ангела, и при этомъ не надо позволять вводить себя въ заблужденіе благочестивыми рѣчами, такъ какъ среди астральныхъ существъ, враждебныхъ человѣку, есть немало прекрасныхъ комедіантовъ.

Очень часто источникомъ „спиртическихъ сообщеній“ является мысленный образъ, созданный какимъ-нибудь умирающимъ лицомъ. Въ особенности послѣднее желаніе умирающаго можетъ создать мысленный образъ, одушевленный этимъ желаніемъ, который можетъ продолжать существовать и послѣ смерти этого лица и выступать въ качествѣ существа, до извѣстной степени способнаго къ самостоятельной дѣятельности.

Такой мысленный образъ не есть само умершее лицо, а скорѣе какъ бы эманація этого послѣдняго. Душой такого искусственнаго созданія является то желаніе, изъ котораго оно произошло. Когда желаніе это осуществляется, то душа обрѣтаетъ покой, т. е. цѣль ея существованія оказывается достигнутой и вызванное ею явленіе исчезаетъ.

Но насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли подробно обсуждать всѣ возможныя причины сообщеній, яко бы идущихъ отъ духовъ, и другихъ спиритическихъ явленій; ибо область эта безконечно обширна и еще мало изслѣдована. Во всякомъ

*) Цит. по сообщеніямъ Женни фонъ-Паппенгеймъ.

случаѣ приходится сожалѣть, что спиритическія суевѣрія снова нашли себѣ мѣсто въ новѣйшей теософической литературѣ, несмотря на то, что Е. П. Блаватская всячески старалась положить имъ конецъ.

Тотъ, кто желаетъ вступить въ общеніе съ небесными духами умершихъ и участвовать въ ихъ блаженномъ состояніи, тотъ долженъ самъ подняться на ту высоту, на которой они обитаютъ. Пока же мы живемъ въ болотѣ, мы поневолѣ приходимъ въ соприкосновеніе лишь съ болотными жителями. Болото это создано нашимъ эгоизмомъ, и въ немъ движутся тѣ формы, которыя создаются эгоизмомъ. Здѣсь мѣсто пребыванія покинутыхъ высшими началами лярвъ, отъ которыхъ отлетѣла небесная часть души. Неудовлетворенныя страсти, отброшенныя душой, принимаютъ здѣсь причудливыя формы и образуютъ собой ненасытныя полчища вампировъ, стремящихся утолить свой голодъ и присасывающихся инстинктивно къ лицамъ, склоннымъ къ медіумизму. Эти отвратительныя астральныя существа поглощаютъ нервную силу такихъ лицъ, чтобы такимъ образомъ сохранить свои силы и поддержать свою жизнь.

Дурныя привычки, корыстолюбіе, мстительность и т. п. качества образуютъ собой тѣхъ „духовъ“ которые привлекаются къ слабымъ людямъ, обладающимъ подобными же наклонностями. Эти дурныя силы доводятъ такихъ слабыхъ людей до одержимости и подталкиваютъ ихъ на преступленія; ибо мысль, утратившая вмѣстѣ съ видимымъ тѣломъ средство осуществиться въ дѣйствіи; инстинктивно ищетъ себѣ другое живое тѣло, чтобы дѣйствовать чрезъ его посредство. Такіе „духи“ вовсе не умершіе люди, а бездушные и лишенные совѣсти комплексы самыхъ низменныхъ качествъ, принадлежавшихъ человѣку во время его земной жизни и отброшенныхъ его освободившейся душой. Такой животный „духъ“ имѣетъ и послѣ смерти тѣла тѣ же свойства, которыми онъ обладалъ раньше, но у него отсутствуютъ совѣсть и разумъ. „Духъ“ убійцы тогда все еще стремится убивать, „духъ“ обманщика — обманывать, „духъ“ человѣка, обуреваемаго страстями, стремится удовлетворить ихъ, „духъ“ фанатика „ортодоксальности“ все еще цѣпляется за свои представленія. Но этимъ „духамъ“ не хватаетъ „духа“, т. е. индивидуальнаго самосознанія умершаго человѣка. Это какъ бы зеркальныя отраженія, созданныя въ матеріальной средѣ дѣятельностью духа; они, правда, обладаютъ смутнымъ, какъ бы соннымъ сознаніемъ, но въ нихъ нѣтъ разумности.

Въ каждомъ человѣкѣ содержатся зачатки всего мыслимаго, иначе онъ не былъ бы совершеннымъ сыномъ природы. Человѣкъ, который не обладалъ бы способностью испытывать страстные порывы, не имѣлъ бы также и случая упражняться въ самообузданіи, чтобы сдѣлаться господиномъ своей собственной душевной природы. Даже самый лучшій человѣкъ обладаетъ въ большей или меньшей степени качествами, присущими низшей человѣческой природѣ, и эти послѣдствія, послѣ того какъ они будутъ отброшены имъ послѣ смерти въ низшихъ областяхъ астральной сферы, могутъ сыграть тамъ роль вампира и оказать вредное вліяніе на кого-нибудь другого. Но природа мудро устроила такъ, что, по мѣрѣ наступленія старости или благодаря предшествующей смерти болѣзни, страстныя вибраціи души успокаиваются. Поэтому души умершихъ естественною смертью обыкновенно мирно покоятся, пока для нихъ не наступитъ „день воскресенія", т. е. пока не придетъ къ концу то подобное сну состояніе, которое мы сравнили съ періодомъ образованія бабочки въ куколкѣ; тогда душа пробуждается къ высшему, небесному существованію, и ея уже не тревожатъ никакіе земные интересы.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ людьми, умирающими скоропостижно или насильственной смертью, когда въ нихъ еще въ полной силѣ жизнь страстей. Сюда относятся въ особенности самоубійцы, казненные преступники, жертвы убійства, погибшіе на войнѣ и т. п. Въ этихъ случаяхъ часто проходитъ долгое время, прежде чѣмъ для души умершаго наступитъ состояніе покоя. Природа одѣлила всякаго человѣка извѣстной суммой жизненной энергіи, которой и опредѣляется продолжительность его жизни. Душа, преждевременно отторгнутая отъ земной жизни, инстинктивно цѣпляется за эту послѣднюю. При смерти духъ лишь постепенно удаляется въ собственную сферу; нѣкоторое время онъ еще остается въ связи съ земной личностью умершаго, подобно тому, какъ при солнечномъ закатѣ, когда солнце уже зашло за горизонтъ, лучи вечерней зари еще продолжаютъ освѣщать землю. Отлетающій духъ еще стремится притянуть къ себѣ все, что есть высокаго, благороднаго въ земной личности человѣка. Если душа не послѣдуетъ за лучомъ свѣта, исходящимъ отъ духа, а вмѣсто того устремитъ свои желанія внизъ къ земному, или если въ то время, когда она находится въ промежуточномъ, смутномъ состояніи, установленное съ ней спиритическое общеніе будетъ увлекать ее снова къ міру чувственному, то это можетъ повести къ тому, что она утратитъ свое безсмертное начало. Такія души бываютъ

уже не въ состояніи вознестись въ небесныя обители; онѣ падаютъ все ниже и ниже.

Когда отошедшая душа преодолѣла промежуточное сонное состояніе, и, очищенная огнемъ Божественной любви отъ всякой скверны, празднуетъ воскресеніе свое въ свѣтѣ яснаго познанія, то для нея наступаетъ состояніе блаженства, не поддающееся никакому описанію, хотя душа духовно просвѣтленнаго человѣка уже и въ этой жизни можетъ до извѣстной степени испытать подобное состояніе. Но всякое догматизированіе по поводу этого, всякое стремленіе классифицировать подобныя состоянія не представляютъ рѣшительно никакой цѣнности. Они ведутъ лишь къ тому, что возвышенное и небесное низводится въ низменную область чисто разсудочныхъ спекуляцій ради удовлетворенія научнаго любопытства — и тѣмъ самымъ принижается. Тотъ, кто не прочувствуетъ подобнаго высокаго состоянія, тотъ и не можетъ постигнуть его путемъ какихъ бы то ни было логическихъ ухищреній.

Находясь въ небесномъ состояніи, душа уже не имѣетъ ничего общаго съ земными предметами, семейными интересами и т. п., но зато въ ней оживаютъ всѣ благородные идеалы, усвоенные ею въ теченіе земной жизни. Очистившаяся душа приноситъ съ собой на небеса лишь свои идеальныя представленія. Эти послѣднія растутъ, живутъ и образуютъ ту среду, въ которой теперь пребываетъ душа. Такъ и со всякимъ живущимъ на землѣ человѣкомъ: лишь то становится его духовнымъ содержаніемъ, что усвоено его сознаніемъ. Такъ какъ въ такой душѣ уже не осталось никакого сродства съ чѣмъ-либо нечистымъ, то нечистыя вліянія и не имѣютъ къ ней болѣе никакого доступа. Себялюбивыя просьбы ея близкихъ, оставшихся на землѣ, уже не могутъ достигнуть ея слуха, но высокія, исполненныя любви чувства ихъ возносятся до ея небесной обители; нисходитъ на такую душу также и благословеніе высокихъ духовъ, обитающихъ въ мірѣ небесномъ.

Таковъ единственный истинный спиритуализмъ, который надо отличать отъ того рода спиритизма, послѣдователи котораго всегда готовы профанировать души своихъ „дорогихъ отошедшихъ", если они надѣятся такимъ образомъ удовлетворить свои личныя желанія. Подобное соединяется съ подобнымъ; въ томъ, что свято, нѣтъ мѣста ничему, чуждому святости. А таковымъ именно и является все, что имѣетъ своимъ источникомъ эгоизмъ и корыстолюбіе. Если мы непремѣнно желаемъ дождаться того, чтобы

другъ нашъ пришелъ къ намъ, то это мѣшаетъ намъ пойти и посѣтить его. Себялюбивыя желанія разъединяютъ души, безкорыстная же любовь соединяетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ обладать чѣмъ-нибудь, для того собственная его персона важнѣе всего прочаго; благодаря этому онъ все болѣе и болѣе замыкается въ самомъ себѣ. Истинная же любовь свободна отъ всякаго себялюбія; она простираетъ свои объятія и отдается, ничего не требуя взамѣнъ. Любящій, забывая о самомъ себѣ и отдаваясь любимому существу, тѣмъ самымъ сливается съ нимъ воедино и такимъ образомъ всецѣло обладаетъ имъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ фанатически-настроенныхъ мечтателей, которые привѣтствуютъ смерть, какъ нѣчто желанное при всякихъ обстоятельствахъ; напротивъ, мы видимъ въ ней утрату той матеріальной основы, которая необходима для нашего развитія. Но если тѣло уже сослужило свою службу и болѣе не пригодно, то утрата его является для насъ освобожденіемъ.

Пока мы еще не достигли совершенства и не облеклись въ просвѣтленную, нетлѣнную тѣлесность, душа наша снова и снова будетъ принуждена возвращаться въ міръ матеріальный, чтобы почерпнуть изъ соприкосновенія съ матеріей новыя силы и чтобы извлекать все новые уроки изъ пребыванія въ этой юдоли скорби, пока она черезъ самопознаніе не достигнетъ полной власти надъ собой. Поэтому весьма неразумно, когда человѣкъ черезчуръ низко оцѣниваетъ земную жизнь и вмѣсто того, чтобы пользоваться ею для упражненія своихъ душевныхъ силъ, пренебрегаетъ своими обязанностями, предпочитая мечтать о блаженствѣ загробной жизни. Сказано: „воздайте кесарево кесарю (т. е. земному), а Божіе—Богу (т. е. вѣчному)“. Тотъ, кто исполняетъ свои обязанности по отношенію къ себѣ и къ ближнимъ, памятуя при томъ въ своемъ сердцѣ о Богѣ, о томъ и Богъ уже позаботится въ будущей жизни.

Смерть есть какъ бы отдыхъ на нашемъ пути къ совершенству; ее можно сравнить съ перевариваніемъ пищи послѣ ѣды или съ отдыхомъ послѣ работы. Рабочіе, строящіе домъ, при наступленіи ночи складываютъ свои инструменты и забываются въ блаженномъ снѣ, пока наступающій новый день не призоветъ ихъ снова къ исполненію ихъ обязанностей. Предоставьте же имъ почивать въ мирѣ!

IV.

Общеніе съ обитателями другихъ міровъ.

„Въ домѣ отца моего обителей много".
(Іоан. XIV, 2).

Только люди ограниченные могутъ думать, что видимые для нашихъ тѣлесныхъ очей обитатели нашей планеты—единственные живыя и разумныя существа во всей вселенной. Небо усѣяно милліонами звѣздъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собой цѣлую солнечную систему. Эти солнечные міры должны несомнѣнно имѣть своихъ обитателей, хотя бы эти послѣдніе и сильно отличались отъ нашего земного человѣчества. Если мы посмотримъ хотя бы только на нашу солнечную систему, то и здѣсь мы увидимъ, кромѣ солнца и луны, еще другія небесныя тѣла и планеты, изъ которыхъ наша земля одна изъ наименьшихъ. Движеніе планетъ свидѣтельствуетъ объ ихъ жизни, а царствующій въ этомъ движеніи стройный порядокъ указываетъ на присутствіе сознанія и разума; этимъ же сказано не что иное, какъ то, что эти небесныя тѣла обладаютъ душами. Да иначе оно и не можетъ быть, если, какъ то утверждаютъ и религія, и философія, и даже новѣйшія теоріи современной науки, вся вселенная есть не что иное, какъ откровеніе духовныхъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ *). Тамъ же, гдѣ имѣются на лицо духъ, душа и матерія, тамъ, согласно всѣмъ извѣстнымъ законамъ природы, не должно быть недостатка и въ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ формахъ и проявленіяхъ, характеръ которыхъ будетъ различенъ, смотря по тѣмъ различнымъ условіямъ, при которыхъ эти формы возникли и развивались. Въ нашемъ земномъ человѣчествѣ соединены въ одно цѣлое всѣ пять физическихъ элементовъ: земля (съ ея разнообразными химическими соединеніями), вода, воздухъ, огонь (т. е. энергія) и эфиръ. Мы можемъ, если угодно, смотрѣть на себя, какъ на „матеріализованныхъ духовъ воздуха", т. к. большая часть нашего тѣла состоитъ изъ четырехъ газовъ: кислорода, водорода, азота и газообразныхъ соединеній углерода, и такъ какъ мы не можемъ жить, не вдыхая постоянно воздуха.

*) См. Еванг. отъ Іоан. I. 1—5.

Но этотъ состоящій изъ пяти элементовъ организмъ нашъ не обладалъ бы жизнью, сознаніемъ и разумомъ, если бы въ немъ не развивалъ и не проявлялъ свою силу всепроницающій и все животворящій духъ.

Изъ сказаннаго выше отнюдь не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы въ природѣ не существовало также и другихъ существъ иного рода, состоящихъ лишь изъ одного какого-нибудь элемента *), напр., существъ, для которыхъ элементъ „земли", т. е. та (эфирная. Д. С.) матерія, которая при крайнемъ своемъ уплотненіи воспринимается нами какъ осязаемое вещество, является тѣмъ же, чѣмъ для насъ является воздухъ; или другихъ существъ, образованныхъ исключительно изъ „духа воды", воздуха, огня или эфира, и для которыхъ эти невидимыя состоянія вещества являются жизненной средой. Что существуютъ даже формы, всецѣло образованныя изъ вещества мысли,—это могутъ оспаривать въ наше время лишь люди совершенно невѣжественные, и всякій, кто видѣлъ въ своей жизни хоть одинъ сонъ, долженъ былъ убѣдиться въ существованіи подобныхъ формъ.

Всякій человѣкъ, какъ и вообще все, произрожденное природой, имѣетъ астральное тѣло, которое есть нѣчто вещественное, но состоящее изъ матеріи болѣе утонченной, чѣмъ наше грубоматеріальное тѣло. Безъ наличности астральной матеріи духъ не могъ бы вступать въ связь съ грубой физической матеріей. Астральное тѣло является связующимъ звеномъ между душой и тѣломъ; внѣшнее, видимое тѣло есть въ дѣйствительности ничто иное, какъ продуктъ, выраженіе или подобіе (болѣе или менѣе каррикатурное) астральнаго тѣла, почему послѣднее называютъ также „двойникомъ".

Такъ называемыя „спиритическія" явленія, явленія привидѣній, матеріализаціи и т. п., представляютъ собой повседневныя объективныя доказательства существованія астральнаго тѣла **),

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь не о такъ называемыхъ „химическихъ элементахъ" (которые въ дѣйствительности вовсе не представляютъ собой простыхъ тѣлъ), а объ извѣстныхъ молекулярныхъ состояніяхъ матеріи.

**) Тѣхъ, которые упорно настаиваютъ на томъ, что всѣ такъ называемыя „спиритическія явленія" основаны лишь на умышленномъ обманѣ и шарлатанствѣ, не имѣетъ смысла убѣждать въ противномъ. Переубѣдить ихъ можетъ лишь ихъ личный опытъ. Съ другой стороны, тѣ, которые воображаютъ, что всѣ вышеупомянутыя явленія производятся духами умершихъ, также свидѣтельствуютъ тѣмъ самымъ о своемъ невѣжествѣ. „Спиритизмъ" есть ничто иное, какъ естественная наука, которую начнутъ понимать лишь тогда, когда будутъ познаны законы, управляющіе наблюдаемыми на спиритическихъ сеансахъ явленіями.

но наилучшее доказательство—это то, которое получаетъ человѣкъ, когда онъ самъ научается переносить свое сознаніе въ астральное тѣло и сознательно пользоваться этимъ послѣднимъ совершенно независимо отъ своего физическаго тѣла. Такія „экстеріоризаціи“ или высвобожденія астральнаго тѣла изслѣдованы научно и въ наше время уже не представляютъ собой ничего необычайнаго *).

Такъ какъ астральное тѣло, какъ тому учитъ насъ опытъ, можетъ существовать независимо отъ физическаго тѣла и является истиннымъ носителемъ жизни, отъ котораго уже получаетъ какъ бы отраженнымъ путемъ жизненныя силы и физическое тѣло, и такъ какъ всякое существо, какъ разумное, такъ и не одаренное разумомъ, обладаетъ астральнымъ тѣломъ, то пониманіе этого открываетъ намъ возможность заглянуть въ иной, новый міръ, болѣе обширный, чѣмъ нашъ физическій міръ, а именно въ міръ „астральный“ или сверхчувственный“. Этотъ міръ, точно такъ же, какъ и извѣстный намъ земной міръ, имѣетъ своихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ обитателей, изъ которыхъ многіе почти вовсе не обладаютъ сознаніемъ или же руководствуются только инстинктами, другіе же одарены въ высокой степени разумностью или даже исполнены Божественной мудрости и доброты, а иные, наоборотъ, являются воплощеніемъ безграничной адской злобы; между этими крайними типами астральныхъ существъ, конечно, есть всевозможныя промежуточныя ступени. Такъ какъ всякій человѣкъ имѣетъ астральное тѣло, обладающее организаціей, подобной организаціи физическаго тѣла, то всякій, если только ему удастся перенести свое сознаніе въ астральное тѣло, можетъ установить сознательное соприкосновеніе съ астральнымъ міромъ и воспринимать то, что тамъ происходитъ, такъ какъ благодаря такому перемѣщенію сознанія раскрываются внутренніе (астральные) органы чувствъ; тамъ же гдѣ отсутствуетъ сознаніе, не можетъ быть и никакихъ воспріятій. У большинства людей еще не раскрылись внутреннія чувства, и потому они неспособны видѣть обитателей астральнаго міра, но и до ихъ сознанія въ большей или меньшей степени доходятъ невидимыя вліянія, исходящія изъ астральнаго

*) См. объ этомъ, напр., прекрасныя изслѣдованія A. Rochas „L'extériorisation de la sensibilité“ и „L'extériorisation de la motricité“ и книгу Dupony „Physiologie psychique et sciences occultes“ или сочиненіе Дю-Преля „Монистическое ученіе о душѣ“. *Прим. перев.*

міра. Присутствіе такихъ вліяній чувствуется, хотя причины ихъ и не поддаются опредѣленію. Эти вліянія вызываютъ въ насъ извѣстныя настроенія, соотвѣтствующія имъ: то удрученное состояніе духа, то страхъ, то какое-нибудь другое настроеніе, не вызванное никакими внѣшними или коренящимися въ нашей тѣлесной природѣ причинами. Люди, вѣчно погруженные въ свои мысли, мечтатели, фантазеры, ипохондрики, истерическія особы, сумасшедшіе и вообще всѣ, кто подверженъ болѣе или менѣе постоянному частичному выдѣленію астральнаго тѣла, особенно часто испытываютъ подобныя рѣзкія перемѣны настроеній. Особенно страдаютъ этимъ спиритическіе „медіумы“ всякаго рода. Нѣкоторыя подобныя лица чувствуютъ присутствіе астральныхъ вліяній, но не видятъ при этомъ ничего; другія видятъ, но не могутъ правильно понять получаемыя ими впечатлѣнія иныя видятъ лишь созданія собственной своей фантазіи, и изъ всей этой безнадежной путаницы астральныхъ впечатлѣній иногда получаются „откровенія“, представляющія собой невообразимый вздоръ.

Астральная сфера, которая изъ всѣхъ сверхчувственныхъ сферъ всего ближе соприкасается съ нашимъ физическимъ міромъ, представляетъ собой такой же объективный міръ, какъ и этотъ послѣдній. Формы, встрѣчающіяся въ этой сферѣ, состоятъ изъ атомовъ и молекулъ, хотя, въ виду своей утонченности и недоступности для обыкновеннаго зрѣнія, эти формы и называются „духовными“. Но кромѣ этого объективнаго міра грезъ человѣкъ находитъ въ себѣ еще и чисто субъективную область, гдѣ уже нѣтъ никакихъ видимыхъ формъ, но гдѣ онъ сознаетъ присутствіе высшихъ началъ и силъ, какъ-то: вѣры, любви, надежды, справедливости и т. п. А такъ какъ человѣческій микрокосмъ является отраженіемъ макрокосма, и въ нашемъ маленькомъ мірѣ не могутъ дѣйствовать никакія силы, которыя не имѣлись бы налицо и въ великомъ Цѣломъ, то отсюда ясно, что и въ нашей солнечной системѣ должны существовать области, въ которыхъ пребываютъ подобныя безформенныя силы и начала. Въ дѣйствительности всѣ тѣлесные предметы суть не что иное, какъ продукты и символы такихъ безформенныхъ силъ. Матерія, изъ которой образовались скалы и деревья, въ сущности говоря, такая же безформенная, какъ и духъ. Все въ мірѣ исходитъ изъ Непроявленнаго и снова возвращается къ нему. Подобное привлекаетъ къ себѣ подобное и соединяется съ нимъ, тѣло—съ тѣломъ, душа—съ душою, духъ—съ духомъ; и болѣе грубое пронизывается болѣе утонченнымъ.

Представимъ себѣ (что мы можемъ сдѣлать съ полнымъ основаніемъ), что каждое тѣло есть видимая концентрація невидимыхъ силъ, существующихъ также и за предѣлами периферіи даннаго тѣла, подобно тому какъ воздухъ не только проникаетъ въ толщу земли, но и окружаетъ весь земной шаръ. Въ такомъ случаѣ ясно, что мы можемъ узнать свойства данныхъ силъ даже и не приходя въ соприкосновеніе съ тѣломъ, являющимся ихъ сгусткомъ, если можно такъ выразиться. Такъ намъ извѣстны, напримѣръ, тепловыя и свѣтоносныя свойства солнца, безъ того, чтобы намъ, для изученія ихъ, требовалось перелетать на самое солнце; а такъ какъ и солнце имѣетъ свое астральное тѣло и свою душу, то, если у насъ раскрыты наши духовныя чувства, мы можемъ изслѣдовать и духовныя свойства солнца. Если бы мы это сдѣлали, то, быть можетъ, мы пришли бы къ тому убѣжденію, что присутствіе на небѣ видимаго солнца является наилучшимъ доказательствомъ существованія Бога во вселенной.

Величайшія ошибки проистекаютъ оттого, что не различаютъ сущность отъ формы. Если мы представляемъ себѣ планеты нашей солнечной системы въ видѣ шарообразныхъ тѣлъ, не находящихся ни въ какой тайной связи другъ съ другомъ, то намъ, конечно, покажется немыслимымъ, чтобы мы когда-либо могли вступить въ общеніе съ жителями этихъ планетъ. Но планеты— лишь видимыя воплощенія всюду разлитыхъ невидимыхъ силъ; онѣ играютъ роль какъ бы аккумуляторовъ по отношенію къ этимъ силамъ. Солнце, въ сущности, разлито повсюду, и мы живемъ въ его элементѣ, подобно тому, какъ рыба живетъ въ водѣ, а птица въ воздухѣ; но мы видимъ лишь сіяющее свѣтило на небѣ, огненный центръ, въ которомъ воплощено міровое солнечное начало. Мы сами пронизаны этимъ солнечнымъ духомъ и, основываясь на дѣйствіяхъ его, наблюдаемыхъ въ насъ самихъ, мы можемъ дѣлать нѣкоторыя заключенія относительно характера обитателей солнца, такъ какъ вѣдь и мы сами, въ извѣстномъ смыслѣ, являемся такими обитателями.

Мы можемъ съ одинаковымъ основаніемъ разсматривать какую-нибудь вещь или какъ зерно окружающей и однородной съ нею атмосферы—зерно, образованное путемъ сгущенія этой атмосферы—или, наоборотъ, смотрѣть на это зерно, какъ на источникъ, излучающій изъ себя атмосферу сходнаго съ собой характера. Послѣднюю картину мы получаемъ, напримѣръ, наблюдая различныя тѣла спектроскопически. Одно обусловливаетъ другое; всюду, гдѣ есть жизнь, мы видимъ вдыханіе и выдыханіе. Луна,

въ извѣстномъ смыслѣ, разлита повсюду и находится также и въ насъ самихъ; мы живемъ въ той субстанціи, изъ которой образованъ видимый представитель луннаго элемента на небѣ; а такъ какъ подобное притягивается подобнымъ, то мы и на себѣ можемъ ощущать „духовныя" вліянія, исходящія отъ луны. Точно такимъ же образомъ въ нашей солнечной системѣ существуютъ и другія повсемѣстно распространенныя духовныя силы, которыя были названы древними Юпитеромъ, Меркуріемъ, Марсомъ, Венерой, Сатурномъ и т. д., и внѣшніе символы которыхъ мы видимъ на небѣ въ образѣ планетъ. Эти же силы существуютъ и въ насъ самихъ въ видѣ опредѣленныхъ началъ, и онѣ возбуждаются къ дѣйствію и усиливаются извѣстными вліяніями, приходящими извнѣ. Всѣ эти вліянія проявляются одновременно, но, смотря по положенію на небѣ свѣтилъ, то одинъ, то другой инструментъ звучитъ сильнѣе. Въ полдень сильнѣе вліяніе солнца, ночью—луны; точно также колеблется и сила вліянія другихъ небесныхъ тѣлъ, излучающихъ духовныя и эфирныя колебанія, которыя достигаютъ человѣка. Въ связи съ этимъ различаютъ нѣсколько типовъ людей. Такъ, напримѣръ, человѣкомъ „типа Юпитера" называютъ того, кто проявляетъ большую склонность ко всему возвышенному, могучему, кто обладаетъ артистическимъ чутьемъ и т. п. Люди, въ которыхъ преобладаетъ вліяніе Марса, энергичны и нерѣдко обладаютъ воинственнымъ характеромъ; Венера дѣлаетъ людей влюбчивыми; Меркурій даетъ способность вѣрно разсчитывать и поступать обдуманно; Сатурнъ одаряетъ наклонностью къ мистикѣ; луна же представляетъ собой царство грезъ и фантазіи въ насъ и всюду вообще.

Такія вліянія оказываютъ особенно рѣшающее дѣйствіе на человѣка въ моментъ его рожденія, и потому хорошій астрологъ, если онъ знаетъ характеръ человѣка, можетъ на основаніи его опредѣлить, подъ какимъ знакомъ зодіака и подъ какими планетными вліяніями онъ родился, и, наоборотъ, на основаніи гороскопа даннаго лица, онъ можетъ опредѣлить его способности и наклонности. Но это уже относится къ области астрологіи и не соприкасается непосредственно съ темой нашего изслѣдованія.

Если намъ извѣстны астральныя вліянія, исходящія отъ какого-нибудь небеснаго тѣла (astrum), то отсюда уже не трудно вывести извѣстныя заключенія относительно свойствъ формъ, порождаемыхъ этимъ свѣтиломъ, такъ какъ форма какого-нибудь существа болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ характеру его внутренней сущности. Возьмемъ, напримѣръ „луну". Какъ извѣстно, у

видимой луны можно различить двѣ половины, изъ которыхъ одна никогда не освѣщается лучами солнца. Но видимая луна есть символъ царства грезъ, иллюзій и фантазіи, а когда эта послѣдняя не освѣщается свѣтомъ солнца мудрости, то въ ней воцаряются мракъ невѣжества, всевозможныя заблужденія, страсти и т. п. Въ особенности если къ этому дурному вліянію луны присоединяется еще вліяніе Венеры, то такая неблагопріятная комбинація вліяній порождаетъ въ воображеніи образы сладострастные и исполненные звѣрской жестокости, отчего и говорятъ иносказательно, что темная сторона „луны" представляетъ собою адъ, населенный драконами, ядовитыми змѣями и всевозможными чудовищами. Этотъ адъ вмѣстѣ съ его обитателями находится въ самомъ человѣкѣ, на лунѣ его собственной фантазіи, и это-то лунное вліяніе и побуждаетъ людей къ актамъ тиранніи, къ войнамъ и къ совершенію всяческихъ преступленій. Что же касается того, существуютъ ли и на темной сторонѣ видимой на небѣ луны соотвѣтствующіе астральные обитатели, то относительно этого вопроса „ученые" еще не пришли къ соглашенію.

Если, основываясь на тѣхъ духовныхъ силахъ, которыя получаются какой-нибудь планетой, можно дѣлать извѣстныя заключенія относительно свойствъ ея духовной сферы, то когда ставится вопросъ о внѣшнемъ, тѣлесномъ обликѣ обитателей видимой планеты, необходимо бываетъ принять во вниманіе и другія обстоятельства, а именно степень развитія, достигнутую данной матеріальной планетой, и уровень развитія отдѣльныхъ индивидумовъ, обитающихъ на ней. Для того, чтобы пріобрѣсти объ этомъ какія-нибудь свѣдѣнія, у насъ существуетъ лишь одинъ источникъ: сообщенія лицъ, обладающихъ ясновидѣніемъ и имѣющихъ возможность вступать въ общеніе съ обитателями астральнаго міра. Согласно подобнымъ сообщеніямъ жители планеты Марса находятся еще на довольно низкой ступени развитія; они отчасти еще ходятъ на четвере礀енькахъ, и мы не могли бы объясняться съ ними при помощи знаковъ, такъ какъ они не обладаютъ достачно развитыми умственными способностями, чтобы быть въ состояніи понять насъ. Это и не удивительно, такъ какъ „Марсъ" представляетъ собой элементъ животныхъ страстей въ человѣкѣ (Кама). Жители Меркурія, по словамъ ясновидящихъ, съ виду похожи на громадныхъ обезьянъ и т. п. Но всѣ подобныя сообщенія, относительно которыхъ неизвѣстно, являются ли они истиннымъ знаніемъ или же просто продуктами фантазіи, не представляютъ никакой особой цѣнности, потому что съ полной досто-

вѣрностью можно знать лишь то, въ чемъ убѣдился путемъ личнаго опыта, всякія же спекуляціи о подобныхъ предметахъ являются лишь празднымъ препровожденіемъ времени.

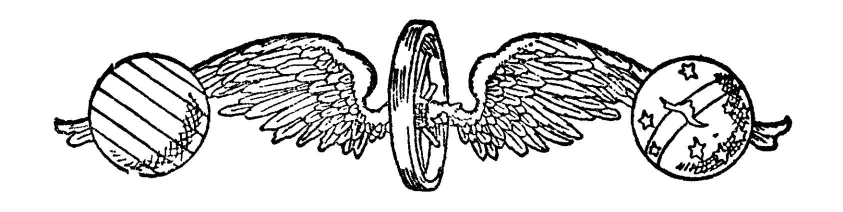
Всякое истинное познаніе основывается на совершенствѣ мистическаго треугольника, т. е. на сліяніи познающаго съ познаваемымъ и съ силой познанія. Если мы хотимъ познакомиться съ духомъ какой-нибудь вещи, то мы должны принять его въ себя и стремиться познать его. Только такимъ путемъ возможно духовное общеніе съ духами. Всякія же внѣшнія явленія въ данномъ случаѣ представляютъ собой лишь нѣчто совершенно несущественное.

Д-ръ *Францъ Гартманъ.*

Мудрость же мы проповѣдуемъ между совершенными, но мудрость не вѣка сего и не властей вѣка сего преходящихъ, но проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей, которой никто изъ властей вѣка сего не позналъ, ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, какъ написано: не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его (Исаія 64, 4). А намъ Богъ открылъ это Духомъ Своимъ, ибо Духъ все проницаетъ, и глубины Божіи. Ибо кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія.

(I Посл. къ Коринѳ. Св. ап. Павла).

Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Theosophist“ даетъ рѣчь А. Безантъ „Въ защиту животныхъ“ и рѣчь Э. Хаутон'а „Путь мудрости“, которыя являются протестомъ противъ современныхъ методовъ экспериментальной медицины.

Въ своей рѣчи А. Безантъ беретъ тезисомъ мысль, что у животныхъ есть свои права, а у насъ по отношенію къ нимъ есть опредѣленныя обязанности, ибо „права принадлежатъ слабымъ, а обязанности лежатъ на сильныхъ“. Мы не можемъ нарушать этихъ правъ и обязанностей, не становясь угнетателями и жестокими тиранами.

М. Коксъ горячо защищаетъ Эсперанто, какъ языкъ, который можетъ стать вскорѣ международнымъ и помочь братскому общенію людей разныхъ полушарій. Онъ указываетъ, что въ настоящее время уже существуетъ 85 журналовъ, печатающихся на этомъ языкѣ, и 20 странъ, которыя охвачены новымъ этимъ движеніемъ; среди нихъ—Японія, Бразилія, Финляндія и Арменія. На Эсперанто уже переведены многія классическія сочиненія: Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Псалмы и изреченія Библіи. Число обществъ, занимающихся распространеніемъ Эсперанто, уже дошло до 130. Въ Англіи и Америкѣ нѣкоторыя учебныя заведенія (коммерческія и военныя школы) включили Эсперанто, въ число обязательныхъ предметовъ школьной программы. Есть рядъ профессіональныхъ союзовъ, издающихъ свой органъ на языкѣ Эсперанто; таковы Международный Союзъ врачей, Союзъ сестеръ Краснаго Креста, Союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, Союзъ собирателей марокъ, и т. д. Въ Теософическомъ Обществѣ возникла Теософическая Лига Эсперантистовъ.

Кончается статья Е. Албарусъ: „Проблема разума въ западной философіи“. Авторъ разсматриваетъ Канта, какъ мыслителя, уготовавшаго путь великому идеалистическому движенію, представителями котораго являются Фихте, Шеллингъ и Гегель.

Д-ръ О. Шрэдеръ въ своей статьѣ „Гераклитъ и его предшественники“ устанавливаетъ глубокую связь между философіей Гераклита и ученіями Лао-Тсе и Будды.

Въ журналѣ напечатана символическая драма „Тайна любви больше тайны смерти“, Г. Бишопъ, которая была съ такимъ блестящимъ успѣхомъ поставлена на новый годъ въ помѣщеніи Теософическаго Общества, въ Лондонѣ.

Статья А. Безантъ „Воспитаніе въ свѣтѣ Теософіи“ полна животрепещущаго интереса. Авторъ указываетъ на мощное вліяніе красоты на сердце, умъ и характеръ ребенка и горячо совѣтуетъ окружать дѣтей прекрасными предметами; для этого не нужно быть богатымъ и совсѣмъ не нужно роскошной обстановки, нужны лишь вкусъ и чуткое вниманіе. Духовная атмосфера должна быть столь же чистой, какъ и физическая. Рѣчи, мысли, чувства, настроенія взрослыхъ, все должно быть проникнуто красотой. А. Безантъ напоминаетъ, что наши дѣти приходятъ къ намъ съ извѣстнымъ прошлымъ, съ опредѣленными стремленіями и свойствами, и потому—наша первая обязанность—изучить и понять ихъ, чтобы мудрымъ руководительствомъ направить къ добру всѣ заложенныя въ нихъ потенціи. „Одна любовь даетъ пониманіе, которое есть хлѣбъ жизни ребенка“. Дитя требуетъ твердой, мудрой и нѣжной руки, но всякое насиліе, всякое грубое прикосновеніе, физическія наказанія и т. п. имѣютъ самое пагубное вліяніе на его развитіе и потому родители и учители должны научиться вести сложное дѣло воспитанія съ неутомимымъ и нѣжнымъ терпѣніемъ. Ребенку слѣдуетъ оказывать довѣріе и не допускать, чтобы онъ сознательно поступалъ дурно. При каждомъ его проступкѣ слѣдуетъ выражать это довѣріе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — надежду на будущее. Статья еще не окончена.

Въ біографическомъ отдѣлѣ дается очеркъ жизни и дѣятельности Упендранатъ Базу, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ секретаремъ Индусской Секціи. Онъ родился въ 1864 г. въ Бенгалѣ. Онъ кончилъ университетъ Калькутты и выбралъ юридическую карьеру, но въ 1884 г. онъ вступилъ въ Теософическое Общество и основалъ, вмѣстѣ съ Бхагаванъ Дас'омъ, теософическій центръ въ Бенаресѣ. Въ 1895 г. онъ сталъ представителемъ Индусской Секціи, посвящая всѣ свои силы, время и средства Теософическому движенію. Благодаря его пожертвованіямъ и трудамъ, въ Бенаресѣ были выстроены: домъ Теософическаго Общества, типографія, Индусское общежитіе, Европейское общежитіе и книжный

складъ. Онъ былъ также однимъ изъ семи основателей Центральнаго Индусскаго Коллэджа въ Бенаресѣ.

Въ популярномъ отдѣлѣ идетъ очеркъ А. Безантъ: „Наша солнечная система“.

„Theosophy in India“ даетъ статью въ защиту кремаціи (сжиганія мертвыхъ), которая указываетъ на то, что интересы живыхъ и мертвыхъ одинаково требуютъ быстрой дезинтеграціи физическаго тѣла. Западная цивилизація много выиграетъ, когда приметъ мудрый обычай Востока сжигать мертвыхъ.

Кончается символическій очеркъ Бай Нат'а: „Бесѣда птицъ“, въ которомъ даются указанія, какъ найти путь духовной жизни и какъ осуществить его въ себѣ. Бесѣда происходитъ въ видѣ діалога между „Руководителемъ“ и „Странникомъ“. Руководитель отмѣчаетъ семь этаповъ Пути: 1) исканіе; 2) любовь; 3) знаніе; 4) слава; 5) чистое единство; 6) жуткое изумленіе; 7) безсознательность. Послѣдняя стадія не можетъ выразиться никакими словами. Это—не отсутствіе сознанія, а такое высокое состояніе сознанія, что, по сравненію съ нашимъ обыденнымъ, оно—ничто. Интересно опредѣленіе любви: „Любовь зажигаетъ странника. Да не приближается сюда никто, кто безъ огня! Ибо тотъ, въ которомъ нѣтъ огня, не можетъ вынести любви. Тотъ любитъ, кто горячъ какъ огонь, палимый, смотрящій вверхъ. Никогда онъ не станетъ думать о послѣдствіяхъ, хотя бы дѣло шло о самой жизни его. Любовь есть пламя; интеллектъ есть дымъ: по мѣрѣ того, какъ одно приближается, другое отступаетъ“.

Нѣмецкій журналъ, „Theosophie“ даетъ статью Гробе-Вутичк'аго: „Что мѣшаетъ современному научно-образованному человѣку принять Теософію“, статью А. Безантъ: „Союзъ служенія въ Теософическомъ Обществѣ“, продолженіе очерковъ Ч. Ледбитера о VI расѣ и статью Г. Фрейгер'а: „Современные арабскіе философы и теософы“.

Г. Вутичкій указываетъ на близость современной науки къ нѣкоторымъ теософическимъ положеніямъ и на возможность вполнѣ научно обосновать законы эволюціи, кармы и перевоплощенія. Останавливаясь на вопросѣ о сложномъ составѣ человѣка, онъ напоминаетъ о работахъ Г. Дюрвил'я, А. Роша, Жиро и др., которымъ удавалось изъ физическаго тѣла извлечь эфирное и астральное и надъ ними произвести рядъ интересныхъ экспериментовъ, запечатлѣвъ ихъ на фотографическихъ пластинкахъ.

Въ своей статьѣ А. Безантъ призываетъ членовъ Теософическаго Общества составить Союзъ для совмѣстнаго исканія путей

и методовъ сліянія Теософическихъ ученій съ самой жизнью во всѣхъ ея сферахъ. Какъ извѣстно, призывъ этотъ услышанъ *) и при Теософическомъ Обществѣ образовался всеміpный „Орденъ Служенія“, насчитывающій уже 5 отдѣловъ и 37 лигъ просвѣтительнаго и гуманитарнаго характера.

Въ своемъ очеркѣ, объ арабскихъ философахъ, Г. Фрейгеръ знакомитъ читателей съ различными мусульманскими сектами (сунниты, шіиты, каредшіиты; малеки, ганефи, шафеи, замбали) и останавливается на мистической сектѣ „Скрытаго Имама“. Какъ извѣстно, главныя разногласія мусульманскихъ сектъ касаются вопроса объ „Имамахъ“, т. е. о пророкахъ, которые должны явиться послѣ Магомета. По ученію однихъ, Имамовъ должно быть всего 12 въ мірѣ; нѣсколько уже явилось, новаго ждутъ въ настоящее время. По ученію другихъ, Имамъ долженъ явиться непремѣнно изъ рода Магомета, отъ потомковъ Али, мужа дочери Пророка, Фатимы; по ученію третьихъ, будущій Имамъ будетъ выбранъ вѣрующими. По ученію секты, которую изучаетъ Г. Фрейгеръ (эта секта происхожденія шіитскаго и называется также „Исмайлія“), на землѣ постоянно живутъ „скрытые отъ людей Имамы“, которые помогаютъ человѣческой эволюціи, направляютъ духовныя теченія и имѣютъ своихъ учениковъ. Но эти „Имамы“ ничего общаго не имѣютъ съ воинствующими основателями Фатимовой династіи въ Тунисѣ и Египтѣ. У нихъ нѣтъ политическихъ цѣлей; они работаютъ надъ духовнымъ развитіемъ всего человѣчества внѣ расъ и исповѣданій и являются лишь тѣмъ, кто чистотой своей жизни и подвигами удостоился стать ихъ учениками. Свое мѣстопребываніе на землѣ они скрываютъ. Такимъ образомъ, послѣдователи Исмайліи признаютъ существованіе Учителей мудрости и состраданія.

Среди многихъ другихъ статей „Theosophic Messenger“ даетъ очеркъ В. В. Гук'а „Искусство забвенія“ и статью: „Какъ Заратустра испытывалъ своихъ учениковъ“.

Въ статьѣ „Искусство забвенія“ авторъ говоритъ, что съ самыхъ древнихъ временъ была признана важность искусства запоминанія и сила памяти сильно культивировалась, но искусство забвенія не изучалось, а между тѣмъ, какъ важно умѣть забыть пережитыя горечь и печаль. Мудро устроено, что мы не помнимъ грѣховъ и страданій прежнихъ своихъ воплощеній; мы бы не справились съ такимъ тяжелымъ бременемъ. Какъ же культиви-

*) Призывъ этотъ сдѣланъ три года тому назадъ.

ровать это драгоцѣнное искусство? Это можно тѣмъ, чтобы постоянно выбрасывать изъ своего сознанія тѣ факты и мысли, отъ ига которыхъ мы хотимъ избавиться. Такое усиліе ослабитъ мыслеобразы прошлаго, и память былого перестанетъ тревожить. Изгоняемые мыслеобразы нужно замѣнять противуположными, свѣтлыми и радостными. Жить памятью прошлыхъ страданій не помогаетъ ни намъ, ни другимъ. Такое постоянное повтореніе изжитаго воскрешаетъ мертвецовъ и воздвигаетъ стѣну, заслоняющую отъ насъ Свѣтъ.

Въ статьѣ о Заратустрѣ разсказывается, какъ древній Пророкъ Ирана испытывалъ своихъ учениковъ. Однажды, говоритъ легенда, къ Заратустрѣ пришло нѣсколько молодыхъ людей съ просьбой принять ихъ въ свои ученики. Учитель сказалъ: „Я не могу васъ принять безъ испытанія. Я долженъ провѣрить, насколько мой методъ подходитъ къ вамъ". Онъ провелъ ихъ въ комнату, уставленную разнообразной посудой, наполненной разнымъ содержимымъ, и сказалъ: „Я васъ оставлю здѣсь. Осмотрите эти сосуды и скажите мнѣ каждый: который изъ нихъ по вашему цѣннѣе, но не обсуждайте этого между собой". Онъ скрылся, а молодые люди стали внимательно разсматривать сосуды. Вернувшись къ нимъ, Заратустра попросилъ каждаго говорить по очереди. Первый юноша сказалъ: „Учитель, вотъ этотъ сосудъ самый цѣнный, онъ необыкновенно древняго происхожденія и говоритъ намъ о животрепещущемъ прошломъ". Другой сказалъ: „Нѣтъ, этотъ сосудъ цѣннѣе. Онъ сдѣланъ съ такимъ искусствомъ, что нельзя не любоваться каждой линіей его, каждымъ изгибомъ". И такъ всѣ высказали свое мнѣніе, кромѣ одного, который молчалъ. Учитель обратился къ нему. Тогда юноша сказалъ: „Я слишкомъ мало знаю, чтобы мое мнѣніе имѣло какую-нибудь цѣну; я не смѣю высказать своего мнѣнія". Но Учитель пожелалъ слышать его отвѣтъ, и тогда юноша сказалъ: „Мнѣ кажется, что самый цѣнный — тотъ сосудъ, въ которомъ наиболѣе вѣрнымъ образомъ могутъ храниться самыя драгоцѣнныя вещи". „Ты хорошо отвѣтилъ, молвилъ Учитель, цѣнность каждой вещи зависитъ отъ того, для чего она была создана. Сосуды дѣлаются для храненія вещей, и тѣ, которые эту цѣль лучше всего исполняютъ, — самые цѣнные". Затѣмъ онъ разложилъ различные хлѣба и просилъ юношей сказать ему, какимъ хлѣбомъ долженъ питаться мудрый. Одинъ изъ нихъ сейчасъ-же сказалъ: „Конечно, мудрый долженъ питаться самымъ грубымъ простымъ хлѣбомъ, ибо онъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ чувственныхъ наслажденій". Другой

сказалъ: „Нѣтъ, Господь не даромъ ниспосылаетъ намъ свое благословеніе. Мы должны наслаждаться его дарами и радоваться имъ. Мудрый человѣкъ достоенъ самаго тонкаго пшеничнаго хлѣба“. Третій сказалъ: „Нѣтъ, мудрый долженъ питаться смѣшанной пищей, самой тонкой, менѣе тонкой и самой грубой; такое сочетаніе является символомъ 3 аспектовъ основной тріады“. Всѣ говорили, кромѣ того, который молчалъ и при первомъ испытаніи. Заратустра обратился къ нему. Юноша отвѣтилъ: „Я вижу овсяное поле около твоего шалаша и овсяной хлѣбецъ среди другихъ. Мнѣ думается, что мудрый питается тѣмъ хлѣбомъ, который онъ самъ взростилъ“. „Ты хорошо отвѣтилъ, сказалъ Заратустра. Тотъ, кто живетъ своими собственными трудами, разгадаетъ загадку жизни. Эти молодые люди слишкомъ учены для меня; мнѣ нечему ихъ учить; я совѣтую имъ не зарывать у меня своихъ сокровищъ, но вернуться въ міръ, гдѣ ихъ знаніе получитъ награду. Но ты можешь остаться со мной, тебѣ откроется богиня Мудрости, ибо твоя душа свободна отъ искусства пустословія и многословія“.

„Theosophy in Australasia“ даетъ статью о простой жизни (Simple life), въ которой проводится мысль, что истинный аскетизмъ заключается не въ томъ, чтобы отказывать себѣ въ радостяхъ жизни, а въ томъ, чтобы выработать въ себѣ свѣтлую готовность спокойно встрѣтить радость и горе, удачу и неудачу, обиліе благъ и лишеніе всѣхъ благъ. Въ выработкѣ такой готовности лежитъ рѣшеніе проблемы о простой жизни. Вырабатывается она интенсивной внутренней работой, которая приводитъ въ гармонію всѣ силы человѣка.

Статья В. Рай посвящена американскому поэту Джону Гринлифъ Вайтьеръ (John Greenleaf Whittier) и его поэмѣ „Душа моя и я“. Авторъ указываетъ на глубокое проникновеніе поэта, въ стихахъ котораго ярко звучитъ признаніе божественности человѣка и братства всего существующаго.

Въ статьѣ „Вновь обрѣтенная Библія“ Э. Вельсъ разсказываетъ о недавней находкѣ драгоцѣнной рукописи при раскопкахъ въ верхнемъ Египтѣ, въ древнемъ градѣ Панополисъ, находившемся на правомъ берегу Нила. Эта рукопись содержитъ 4 Евангелія: Матѳея, Марка, Луки, Іоанна и Псалмы. Св. Писанія написаны на пергаментѣ прекрасными древними письменами, сшиты вмѣстѣ и переплетены, переплетъ и верхъ страницъ сожжены горячимъ пескомъ пустыни; нѣкоторыя страницы совсѣмъ пожелтѣли и выцвѣли, но многія страницы остались совершенно цѣ-

лыми. Эта рукопись была пріобрѣтена за большія деньги однимъ американскимъ богачемъ, который подарилъ ее извѣстному археологу, проф. Н. А. Сандерсъ. Ученый нашелъ въ ней тѣ мѣста, о которыхъ говоритъ Св. Іеремій и которыхъ не хватаетъ въ нашихъ Евангеліяхъ. Предполагаютъ, что найденная рукопись была копіей той, что сгорѣла вмѣстѣ съ Александрійской библіотекой.

Alba.

Насаждающій же и поливающій суть одно; но каждый получитъ свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божія Нива, Божіе строеніе. Я, по данной мнѣ отъ Бога благодати, какъ мудрый строитель, положилъ основаніе, а другой строитъ на немъ; но каждый смотри какъ строитъ.

(1 Посл. къ Коринѳ. Св. ап. Павла).

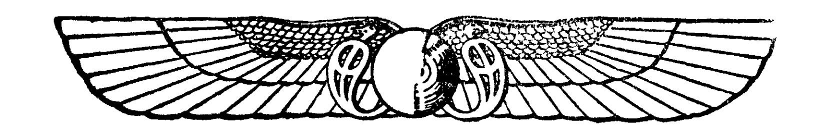
Каждаго дѣло обнаружится, ибо день покажетъ, потому что въ огнѣ открывается, и огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть.

(Тамъ же).

Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ? Если кто разоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ, ибо храмъ Божій святъ, а этотъ храмъ вы. Никто не обольщай самого себя. Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобъ быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавствѣ ихъ (Іовъ 5, 13). И еще: Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны (Псал. 93. 11).

Итакъ, никто не хвались человѣками, ибо все ваше: Павелъ ли, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее—все ваше; вы же Христовы, а Христосъ—Божій.

(Тамъ же).

Хроника Теософическаго движенія.

— VI международный теософическій конгрессъ переносится изъ Турина въ Геную. Онъ состоится въ первой половинѣ сентября, с.с., 1911 г.

— Въ Шотландіи, съ большимъ успѣхомъ закончилось турнэ 8 теософовъ, посѣтившихъ 4 города, въ которыхъ нѣтъ еще теософическихъ центровъ. Въ каждомъ городѣ еженедѣльно было прочтено 2 лекціи; такимъ образомъ, на каждый городъ пришлась серія, протянувшаяся на цѣлый мѣсяцъ. Въ результатѣ, во всѣхъ 4-хъ городахъ былъ пробужденъ живой интересъ къ Теософіи, открылись новые кружки и было основано двѣ теософическихъ библіотеки.

— Центральный теософическій кружокъ въ Чикаго праздновалъ свой день рожденія. По этому случаю, былъ прочитанъ подробный годовой отчетъ, въ которомъ много интересныхъ свѣдѣній. Очевидно, Чикагскій кружокъ чрезвычайно дѣятельный, а методы его работы очень просты и практичны. Такъ, когда секретарь центра заболѣлъ и былъ увезенъ въ больницу, гдѣ ему пришлось пролежать нѣсколько недѣль, члены кружка взяли на себя очередное дежурство, расчитанное такъ, чтобы каждый членъ посѣтилъ одинъ разъ больного. Такимъ образомъ, въ теченіе всей его болѣзни, секретарь ежедневно видѣлъ ласку и любовь своихъ сочленовъ. Другой случай: Чикагскій кружокъ задумалъ устроить обѣдъ „Клубу уличныхъ мальчишекъ“. Было рѣшено, чтобы на слѣдующій день каждый теософъ доставилъ по 2 яблока или по 2 картофелины. Были и добровольныя приношенія и вышелъ обѣдъ на 400 персонъ. Мальчики остались очень довольны угощеніемъ теософовъ.

— IX годовое Общее Собраніе Итальянскаго Теософическаго Общества состоялось во Флоренціи; дѣятельное участіе въ пріемѣ

гостей принимали г. и г-жа Каваллини. Былъ прочитанъ отчетъ дѣятельности Общества за истекшій годъ, произвенены выборы должностныхъ лицъ *) и рѣшено учредить при Орденѣ Служенія Теософическаго Общества Лигу распространенія теософической литературы. Изъ послѣднихъ теософическихъ изданій, вышедшихъ на итальянскомъ языкѣ, нужно назвать слѣдующія: „Теософія", д-ра Штейнера и „Теософія и человѣческая жизнь", А. Безантъ.

= На послѣднемъ съѣздѣ въ Австраліи рѣшено просить г-жу Невиль объѣхать сѣверную часть Австраліи, гдѣ съ Теософіей еще мало знакомы, и организовать новые центры въ тѣхъ городахъ, гдѣ окажутся желающіе. Миссъ Невиль въ настоящее время совершаетъ съ большимъ успѣхомъ свою поѣздку.

= Въ южной Америкѣ г. Маріо Розо-де-Луна прочелъ серію публичныхъ лекцій въ Буэносъ—Айресѣ, въ Розаріо де Санта Фе (Аргентинская республика), въ Монте—Видео (Уругвай) и въ Ріо де-Жанейро. Въ Буэносъ—Айресѣ открылось сразу два новыхъ теософическихъ кружка.

Итакъ, очистите старую закваску, чтобы быть вамъ новымъ тѣстомъ, такъ какъ вы безквасны, ибо Пасха наша, Христосъ, закланъ за насъ.

Посему станемъ праздновать не со старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины.

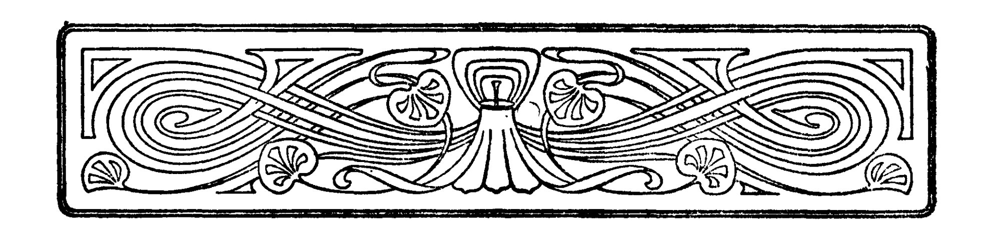
(1 Посл. къ Каринө. Св. ап. Павла).

Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ Духъ съ Господомъ.

(Тамъ же).

---

*) Переизбраны всѣ тѣ же члены.

Изъ газетъ и журналовъ.

„Матерія и энергія“ (рѣчь, произнесенная на общемъ собраніи XII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ 6 января 1910 года) А. А. Эйхенвальда. Въ ней Эйхенвальдъ говоритъ, что параллельно съ раздробленіемъ природы на части для болѣе плодотворнаго ея изученія, въ наукѣ идетъ работа и на объединеніе этихъ частей. Существуютъ 2 объединяющія, универсальныя понятія — матерія и энергія. Эмиль Дю-Буа-Раймонъ утверждалъ: матерія и энергія представляютъ границу нашего познанія и всего, что по ту сторону этой границы, мы никогда знать не будемъ,—„Ignorabimus!“ Но съ появленіемъ электромагнитной теоріи Максвелла началась новая эра въ физикѣ. Появились новыя понятія электрическаго и магнитнаго поля, которыя могутъ находиться и въ пустотѣ (не въ матеріи), и въ своемъ дальнѣйшемъ развитии эта теорія привела къ теоріи „электрона“, т. е. къ понятію объ атомѣ электричества, совершенно отличному отъ понятія „матерія“, и отъ понятія „энергія“, но свойства электричества оказались не такъ отличны отъ свойствъ матеріи и энергіи, какъ это казалось съ перваго взгляда: электричество, какъ и матерія, состоитъ изъ отдѣльныхъ атомовъ и соединенія его съ матеріей происходятъ по тѣмъ же самымъ законамъ!.. Называя электроны „лучистымъ состояніемъ матеріи“, Круксъ говоритъ, что здѣсь „мы коснулись той пограничной области, гдѣ матерія и энергія переходятъ одна въ другую, и что „величайшія задачи будущаго найдутъ въ этой пограничной области свое разрѣшеніе“. Эйхенвальдъ говоритъ, что такія объединяющія начала, принципы или рабочія гипотезы—все равно, что высокія горы, позволяющія изъ одной точки одновременно обозрѣвать нѣсколько областей знанія, которыя внизу казались совершенно изолированными другъ

отъ друга. Конечно, одновременно съ развитіемъ широкой научной теоретической мысли должно идти и развитіе точныхъ экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія. Цѣль же науки выше— въ объединеніи знаній, и „когда вы достигнете“—говоритъ Эйхенвалдъ,—„этихъ объединяющихъ вершинъ и оттуда сверху услышите міровую гармонію, то получите такое высокое и чистое эстетическое наслажденіе, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ!“—и онъ приводитъ затѣмъ стихи Полонскаго:

Изъ вѣчности музыка вдругъ раздалась,
И въ безконечность она полилась,
И хаосъ она на пути захватила,
И въ безднѣ, какъ вихрь, закружились свѣтила;
Пѣвучей струной каждый лучъ ихъ дрожитъ,
И жизнь пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышитъ порой эту музыку Божью,
Кто разумомъ свѣтелъ,—въ комъ сердце горитъ!

Т.

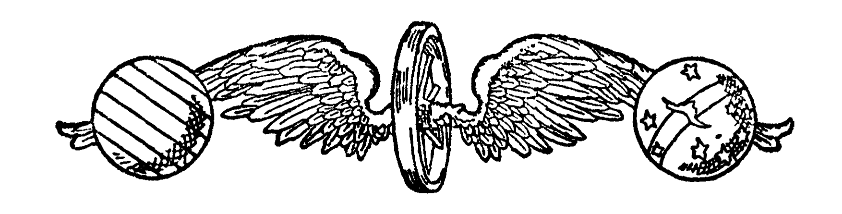
═ Въ журналѣ „Ребусъ“ (№ 34—1910 г.) перепечатана изъ „Light“ аллегорическая арабская поэма, написанныя 800 лѣтъ тому назадъ:

— „Одинъ постучался въ двери возлюбленнаго, и голосъ изнутри отвѣтилъ: — „Кто тамъ“. — И одинъ отвѣчалъ:—„Это **я**“.

— Голосъ сказалъ:—„Этотъ домъ не вмѣститъ тебя и меня“.— И дверь осталась запертой. Одинъ ушелъ, удалился въ пустыню, въ постѣ, въ молитвѣ и въ полномъ уединеніи провелъ цѣлый годъ. Затѣмъ онъ возвратился, чтобы вновь постучать въ дверь.— „Кто тамъ“? спросилъ голосъ изнутри. — „Это **Ты**“, отвѣчалъ одинъ—и двери передъ нимъ открылись“.

Возлюбленный—это Богъ, и тѣ, кто готовы, поймутъ аллегорію.

Научное обозрѣніе.

Въ послѣднемъ номерѣ Revue scientifique, отъ 10 сентября 1910 г., мы читаемъ слѣдующее:

На дняхъ, въ Италіи появилась книга Фредерика Сакко, профессора палеонтологіи и геологіи въ Туринскомъ университетѣ. Она озаглавлена такъ: Біологическая и человѣческая эволюціи. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью синтезировать всѣ факты, собранные ботаниками, зоологами, анатомами, эмбріологами, палеонтологами, антропологами и другими естествоиспытателями по данному вопросу. Для ясности весь трудъ ученаго раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая обнимаетъ одну изъ крупныхъ геологическихъ эръ и состоитъ, во-первыхъ, изъ общихъ разсужденій, касающихся фауны и флоры данной эпохи, а также изъ описанія представителей ихъ; во-вторыхъ, изъ картины главныхъ біологическихъ проявленій и превращеній взятаго историческаго момента жизни земли. Обозрѣвъ, такимъ образомъ, эры: археическую, палезоическую, мезозоическую и др., авторъ долго останавливается на антропозоической и характеризуетъ человѣческую эволюцію въ ея главныхъ проявленіяхъ: рѣчи, письмѣ, промышленности, земледѣліи, наукѣ, искусствѣ, морали, религіи, философіи.

Однако, этимъ профессоръ Сакко не ограничивается; онъ идетъ дальше и рисуетъ яркую картину будущаго развитія человѣчества. Прежде всего, онъ заявляетъ, что *физически* человѣку суждено измѣниться мало, такъ какъ изобрѣтенныя имъ разнообразныя орудія и усовершенствованія избавляютъ его тѣло отъ необходимости подвергнуться какому-нибудь крупному измѣненію или стремиться къ новымъ приспособленіямъ. Но *психически* эволюція совершитъ огромный шагъ.

„Когда наступитъ психозоическая эра, пишетъ авторъ, въ мозгу человѣка разовьется и окрѣпнетъ чувство психическаго

познаванія или проникновенія и сверхчеловѣкъ будетъ въ состояніи вызывать болѣе или менѣе гармоничныя волны или вибраціи, какъ при помощи особенныхъ вибрирующихъ элементовъ, такъ и помощью разряженія особенныхъ психо-анимическихъ искръ; такимъ образомъ, онъ сможетъ дѣйствовать на разстояніи, быть можетъ за предѣлы земного шара. Эта ангелоподобная форма сможетъ въ концѣ концевъ достичь высшаго фазиса, божественнаго, и слиться съ Безконечнымъ, съ Вѣчнымъ, съ Великимъ Цѣлымъ, съ высшимъ всеобъединяющимъ Началомъ".

Крайне интересно отмѣтить у одного изъ представителей западной науки это признаніе духовной эволюціи, какъ чего-то вполнѣ реальнаго, признаніе возможности, для человѣка, достичь ангелоподобнаго состоянія.

М. К.

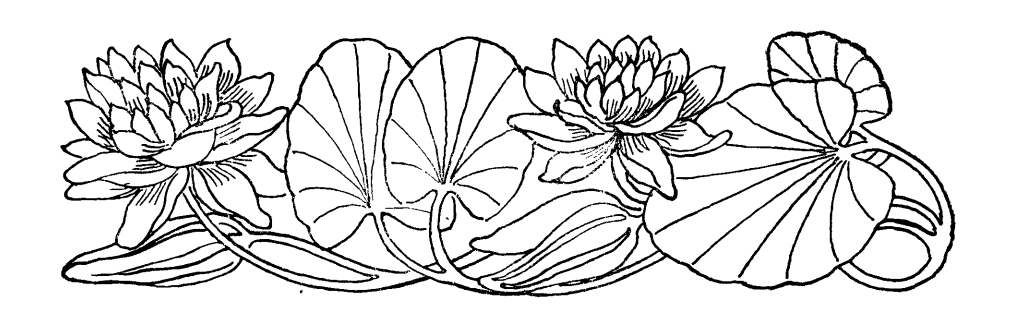
Итакъ каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей тайнъ Божіихъ; отъ домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался вѣрнымъ.

(1-ое посланіе къ Коринѳ. св. апостола Павла).

Какъ я не иду къ Вамъ, то нѣкоторые у васъ возгордились; но я скоро приду къ вамъ, если угодно будетъ Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу. Царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ.

Чего вы хотите: съ жезломъ притти къ вамъ, или съ любовью и духомъ кротости?

(Тамъ же).

Письмо изъ Англіи.

(Международный союзъ ручного труда).

Во всѣ вѣка, во всѣхъ странахъ, всюду гдѣ есть жизнь—трудъ есть, былъ и будетъ вѣчнымъ выраженіемъ человѣка, его вѣчная функція служенія. Нѣкоторые сознаютъ это, другіе—нѣтъ. Кто ищетъ въ этомъ исходъ, черезъ который душа стремится слиться съ Богомъ, и тогда появляются образцы Божественнаго творчества въ картинахъ, поэмахъ, скульптурѣ; а иной берется за трудъ, какъ жаждущій тянется къ водѣ, не разбирая, подается ли она ему въ хрустальномъ сосудѣ или приходится прилечь къ землѣ и пить изъ ручейка, какъ пьютъ обитатели лѣсовъ, молодой козликъ или лѣсной голубь. А другіе, въ своемъ инстинктивномъ стремленіи выполнить свое назначеніе, послушно нагибаютъ голову подъ ярмо тяжелаго труда, какъ рабочая лошадь или волъ.

Въ глазахъ мыслителя, всѣ эти различія не затемняютъ глубокое значеніе единой, великой идеи человѣческой жизни, великой и святой идеи—*труда*.

Долго, да, слишкомъ долго мы не хотѣли этого понять. Мы ею играли на всѣ лады, мы исказили ея самое основаніе, подъ вліяніемъ такъ называемыхъ общественныхъ условій, мы низвели ее до предмета торговли, сдѣлали орудіемъ жестокости, несправедливости, орудіемъ подчиненія и развращенія.

Тяжело и угнетающе дѣйствуетъ на насъ видъ трагическихъ проблемъ труда, которыхъ мы достигли въ настоящую эпоху, проблемъ, надъ которыми глубоко и безнадежно задумываются лучшіе, яснѣйшіе умы нашего времени.

Однако и въ этой сферѣ есть свѣтъ надежды, которая проявляется въ человѣческой жизни ежедневно (для тѣхъ кто видитъ). Каждый разъ когда человѣкъ постановитъ серьезное рѣшеніе искать правду, возстановить нарушенный законъ—слѣдуетъ удивительное преображеніе, горе превращается въ радость, самыя сложныя проблемы приходятъ въ гармонію и дѣлаются ясны какъ день, такъ же просты какъ самое дыханіе.

Каждый кто прошелъ второе рожденіе, воскресенье, какъ ни назовите, или просто, послѣ томительной жизни, безплодныхъ усилій и борьбы—наконецъ *нашелъ* себя,—знаетъ и хорошо знаетъ, какъ разъ найденная правда, возстановленная въ жизни, не взирая на жертвы именно тѣми сторонами, которыя насъ учили считать настоящими и желанными атрибутами жизни—какъ вновь найденный и возстановленный благословенный законъ начинаетъ проявлять чудеса, какъ изглаживаются хмурыя морщины угнетеннаго несчастнаго труженика и превращаются въ радость и веселіе, какъ недовѣріе, подозрительность и даже ненависть преображаются въ любовь и радушіе, какъ каждый новорожденный день встрѣчается не съ усталымъ вздохомъ, а съ радостнымъ порывомъ преображеннаго, благодарнаго сердца.

Итакъ, постараемся разобраться въ этихъ важныхъ вопросахъ сообща, постараемся прослѣдить эти запутанныя нити, одну за другой, и найти, гдѣ началась эта путаница; соединясь въ одинъ радостный хоръ ищущихъ правды, законовъ труда, жизни, мы люди всѣхъ странъ и вѣрованій поможемъ другъ другу въ этой великой задачѣ обновленія. Это дѣйствительно крупная задача, которая потребуетъ союза всѣхъ темпераментовъ, исторій, расъ, переживаній, опытовъ. Такой союзъ былъ основанъ 9 іюля 1910 г. въ Англіи въ графствѣ Норфолькъ, 26 іюня по инициативѣ Д. Н. Динлопъ, поддержанъ извѣстной общественной дѣятельницей г-жей Деспардъ и съ энтузіазмомъ принятъ былъ собравшимися представителями со всѣхъ концовъ свѣта: Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Франціи, Россіи и Америки. Это первое собраніе образовало ядро будущаго—быть можетъ—громаднаго и плодотворнаго движенія и теперь посылаетъ свой первый призывъ ко всѣмъ братьямъ и сестрамъ въ трудѣ, гдѣ бы они ни находились. Примкните къ намъ и помогите обрѣсть истину.

Говорить ли о современныхъ аспектахъ труда? Не самая ли это больная боль каждаго мыслителя, каждаго человѣколюбца? Сегодня любой труженикъ засмѣялся бы намъ въ лицо, еслибъ

мы осмѣлились заявить простую истину: „Трудъ долженъ быть единымъ съ любовью“. Но, разбираясь во всѣхъ проявленіяхъ хорошаго, полезнаго или талантливаго, вдохновеннаго труда—мы не можемъ не видѣть, что это правда.

Художникъ, выражающій свое лучшее Я въ своемъ „*трудѣ*“—*любитъ* его. Крестьянинъ, шагающій за сохой, *любитъ* поле, товарища-коня, птицъ, которыя порхаютъ стаями по вновь открытой бороздѣ, любитъ солнце надъ головой, рѣченку, которая освѣжаетъ его усталое тѣло, онъ любитъ мечту, проносящуюся въ его головѣ, о золотыхъ снопахъ близкаго будущаго, онъ любитъ самый запахъ земли и ея плодовъ.

Философа, который годами собираетъ все новые и новые аргументы и аспекты его идеи, которая должна идти въ свѣтъ, какихъ бы трудовъ и времени любовь и преданность этой идеи не потребовали отъ него,—любитъ свою идею слишкомъ ярко и горячо, чтобы отпустить ее въ неряшливой одеждѣ; онъ хочетъ видѣть ее столь же прекрасной и лучезарной, какой она являлась ему въ минуты экстаза и вдохновенія.

Работа *женщины*—безконечное выраженіе ея любви и преданности, въ ея многообразныхъ аспектахъ на ступеняхъ ея собственнаго развитія, падая иногда на самые низы простого приготовленія пищи и удобствъ для снабженія физическихъ потребностей тѣхъ, кого она любитъ, возвышаясь иногда до самаго неба, вдохновляя духовныя потребности своего избранника и тѣхъ, которыхъ она принесла въ свѣтъ, высокими идеалами и добродѣтелями.

Разсмотримъ все это поближе и разберемъ современное развитіе этой важной функціи.

Художникъ почти пересталъ искать выраженія самого себя, потому что ему надо *продавать* свои картины и его идеалъ можетъ не только быть не по плечу покупателя, но даже, будя совѣсть богача, внушать ему непріятное чувство отвращенія. И вотъ художникъ, вмѣсто того, чтобы любовно облечь свою идею и передать ее съ тою же любовью въ свѣтъ, долженъ *унизить* себя, чтобы дать свѣту то, что нравится большинству, передать свой трудъ съ проклятіемъ и ненавистью, такъ какъ въ этомъ обмѣнѣ лежитъ источникъ его униженія и упадка.

Музыкантъ, который когда-то на своей восходящей стезѣ слышалъ пѣніе ангеловъ, и самъ сохранилъ въ лучшемъ уголкѣ сердца своего небесныя гармоніи—появляется на эстрадѣ. Ухо профана не слышитъ тонкихъ, небесныхъ мелодій. Оно завѣшано

страусовыми перьями, свѣтскими сплетнями, затянуто мелочнымъ самосознаніемъ. И вотъ артисту приходится совершать сенсаціонные фокусы музыкальной гимнастики, затмить своего предшественника, достичь „рекорда“ головоломнаго музыкальнаго Salto-mortale—чтобы проникнуть въ это огрубѣлое ухо. И въ этомъ случаѣ опять нѣтъ мѣста любви. И не можетъ быть, такъ какъ для этихъ слушателей онъ пожертвовалъ и забылъ небесную музыку его когда-то вдохновленной души.

А гдѣ тотъ, что шелъ за сохой, вдыхая сильный, родной ароматъ Матери-Земли; весь млѣя и потѣя въ лучахъ лѣтняго солнца, мечтая о золотой жатвѣ? Гдѣ онъ теперь? Увы, вы найдете его уже рабомъ машины, онъ уже не поэтъ, не творецъ золотыхъ урожаевъ и красоты, онъ уже не въ мягкихъ складкахъ плаща Матери-природы; онъ угнетенъ, обезчещенъ, блѣденъ въ лицѣ и малодушенъ, онъ боится каждаго слѣдующаго дня, онъ проклинаетъ свою судьбу и людей возвращаясь съ фабрики послѣ рабочаго дня „домой“, похожій на тотъ выгорѣвшій шлакъ, который вмѣстѣ съ золой вывозятъ ежедневно за стѣны фабрики—отработанный, ненужный, мертвый! И здѣсь нѣтъ любви—нѣтъ выраженія индивидуальнаго, Божественнаго Я, нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго, нѣтъ, даже, прошлаго, которое бы можно вспомнить любовно!

Ученый, писатель, гдѣ они теперь? Гдѣ всѣ тѣ, которыхъ сыплетъ на землю щедрая рука подобно тысячѣ сѣмянъ для того, чтобы они проростали, цвѣли и зрѣли въ каждомъ уголкѣ земного шара. Увы! Ихъ мы находимъ усталыми и истощенными работой „не по душѣ“, „не по мысли“, живущихъ только одной стороной сердца и ума, отрицая свое лучшее Я, давая все, что могутъ дать за деньги, развивая въ свѣтѣ новые вкусы къ низшему и развращенному. Потому что, принижая себя, мы неминуемо принижаемъ и развращаемъ все, до чего коснемся.

Благословенны тѣ немногіе, которые несутъ свой свѣтъ черезъ мракъ и равнодушіе. Мы всѣ знаемъ, что это значитъ и какъ трудно это дается. Это тѣ—которые спасутъ человѣчество.

А гдѣ *женщина*? Ахъ, друзья мои. Вотъ гдѣ боль и страданіе!

Что мы сдѣлали съ ней? Что нарушили мы, чтобы заслужить ея горе-горькое!

Какъ это все началось? Когда именно совершилось нарушеніе? Каждый уголокъ земли несетъ свою собственную исторію паденія. И въ этомъ заключается еще одна сторона вопроса, въ

которой мы, члены этого братства, можемъ помочь другъ другу. Пусть ирландецъ разскажетъ намъ, когда и подъ какими влiянiями застыла и замерла его Кельтская душа и когда выраженiе ея въ этомъ естественномъ исходѣ—трудѣ—сдѣлалось предметомъ торговли. Пусть намъ разскажетъ индусъ, когда пробилъ часъ его униженiя и что привело его къ нему? Когда превратились грандiозныя формы его творцовъ—архитекторовъ въ вульгарный современный „стиль", переставшiй быть какъ прежде символомъ духовныхъ исканiй?

Когда это случилось въ первый разъ, что индусская дѣвушка подошла къ колодцу не съ стройной глиняной вазой на плечѣ, а съ фабричной керосинной жестянкой? Когда благородная индусская одежда изъ воздушной ручной ткани, мягкихъ цвѣтовъ растительной окраски, смѣнилась на машинное бумажное тряпье отвратительныхъ яркихъ оскорбительныхъ цвѣтовъ? Когда мы разыщемъ этотъ моментъ и эту причину, тогда мы найдемъ и поймемъ причину исчезновенiя любви въ трудѣ и ту точку, къ которой надо вернуться и направить наши усилiя, *вложивъ* въ нихъ *опытъ долгихъ лѣтъ*. Пусть и русскiй разскажетъ, куда дѣвалась любовь, которой дышатъ всѣ тѣ старинные образцы труда, которыми и теперь еще полны удаленные отъ коммерческихъ центровъ углы. Нѣтъ, даже и не очень старинные! Еще не такъ давно не было пары рукъ, которая не умѣла выразиться на разные лады и въ ткачествѣ, и въ вышивкахъ, и въ рѣзьбѣ по дереву, и въ металлической работѣ, и выразиться языкомъ, говорящимъ о традицiяхъ, вѣрованiи и воспоминанiи древней восточной колыбели. И понынѣ живы еще многiе изъ этихъ людей во всѣхъ углахъ земного шара и продолжаютъ творить красоту и вносятъ въ свою работу искреннюю любовь.

Обитатели городовъ утеряли все это потому, что отвернули свое лицо отъ традицiй, отъ опустѣлыхъ церквей, отъ своей собственной исторiи. Началась новая тяга къ западной цивилизацiи. Казалось все можно было отдать, забыть ради новыхъ западныхъ теченiй и новыхъ высокихъ идеаловъ.

Крестьянинъ потерялъ свое былое отношенiе къ труду другимъ путемъ. Денно и нощно подкрадывался лукавый все ближе и ближе. Его гроши стали требоваться все настойчивѣе и назойливѣе. Они были нужны для войны, на то, чтобы охранять границы страны—границы, вмѣщавшiя въ себѣ многiе миллiоны десятинъ, которыхъ онъ, крестьянинъ, не смѣлъ касаться, не смѣлъ превратить въ цвѣтущiя нивы и поля, полныя жизни и

золотыхъ сноповъ. Деньги требовались также на содержаніе десятковъ тысячъ „крапивнаго сѣмени“ и постройки большихъ и дорогихъ зданій, въ которыхъ эти непонятные рыцари пера цѣлый Божій день писали ненужныя бумаги и курили ненужныя папиросы. Нужны были деньги и на содержаніе и постройку храмовъ науки, въ которые крестьянину, въ его тяжкихъ хлопотахъ, некогда было не только заглянуть, но и подумать. Все это существовало гдѣ-то въ таинственномъ далекѣ, непонятное, недоступное и темное. А деньги на нихъ все шли и шли. Этотъ сынъ полей, загорѣлый до бронзы на жаркомъ солнцѣ, закаленный Крещенскимъ морозомъ, этотъ естественный поэтъ и потомокъ древнихъ богатырей русскихъ—что онъ могъ понять въ этихъ непоглощающихъ, непонятныхъ дѣлахъ? Конечно ровно ничего. Но въ своей привычкѣ повиноваться неодолимымъ силамъ природы онъ гнулъ спину ниже и ниже, утраивалъ свои усилія „добыть, достать“ и порой приходилъ въ паническій ужасъ безвыходности и подчиненія.

Въ старинное, давнее время, онъ былъ свободнымъ человѣкомъ. Онъ жилъ на Божьей землѣ, любовно обхаживалъ ее, извлекая изъ ея плодовъ все, что ему нужно было для жизни. Золотые урожаи зерна, сливочно-желтый картофель, темно-зеленые, обильные огурцы, краснощекія яблоки и безчисленныя лѣсныя ягоды всѣхъ породъ и цвѣтовъ, сладкія и кислыя, сочныя и живительныя и многіе другіе дары лѣса, которые отрадно было собирать въ его гущахъ—все это служило ему пищей.

Шелковистый, зеленый ленъ съ нѣжными голубыми цвѣточками, спускаясь по склонамъ полей вплоть до сочныхъ, напитанныхъ влагой низинъ, какъ богатый коверъ, сотканный эльфами и феями, служилъ ему одеждой, превращаясь въ искусстныхъ рукахъ женщины подъ горячими лучами солнца въ бѣлоснѣжный холстъ.

Маленькіе цвѣты полей, лѣсовъ и луговъ, фантастическіе узоры Мороза на крошечныхъ окнахъ избы, всѣ цвѣтовыя гармоніи листвы, переливы осеннихъ облаковъ, всѣ многообразныя настроенія Матери—природы, облеченныя прирожденной любовью женщины къ мистическимъ воззрѣніямъ и воспитавшаяся въ непосредственномъ общеніи съ природой эта жизнь среди полей, эти ночи подъ звѣзднымъ небомъ—все это сказалось въ художественной орнаментикѣ одеждъ, выразилось въ цвѣтахъ и символахъ, которые больше чувствовались, чѣмъ познавались разумомъ, какъ наука.

Женщина уходила въ лѣсъ въ поискахъ душистаго вереска, смолисто-горькой пахучей березы, выкапывала драгоцѣнный корень марены съ ярко-красной серцевиной, собирала ярко-желтую купавку и добывала изъ нихъ свои окраски.

Красный цвѣтъ выражалъ славу Всевышнему. *Желтый* былъ какъ чистое золото ея стремленій къ чему то Высшему, какъ пламя свѣчи, которую она затепливала въ Церкви, пламя которой на своихъ огненныхъ языкахъ возносило непроизносимое. А *синій* цвѣтъ василька, развѣ не напоминалъ онъ благоговѣнія?

Можно ли удивляться, что эти Божественные дары закристализовались въ памятникахъ народнаго творчества древней Россіи?

Все вокругъ примитивнаго жилья человѣка было проникнуто символами Изиды, онъ вчитывался въ таинственныя исполинскія деревья, ждалъ распускающагося на одну ночь цвѣтка папортника, онъ видѣлъ въ лѣсахъ то, что не видали другіе, онъ слышалъ съ колыбели о могучихъ Силахъ природы и таинственныхъ существахъ: помощникахъ и врагахъ, о такихъ, которыхъ онъ боялся и такихъ, которымъ онъ научился покоряться. Это было непрестанное единеніе и смѣшеніе дѣйствительной жизни съ легендами древнихъ временъ, когда изъ доисторической восточной колыбели родился Дѣдко-Морозъ, и эти образы жили совмѣстно,—иначе какъ бы попала помграната на крестьянскія полотенца Сѣверной Россіи?

Современный ученый считаетъ изображеніе помгранаты символомъ царственности. Можетъ быть онъ и правъ. Но индусы принимаютъ его за символъ *слезъ* и вотъ почему передъ похороннымъ шествіемъ въ Индіи всегда несутъ по гранату.

А птицы? Эти пернатыя стаи всѣхъ цвѣтовъ и голосовъ? Какъ отразились онѣ въ воображеніи крестьянина? Очевидно, птицы самыя таинственныя существа изъ всего живущаго на землѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ, когда зарождалась арійская раса, птицы всегда были олицетвореніемъ мыслей, или посланій, онѣ были души отошедшихъ. Тысячи сказаній, одно красивѣе другого, живутъ и теперь въ памяти крестьянъ. Эти сказанія полны живописныхъ намековъ въ этомъ направленіи.

Что же можетъ быть болѣе естественно въ стремленіи изображать любимый символъ глубокаго значенія на деревѣ, металлѣ, желѣзѣ и серебрѣ, вышивать его шелкомъ и нитками? Даже и теперь въ XX столѣтіи можно найти въ деревняхъ, достаточно отдаленныхъ отъ нивелирующихъ вліяній желѣзныхъ дорогъ,

птицъ, вырѣзанныхъ по концамъ стропилъ и на князькѣ крыши, или павлиновъ (символъ жизни вѣчной) на карнизѣ окна съ „древомъ жизни“ между ними. Можно встрѣтить и солонки—уточки и ковши—павлины самой примитивной, но художественной работы—работы некупленной, а излившейся изъ той самой души, которая задумала ее, для себя и для обихода семьи и прохожаго странника. Тѣ же птички бѣгутъ веселыми стаями или „гуськомъ“ по каймѣ скатертей, спускаются на концахъ полотенецъ и украшаютъ церковные аналои. Онѣ таинственно выглядываютъ среди складокъ парчевыхъ сарафановъ и блистаютъ золотыми нитями въ кокошникахъ.

И теперь въ этомъ удивительномъ XX вѣкѣ, если взять на себя трудъ сойти съ торныхъ дорогъ, заѣхать въ какую нибудь деревню сѣверныхъ окраинъ Олонецкой, Вологодской, Новгородской или Архангельской губ. (можетъ быть отведутъ путешественнику какую нибудь свѣтелочку), можно найти подъ какой нибудь кубовой, цвѣтистой покрышкой цѣлыя коллекціи старинной одежи и поражаешься неожиданностью, несбыточностью, этой живой исторіи человѣческой жизни, мысли, символизма—этой сокровенной невыговоренной красотѣ сердца поэта. Да, это поражаетъ какъ откровеніе! Каждый стежокъ какъ бы вставленъ съ благоговѣніемъ и съ улыбкой какъ мать, отпуская свое дитя на прогулку, прикасается въ послѣдній разъ къ его убранству, любя и тайно шепча благословеніе.

Да, эти люди чувствовали красоту! Они любили носить чудно сшитыя одежды, они повидимому никогда не жалѣли ни труда, ни времени, чтобы каждая одежда была настоящей поэмой. Это такъ подходило къ обстановкѣ: эти косящатыя оконца, узорчатыя крыльца и луга, и работа на нихъ. А шитье и расшивка ихъ такъ хорошо и живописно заполняли долгіе зимніе вечера.

Слѣдовать этимъ религіознымъ символамъ, возноситься душой въ трудѣ, какъ бы въ непрестанной молитвѣ, было необходимѣйшей потребностью въ эти зимніе долгіе часы, когда веселое Солнце такъ рѣдко показывается и душа затемнена зимнимъ заточеніемъ.

Кромѣ того, эта живописная работа, возсоздавая образы и сливаясь и въ тѣхъ и въ другихъ съ пѣніемъ, которое какъ будто дополняло всю эту сферу—возстановляло также чудную, лѣтнюю пору, зеленыя поля и благоухающія деревья и яркія одежды Матери природы. Все тогда въ жизни казалось сказкой, сказки становились жизнью. Онѣ сливались воедино.

А теперь надо подойти къ этой темной тучѣ, этому врагу разрушителю всего живописнаго въ жизни. Тяжелая эта задача—писать картину разрушенія, разложенія. Но это необходимо, такъ какъ еще и понынѣ многіе не видятъ врага подъ маской „цивилизаціи“, „совершенствованія“, „роста промышленности“, „накопленія богатствъ страны“. Современный истребитель долженъ быть непремѣнно привлекателенъ, иначе не будетъ имѣть успѣха. Онъ пришелъ тихохонько, онъ подражалъ тому, кто желалъ добра, свѣта и счастья.

Сначала онъ принесъ машину. Тысячи людей нашли при ней заработокъ. Отцы и братья и мужья пошли первые.

Тяжело казалось женщинамъ разставаться тогда на цѣлые года, тяжело было нести всю мужскую работу на тѣхъ же плечахъ, хотя и такъ были обременены непосильнымъ, невиднымъ трудомъ крестьянки—матери и землепашицы. Тяжело было не имѣть даже писемъ и ожидать непрестанно ошеломляющихъ вѣстей о смерти или несчастномъ случаѣ. Закрадывались мучительныя мысли о порванной связи, соблазнахъ всякаго рода... И вотъ вернулись первые піонеры—но Боже, въ какомъ они были образѣ! Какъ они измѣнились! Все деревенское имъ было уже не „по вкусу“. И даже жены и зазнобушки превратились въ ихъ глазахъ въ глупую деревенщину. Простая пища, лапти, непрестанная ежедневная работа—это все казалось глупымъ.

Заработки?—да, кой кто принесъ съ собой почти достаточно, чтобы уплатить подати, едва ли достаточно, чтобы вознаградить опущенія въ хозяйствѣ при отсутствіи мужской доли труда. Затѣмъ надо было имъ и себя показать, покупать дорогое, непрочное платье въ городѣ и ходить по улицѣ съ гармоникой и выкрикивать вертушки—пѣсни, навѣянныя фабрикой! Почти рады были бабы, когда эти гулянки кончились и мужики вернулись въ свои фабрики.

Но сѣмя было посажено. Скоро и женщины нашли дорогу къ фабрикѣ. Кто знаетъ, что влекло ихъ туда? Тѣ ли заманчивыя, модныя тряпочки, въ которыхъ деревенская Дуняша выглядывала по новому, „что твоя барыня“, та ли ненасытная жажда свободы, таинственное стремленіе уйти отъ старыхъ укладовъ, соблазны новой, незнакомой жизни, новой одежды, новыхъ нравственныхъ положеній? И женщины ушли вслѣдъ за мужчинами. Многія изъ нихъ нашли больше, чѣмъ искали. Онѣ жили какъ въ кипящемъ котлѣ. Эти здоровые деревенскіе цвѣты свернулись и пали легкой добычей городовъ. Не было никого, кто любилъ бы и защищалъ

ихъ для нихъ самихъ, кто уважалъ бы въ нихъ идею женщины и матери. Столкнутыя въ одну общую кучу заблудшей человѣческой толпы, мужчины и женщины, дѣвушки и подростки—почти дѣти, все это въ фабричныхъ поглощающихъ клоакахъ. Некому было пожалѣть! Раздавались только ругань и порицаніе! И какъ могло быть иначе? Нестерпимо длинные часы работы, дешевая плата, неожиданные штрафы, невѣдомо откуда надвигающееся перемалываніе и выжиманіе всего, что въ нихъ жило—жизнь, женственность, правда. Все скипало вмѣстѣ и, выжатыя до суха, онѣ выкидывались изъ рядовъ, какъ никуда негодный отбросъ!

Каково было вліяніе на деревенскую жизнь этого второго исхода пахарей на фабрику?

Истощеніе, безнадежность, отчаяніе, меньше и меньше здоровья и силы въ трудѣ. Послѣ долгихъ лѣтъ, развращенные, больные и истощенные странники вернулись домой одинъ за другимъ, присосались снова къ оставшейся семьѣ, наполнили жизнь проклятіями, пили „горькую“ и умирали безславной смертью, оставляя за собой недоумѣніе и тупое страданіе.

Что же можно сдѣлать для возстановленія справедливости, человѣчности, счастья и поэзіи въ жизни? Видно ли намъ, гдѣ былъ нарушенъ законъ? Что нужно хлѣбопашцу, гдѣ бы онъ ни жилъ, на берегахъ широкой Волги или священнаго Ганга, въ городахъ Шотландіи или изумрудно-зеленой Ирландіи? Что же требуетъ возстановленія попраннаго закона, какъ не *свободное обладаніе землею того, кто ее обрабатываетъ?*

Я слышу много голосовъ, яростно нападающихъ на меня, называющихъ меня утопистомъ, съ ума сшедшимъ. Ну какъ же возможно это сдѣлать! говорятъ они на разные лады. Какъ же возможна такая первобытность, гдѣ государство должно быть законнымъ собственникомъ и творцомъ законовъ? Какъ непрактично желать, чтобы художникъ, проповѣдникъ, артистъ и писатель давали свое лучшее безъ денегъ, ради одной идеи служенія? Какъ же они будутъ жить? Вѣдь они помрутъ съ голода! нелѣпо и смѣшно!

Да, друзья, я только одинъ изъ васъ. Въ моихъ рукахъ нѣтъ магическихъ средствъ совершать чудеса, но у меня есть эта правда. Если мы поставимъ себѣ цѣлью истину, счастье, любовь къ ближнему, мы *должны* принести жертву, каждый изъ насъ, богатый и бѣдный, вліятельный и смиренный. Мы *должны* подготовить условія, при которыхъ чудо можетъ совершиться. Мы должны выносить этотъ идеалъ глубоко въ нашихъ сердцахъ, забыть куплю и

продажу нашихъ духовныхъ даровъ, давать и давать щедро, такъ же щедро, какъ эти сокровища души были дарованы намъ. Только тогда мы услышимъ настоящую музыку, увидимъ вдохновенную работу художниковъ, увидимъ счастливыя лица и колоссальная армія безработныхъ разсѣется въ темныхъ страницахъ исторіи, только тогда наша будничная жизнь сдѣлается царствомъ Божіимъ.

Я слышу и другіе полусочувствующіе голоса тѣхъ, которые давно думаютъ тѣ же думы, носятъ въ себѣ тѣ же идеалы. Этотъ золотой вѣкъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ настанетъ, говорятъ они, но послѣ многихъ и многихъ поколѣній—длинной эволюціи рода человѣческаго: ни мы, ни наши дѣти, ни внуки не увидятъ его.

На это позвольте мнѣ сказать словечко. Поистинѣ, если мы, наши дѣти и внуки будемъ оставаться въ бездѣйствіи, слабо сложимъ руки передъ великой задачей, опустимся у края дороги въ тупомъ отчаяніи, тогда конечно нѣтъ надежды покорить чудище, которое мы создавали въ теченіе многихъ поколѣній своими собственными руками, нерадѣніемъ и самоугожденіемъ.

Время настало выйти во всеоружіи на борьбу со зломъ и не давать ему полнаго одолѣнія.

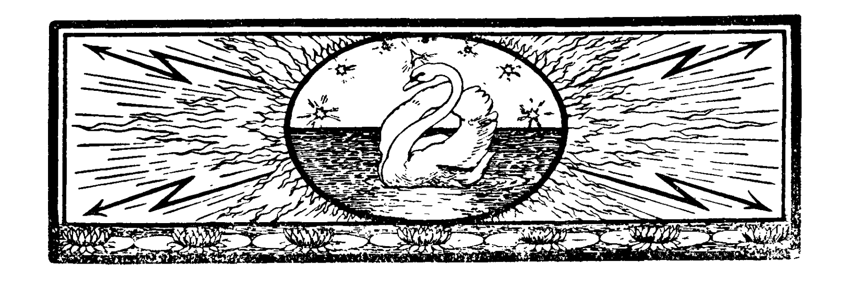
Оно и такъ зашло слишкомъ, слишкомъ далеко. Будемъ ли мы ждать еще большихъ страданій, ниспосылаемыхъ намъ, чтобы привести насъ въ чувство, къ нашимъ обязанностямъ?

Да, полно, не кошмаръ ли это? Если разобрать величайшее современное зло, несправедливость, вслѣдствіи которой одинъ болѣетъ и чувствуетъ себя безпомощнымъ отъ излишнихъ богатствъ, а другой болѣетъ и чувствуетъ безпомощность отъ крайней бѣдности, изъ чего это все сложилось? По просту невѣдѣніе, жадность, *себялюбіе*.

Въ сущности же нѣтъ рѣшительно никакой органической невозможности возстановить нарушенную справедливость. Какъ только мы *проникнемся* пониманіемъ идеи братства, мы также проникнемся отвращеніемъ къ своему собственному преступленію и тогда единственнымъ, желаннымъ, а совсѣмъ не труднымъ и непривлекательнымъ, явится желаніе сбросить всѣ незаслуженныя (преимущества) привиллегіи, желаніе дѣлиться, отдавать, быть однимъ изъ братьевъ, а не однимъ изъ ненавидимыхъ.

Дана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Слабая сторона нынѣшнихъ христіанъ.

(Изложеніе доклада, читаннаго въ Кіевѣ, въ религіозно-философскомъ обществѣ).

Во вступленіи докладчица говоритъ, что она сама православная,—и всѣ нападки на христіанство вообще, и въ частности на Православіе,—ей всегда было тяжело слушать, но она должна согласиться, что это недовольство христіанами вытекаетъ изъ дѣйствительнаго, коренного недостатка ихъ, изъ „совмѣщенія несовмѣстимаго": вѣры въ Христа и языческой жизни; тотъ душевный разладъ, который происходитъ изъ несогласія принциповъ съ жизнью—тяжелъ для самого христіаиина, а на не-христіанина это несогласіе, конечно, должно производить неблагопріятное и отталкивающее отъ христіанства вообще впечатлѣніе. Но, „дѣло въ томъ", говоритъ докладчица, „что вѣрующіе во Христа—еще не значитъ „христіане".

„Пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше". И дальше: „если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій",—это говоритъ апостолъ Павелъ. А апостолъ Іаковъ прямо и ясно говоритъ: „вѣра безъ дѣлъ мертва есть"... и „ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла; покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру изъ дѣлъ моихъ".. Въ Римскихъ катакомбахъ находится изображеніе того, какъ Моисей, ударяя своимъ жезломъ о скалу, источаетъ воду въ пустынѣ, и къ заструившемуся источнику тѣснится народъ со своими сосудами... Проповѣдь любви должна была производить именно такое

впечатлѣніе „источника живой воды, текущаго въ жизнь вѣчную“. И—(мы видимъ изъ Дѣяній Апостольскихъ)—въ то время были и „дѣла“: „у множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа. И никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“. Христосъ говоритъ: „потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Тертулліанъ (160 г.—220 г.) даетъ интересную характеристику прежнихъ христіанъ: „никогда христіанинъ не былъ чѣмъ-либо другимъ, какъ именно христіаниномъ. Не только въ церкви, но и въ домѣ, въ должности, на улицѣ— христіане были настоящими христіанами. Съ нѣжнѣйшею совѣстливостью избѣгали они всего, что могло бы показаться отрицаніемъ ихъ христіанской вѣры“. И это было тогда, говоритъ докладчица, когда вся жизнь была опутана сѣтью языческихъ обычаевъ, когда христіанинъ, чтобы остаться вѣрнымъ своему Богу, долженъ былъ рисковать на каждомъ шагу. Каждый моментъ требовалъ исповѣданія, каждое исповѣданіе навлекало опасность, но— первые христіане не боялись ничего, ни мученій, ни смерти и не находили возможнымъ молчать, когда при нихъ высказывали что-либо противное христіанскому ученію... Въ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ проявляли первые христіане чистую братскую любовь. А теперь—человѣкъ человѣку братъ или волкъ? Развѣ могъ бы жить среди насъ теперь истинный христіанинъ? Развѣ мы могли бы понять его простыя братскія отношенія ко всѣмъ и ко всему?..

Подъ тяжкимъ сознаніемъ своей нехристіанской жизни, христіане часто дѣлаютъ попытки вырваться изъ этого мрака, раздуть искорку того яркаго свѣта, какимъ сіяла жизнь первыхъ христіанъ. Въ Америкѣ, гдѣ существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія, есть много коммунъ, жизнь которыхъ представляетъ типъ настоящей христіанской жизни. Есть тамъ и наши сектанты, нашедшіе убѣжище въ странѣ свободы. Въ 1668 году учреждено тамъ „Общество нравственнаго совершенствованія“ или „Общество свободной религіи“, гдѣ за каждымъ признается право исповѣдывать какую угодно религію, а цѣлью ставится: воспитывать людей, у которыхъ руководящимъ началомъ была бы любовь ко всѣмъ людямъ.

Этимъ обществомъ основано много учебныхъ заведеній, начиная съ дѣтскаго сада и кончая высшими классами этики, кото-

рыми интересуются лучшіе европейскіе педагоги... Полная свобода вѣроисповѣданій позволяетъ каждому обществу или сектѣ имѣть хорошихъ проповѣдниковъ. Результаты нѣкоторыхъ проповѣдей бываютъ поразительны: старики, юноши, дѣти, бѣлые, черные... бросаютъ обычныя занятія, обычную жизнь, проводятъ нѣсколько дней и ночей въ молитвѣ и общественномъ покаяніи... Параллельно съ соціалистическимъ движеніемъ Роберта Оуэна и Фурье были учреждены въ Америкѣ соціалистическія общины; онѣ рушились, но изъ нихъ выросла новая секта „Библейскій Коммунизмъ". Въ Англіи въ началѣ 80-хъ годовъ стала распространяться такъ называемая „религія хорошаго поведенія". Въ концѣ 90-хъ годовъ нѣсколько такихъ общинъ объединились въ одинъ союзъ „The union of ethical societies"...

Въ 1876 г. была основана Вильямомъ Бутсомъ „Армія спасенія". Общество это дѣйствуетъ главнымъ образомъ среди низшихъ классовъ, борясь съ нищетой, преступностью, пьянствомъ, невѣжествомъ, проституціей... У Арміи свои капиталы, мастерскія, земледѣльческія колоніи, бюро, газеты, типографіи... Эта же Армія спасенія дѣйствуетъ и въ Германіи. Кромѣ того въ Германіи существуютъ: Христіанское Братство, Христіанскіе соціалисты, а также церковные союзы „Evangelische Alliance" и „Evangelischer Bund". Члены послѣднихъ были сперва все міряне: духовенство приняло ихъ повышенный интересъ къ религіознымъ вопросамъ за отпаденіе отъ церкви и отрицаніе ея авторитета; но затѣмъ пасторы понемногу начали примыкать къ нимъ,—такимъ образомъ церковь соединилась съ мірянами.

Въ Норвегіи въ 1868 г. основался 1-ый кружокъ христіанскаго союза молодежи; черезъ 12 лѣтъ было уже 335 подобныхъ кружковъ, которые составляютъ одинъ союзъ. Онъ имѣетъ свой журналъ „Другъ молодежи", свои газеты, библіотеки, издаетъ книги и—наконецъ—основываетъ общежитія для студентовъ. Цѣль всего этого: сплотить молодежь для проведенія въ жизнь христіанскихъ идеаловъ. Въ Бельгіи на конгрессѣ христіанскихъ рабочихъ бывшій анархистъ-террористъ Робертъ произнесъ рѣчь, которая была его исповѣдью: „Не видя никакихъ попытокъ", говорилъ онъ, „осуществить добро въ жизни, я былъ глубоко убѣжденъ, что христіанство—вредная утопія, сознательный обманъ для эксплоатаціи людей, и я искалъ правды внѣ христіанства... Когда началась организаторская дѣятельность христіанскаго соціализма, я началъ сомнѣваться въ основательности моихъ предубѣжденій противъ христіанства... заинтересовался вопросами вѣры, понялъ

громадное жизненное значеніе вѣры въ Бога—любовь для организаціи жизни на началахъ братолюбія... пришелъ къ вѣрѣ сознательно и въ этой вѣрѣ нашелъ полное удовлетвореніе всѣхъ высшихъ потребностей ума и сердца".

Среди духовенства Франціи есть партія дѣятельнаго духовенства, проводящая въ литературу идеи истинной христіанской жизни. Такъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія аббатъ Нодэ выпустилъ книгу „На дорогѣ къ будущему", въ которой между прочимъ говоритъ: „не побоимся сказать правду: мы живемъ въ атмосферѣ развращенной и развращающей; оздоровить жизнь можно только стройно организуя добро и всѣ соціальныя отношенія построивъ на христіанской основѣ любви. Она должна проникать собою всю жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ... Болѣе всего вытравило религіозность во французскомъ обществѣ то, что правительство королевской Франціи настойчиво стремилось превратить церковь, просто на просто, въ одно изъ вѣдомствъ сложной машины государственнаго механизма"... Но „зрѣетъ закваска Царства Божьяго", говоритъ онъ, „выростаетъ дерево христіанства, созрѣваютъ на немъ новые плоды".

Въ Россіи менѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было попытокъ передѣлать жизнь согласно христіанскимъ идеаламъ, если брать только вѣрующихъ во Христа. Есть Неплюевское братство,—но жизнь его во многомъ расходится съ идеаломъ жизни первыхъ христіанъ и носитъ характеръ слишкомъ узкій. Существуютъ нѣсколько сектъ съ христіанскимъ складомъ жизни... но въ господствующей у насъ православной церкви—попытки вернуться къ истинной христіанской жизни еще дѣло будущаго... Приходится сознаться,—мы живемъ жизнью языческой, и всѣ обвиненія совершенно правильны: мы не „соль міра", не „свѣтильники жизни"... Въ концѣ своего доклада, вспоминая „недавнее прошлое"—погромы евреевъ, докладчица говоритъ: „Какими бы названіями мы не отдѣляли отъ себя ту часть, которая фактически громила евреевъ, на всѣхъ насъ, принадлежащихъ къ православной церкви, пятномъ позора лежатъ погромы"... но можетъ быть „чѣмъ больше горимъ мы стыдомъ за прошлое, тѣмъ большими подвигами его искупимъ"... Зрѣетъ закваска Царства Божьяго, выростаетъ дерево христіанства, зрѣютъ на немъ новые плоды!—такъ кончаетъ свой рефератъ докладчица.

Т.

Отзывы о книгахъ.

Сборникъ „Міръ Чудесъ“. К-лю. Иркутскъ. Типографія т-ва „Печатнаго дѣла“. 1908 г. Цѣна 80 коп.

Книга раздѣлена на 2 части: въ первой приведенъ фактическій матеріалъ изъ области гипнотизма, магнетизма, спиритизма и другихъ родственныхъ имъ явленій; во второй даются наиболѣе распространенныя объясненія всѣхъ этихъ явленій. Каждый, прочтя эту книгу, можетъ выбрать то объясненіе, которое наиболѣе его удовлетворяетъ. Книга составлена довольно полно и обстоятельно. Къ сожалѣнію изданіе выполнено недостаточно тщательно. Во всякомъ случаѣ эта книга является интересной попыткой познакомить публику съ фактами изъ области мало изученныхъ еще психическихъ и иныхъ сверхчувственныхъ явленій.

Обращеніе земли вокругъ солнца — вѣковое заблужденіе. В. Э. Фельзенмейера. СПБ. 1910 г. Цѣна 25 коп.

Трудно найти брошюру, лучше иллюстрирующую мысль объ относительности нашихъ познаній, — какъ приводимая работа Фельзенмейера. Законъ движенія земли вокругъ солнца, законъ Ньютона и др. вѣрны лишь подъ извѣстными ограниченіями, являются не болѣе какъ фикціями человѣческаго ума. Повидимому авторъ набрелъ на древнюю оккультную теорію, согласно которой земля вращается не вокругъ солнца, а вокругъ какой то невидимой точки въ пространствѣ на извѣстномъ разстояніи отъ солнца, что и доказывается рядомъ математическихъ исчисленій. Получаемый такимъ образомъ законъ криволинейнаго движенія тѣлъ въ пространствѣ отлично объясняетъ всѣ извѣстныя намъ явленія временъ года и многія другія, которыя до настоящаго времени не имѣли удовлетворительнаго объясненія.

К. Кудрявцевъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**